ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Институт государственного управления, права
и социально-гуманитарных наук

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 1914-1920-Е ГОДЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Сборник докладов научно-практических конференций

28 июля 2010 г.
9 ноября 2018 г.
24 мая 2019 г.
(избранное)

Тирасполь

2021

УДК 94(478:47)(082)
ББК ТЗ(4Мол5)я431+ТЗ(2)6я431
П 75

Редакционная коллегия:
В.А. Содоль, канд. ист. наук, доцент (ответственный редактор);
И.П. Шорников, канд. ист. наук (зам. ответственного редактора);
А.В. Моспанов (ответственный секретарь).

Рецензенты:
Т.А. Мокан – зам. начальника Государственной службы управления документацией и архивами Приднестровской Молдавской Республики;
Г.Е. Слободянюк – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

На обложке: Взрыв в сарае артиллерийского парка в бастионе «Василий»Тираспольской крепости, 1918 г. (фото Г.-Ж. Робера из коллекции А.Г. Тихонова).
Публикуемые в сборнике фотографии взяты из открытых источников и предоставлены авторами статей.

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

Приднестровье в 1914-1920-е годы: взгляд через столетие: Сборник докладов научно-практических конференций: 28 июля 2010 г., 9 ноября 1918 г., 24 мая 2019 г.: (избранное) / Приднестровский государственый университет им Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления, права и социально-гуманитарных наук, Институт социально-политических исследований и регионального развития; редакционная коллегия: В.А. Содоль (ответственный редактор) [и др.]. - Тирасполь: Б. и., 2021 (ЗАО "Типар"). - 264 p.: fot.
Referințe bibliogr. la sfârșitul art. - 200 ex.
ISBN 978-9975-4451-9-1.
94(478)"1914/1920"(082)
П 75

В сборник вошли избранные доклады, представленные учеными-историками России, Приднестровья и Молдовы на круглом столе «Первая мировая война в исторических судьбах России и Приднестровья» (28 июля 2010 г., г. Тирасполь), республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «1918 г. в судьбах Приднестровья, России и мира (к 100-летию окончания Первой мировой войны)» (9 ноября 2018 г., г. Тирасполь), научно-практической конференции «Бендерское вооруженное восстание: взгляд через столетие» (24 мая 2019 г., г. Бендеры).

Издание адресовано историкам, политологам, журналистам, а также всем, кто интересуется историей СССР, России, Молдовы, Приднестровья.

УДК 94(478:47)(082)
ББК ТЗ(4Мол5)я431+ТЗ(2)6я431

Рекомендовано к печати Научно-координационным советом ПГУ им. Т.Г. Шевченко

ISBN 978-9975-4451-9-1

© Коллектив авторов, 2021
© Институт социально-политических исследований и регионального развития, 2021

Уважаемое собрание!
Дорогие друзья!

Век тому назад, 11 ноября 1918 г., недалеко от города Компьень Антанта и Германия подписали соглашение о перемирии. Во многих странах Европы эта дата известна также как Международный день памяти погибших в Первой мировой войне. Длившаяся более четырех лет война, непосредственными участниками которой стали 38 государств, унесла более 9,5 млн жизней, 23,5 млн человек были ранены. Наибольшие потери понесли Германия, Россия, Франция, Англия, Австро-Венгрия. Тяжким итогом стало и то, что за пределами России оказались миллионы ее бывших подданных.

По окончании Первой мировой войны была полностью перекроена политическая карта Европы, изменились границы прежних и установлены границы новых государств. Этот процесс затронул и земли юго-запада бывшей Российской империи – Румыния оккупировала Бессарабию и Буковину, Галиция была присоединена к Польше.

Как известно, возникшие на обломках ослабленной внутриполитическими противоречиями России новые государства – Украинская Народная Республика и РСФСР – еще зимой–весной 1918 г. заключили с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией сепаратные мирные договоры, перечеркнувшие жертвы, трехлетние усилия и надежды. Бывшие союзники по Антанте немедленно вычеркнули Россию из числа победителей и по сей день не включили ее в этот список. Для государства, вынесшего на своих плечах невероятную тяжесть мировой войны, это унизительное соглашение с врагами стало трагедией.

Первая мировая война спровоцировала глобальные внутрипо-

литические изменения не только в побежденных государствах, но даже в странах-победительницах, сделала мир иным хотя бы потому, что рухнули христианские империи (прежде всего Россия и Австро-Венгрия) и поднялось американское мессианство.

Еще одним продуктом Первой мировой войны и выступающей наряду с ней в диалектическом единстве Октябрьской революции стала советская власть, давшая дополнительную ветвь мировой цивилизации – советскую.

Сегодня некоторые геополитические процессы напоминают положение в мире конца XIX – начала XX в., когда фактически наблюдалась ситуация «войны всех против всех», где несколько центров силы соперничали между собой, что, как показали дальнейшие события, чрезвычайно опасно. Чтобы избежать ошибок прошлого, вначале надо в нем глубоко разобраться, на что и нацелены усилия участников республиканской научно-практической конференции «1918 г. в судьбах Приднестровья, России и мира».

Желаю плодотворной работы в рамках предусмотренных программой дискуссионных площадок и интересных докладов, несущих новые открытия!

Ректор ПГУ им. Т.Г. Шевченко,
профессор С.И. Берил,
9 ноября 2018 г.

Уважаемые участники конференции!

Известно, что история развивается по спирали. И сегодня мы переживаем непростую политическую ситуацию, которая чревата повторением трагических событий столетней давности. Чтобы не повторять ошибок прошлого, надо знать историческую правду, бороться с фальсификацией и переписыванием истории. Именно с этой высокой целью в канун 100-летия Бендерского вооруженного восстания мы собрались в стенах Бендерского историко-краеведческого музея для обсуждения причин, главных перипетий и последствий этого исторического события.

Сотрудниками музея подготовлена выставка «Добровольное присоединение или оккупация?», которая представляет материалы подлинной истории 22-летней бояро-румынской оккупации Бессарабии 1918–1940 гг. Необходимость этой выставки продиктована тем, что с момента провозглашения 27 августа 1991 г. независимости Республики Молдова все более значительная часть молдавской молодежи воспитывается в агрессивном унионистском духе и не знает подлинную правду о богатой и славной истории своей собственной страны и своего народа, превращается в поколение, не помнящее историю своих предков, и слепо идет за финансируемыми и направляемыми официальным Бухарестом организаторами «маршей объединения». Эти молодые люди повторяют бессмысленные «кричалки» о том, что «Молдова – это Румыния», что «молдаване – это румыны», что их родной язык – «румынский», что только новая «унире» принесет на нашу землю «экономический прогресс и социальное процветание», как это бы-

ло (по их мнению, сформировавшемуся под влиянием насквозь лживого учебного курса фальсифицированной «Истории румын») после «Унире-1918», якобы «свершенной по воле всего народа Бессарабии».

Все это прямое следствие того, что молдавским школьникам и студентам после 1991 г. преподается фальсифицированная в угоду политическим кругам Бухареста версия исторических событий, которая выгодна унионистам на обоих берегах Прута, захватившим сферу народного образования Республики Молдова. Они упорно пытаются переориентировать молдавскую молодежь, привить ей прорумынские взгляды, что им зачастую вполне удается, так как нынешнее молодое поколение крайне мало читает, особенно научную литературу, предельно слабо информировано и плохо знает историю. Они тщательно скрывают от молдавской молодежи тот исторический факт, что на самом деле «Унире-1918» была осуществлена – вопреки воле и при активном сопротивлении молдавского народа! – путем румынской военной оккупации территории бывшей российской губернии Бессарабии, провозгласившей себя Молдавской Демократической Республикой.

Как установили на основе глубокого и объективного исследования бессарабских событий 1918 г. видные молдавские и русские ученые-историки, т. н. «Великое объединение» Бессарабии с Румынией происходило в обстановке румынской военной оккупации, причем решение о нем было принято самовольно, по приказу румынских властей, никем не избранным, самопровозглашенным «верховным органом власти» в Бессарабии, а потому никого, кроме самого себя, не представлявшим Сфатул Цэрий (причем открытым, поименным голосованием!) 27 марта 1918 г., под прицелом винтовок и пулеметов румынских солдат, находившихся в зале голосования в Кишиневе.

С официальным протестом против решения Сфатул Цэрий выступил СНК РСФСР, в ноте которого от 18 апреля 1918 г. было сказано, что оно является *«вызовом Российской Федеративной Советской Социалистической Республике»*, а также *«вопиющим нарушением только что подписанного Советско-румынского соглашения об очищении Бессарабии от румынских войск и насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации»*. Нынешним явным и тайным унионистам в соста-

ве «проевропейской» власти в Кишиневе не мешало бы также вспомнить о том, что их предшественники из числа молдавской политической элиты, которые после «Унире-1918» оказались в составе «Великой Румынии», вопреки своим ожиданиям получили сомнительный статус и положение «второсортного сословия», «чужих среди своих», а также заслужили проклятия преданного ими молдавского народа, на который по их вине обрушились большие бедствия и страдания в условиях румынской военной оккупации.

Уже в 1920 г. известный румынский писатель и адвокат Николае Коча, отвечая тем своим согражданам, которые выражали «недоумение» в связи с протестами и недовольством со стороны молдаван в оккупированной Бессарабии, писал: *«Имеем ли мы право требовать от бессарабцев, чтобы они любили румын и не предпочитали им русских? Что сделали мы в течение двух лет румынского управления, чтобы привлечь к себе симпатии бессарабцев? Они имели свободную страну. Русская революция дала им все права и все свободы. Что мы им дали взамен? Жандармов! Агентов сигуранцы! Всех бандитов из Старой Румынии!»*.

Катастрофическими были социально-экономические последствия румынской оккупации для Бессарабии, из которой в Старое королевство были вывезены все более или менее доходные промышленные предприятия, а самим бессарабским предприятиям было запрещено увеличивать численность своих рабочих и развивать производство. Между Старым королевством и Бессарабией была учреждена таможня и установлен «тарифный барьер». Всем местным коммерсантам в Бессарабии было запрещено заниматься какой-либо внешней торговлей без посредничества румынских компаний. К исходу 1930 г. в Бессарабии были закрыты треть местных школ и почти половина больниц. Согласно данным Лиги наций, Бессарабия под румынской оккупацией была признана «регионом бедствия», где смертность населения была самой большой в тогдашней Европе. Почти 500 тыс. человек навсегда покинули Бессарабию в поисках работы и средств к существованию.

Особенность колониального положения Бессарабии в составе «Великой Румынии» в 1918–1940 гг. заключалась в том, что она была превращена в аграрно-сырьевой придаток Старого королевства – отсталой страны с

сильными позициями феодализма, которая находилась в кабальной зависимости от крупных держав Запада. Бессарабия подвергалась безжалостной эксплуатации и хищническому ограблению со стороны правящих классов буржуазно-помещичьей Румынии и международных монополий. Только в виде налогов за годы оккупации из Бессарабии румыны «выжали» в Бухарест свыше 60,4 млрд леев.

Констатируя, что «с Бессарабией не церемонились..., не искали даже оправданий для тех или иных безрассудных распоряжений», румынский журнал «Вяца ши экономия», издававшийся в Кишиневе, писал в 1929 г.: *«Бессарабию в экономическом отношении били глухие и слепые, которые не слышали стонов и не видели крови»*. Результатами такой политики были застой и регресс в промышленности, продукция которой не выдерживала конкуренции товаров из Румынии и других европейских стран. Доля Бессарабии в промышленном производстве королевской Румынии и оккупированных ею территорий, так называемой «Великой Румынии», поэтому неуклонно сокращалась. Значительная часть наиболее крупных предприятий (железнодорожные мастерские станций Бендеры, Басарабяска, депо Флорешты, текстильные и трикотажные фабрики, кожевенные заводы) была перебазирована в Румынию. К 1937 г. в Бессарабии была ликвидирована половина цензовой промышленности.

Многие жители Бессарабии активно сопротивлялись бесчинствам румынских оккупантов. В 1919 г. здесь произошли крупные народные восстания – Бендерское и Хотинское. Как писал в 1923 г. Эрнест Хемингуэй, *«теперь Румыния вынуждена содержать самую большую в Европе постоянную армию, чтобы подавлять восстания своих «новоиспеченных» румын в Бессарабии, которые желают только одного – перестать быть румынами»*. В 1924 г. весь юг Бессарабии охватило Татарбунарское восстание, которое было жестоко подавлено румынскими войсками, в том числе с применением авиации, артиллерии и химического оружия. В защиту арестованных повстанцев выступили тогда такие мировые авторитеты, как Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Бернард Шоу, Анри Барбюс, Луи Арагон, Михаил Садовяну, Томас Манн, Ромэн Роллан.

За время оккупации Бессарабии войсками королевской Румынии с 1918 по 1940 гг. в крае погибло 88 тыс. мирного населения.

28 июня 1940 г. Бессарабия была освобождена, причем уже за несколько часов до прихода Красной Армии Кишиневом управлял Временный революционный комитет, не дававший отступавшей румынской армии растащить народное достояние и собиравший народное ополчение.

Все эти события произошли много десятилетий назад. Однако истории свойственно повторяться. Для того, чтобы нам не пришлось оказаться вовлеченными в водоворот столь же драматических событий, мы должны изучать свое прошлое. Именно для этого и нужны, в том числе, различные исторические научные формумы. Я желаю участникам конференции интересных докладов и плодотворных дискуссий!

Директор
историко-краеведческого музея
г. Бендеры
И.Г. Смирнова,
24 мая 2019 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление в научном обороте все новых документов и материалов, переосмысление известных фактов способствуют постижению новых, иногда геополитических смыслов событий прошлого. Среди историков растет число приверженцев следующей концепции: Первой и Второй мировых войн не было, была «Вторая тридцатилетняя», по аналогии с 30-летней войной 1618–1648 гг., или «Великая европейская война» 1914–1945 гг. Многие именуют этот период также Европейской гражданской войной.

В России Первая мировая война была воспринята как Вторая Отечественная. В ее ходе было и добровольческое движение, и героическая «атака мертвецов» – отравленных газами защитников крепости Осовец, и офицеры не прятались за спины солдат – огромная часть офицерского корпуса погибла уже в первые месяцы войны, и священники уходили на фронт, чтобы окормлять воинов на полях сражений, и талантливые генералы планировали и проводили успешные операции против германской, австро-венгерской и турецкой армий, которые на других фронтах громили войска Великобритании, Франции, Италии. Вопросу о том, как Вторую Отечественную войну превратили в войну гражданскую, посвящено огромное количество литературы, но дискуссия по-прежнему далека от завершения.

Первая мировая действительно оказалась началом даже не европейской, а всемирной войны. После капитуляции государств Четверного союза в ряде стран разгорелись войны гражданские, и до 1939 года, когда началась Вторая мировая война, кровопролитие в мире не прекращалось.

Февральский переворот, произошедший в России в 1917 году, был инициирован дипломатией западных «союзников» с целью лишить страну заслуженных плодов победы в мировой войне. Не без вмешательства в политические процессы «темных сил» (по выражению У. Черчилля) было спровоцировано и «остервенение народа», точнее, его части, на время забывшей о традиционных ценностях и государственных интересах. Большевики взяли власть в стране с разрушенными армией, экономикой, финансами, расколотой социальным антагонизмом и искусственно подогретыми межэтническими противоречиями.

Следует задаться вопросом: имелись ли в стране достаточные социально-экономические причины для гражданской войны? К началу 1917 года победа в Первой мировой России была обеспечена, а экономических причин для революции было не больше, чем, например, во Франции, Великобритании или, тем более, в странах германского блока. Однако в России правящий класс, а вслед за

ним и массы народа утратили сознание ответственности за судьбы Отечества. Это создало условия для иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Вклад интервентов в развертывание гражданской войны – еще одна тема научных дискуссий.

История этой войны не оставляет места для идеализации ни белых, ни красных, ни националистических режимов, утвердившихся на окраинах рухнувшей империи. Советские историки отказывали белому лагерю в патриотизме, а белогвардейские правительства представляли марионетками западных держав, на них возлагали всю ответственность за войну, в которой белые являлись только одной из противоборствующих сторон, за тяжкие людские и материальные потери, за хозяйственную разруху и утрату позиций России на международной арене. В свою очередь, белые мемуаристы и историки-эмигранты вовсю обличали большевиков, обвиняя их в тех же самых грехах.

Отрезвить народ мог парадокс истории: в условиях гражданской войны России, чье правительство призвало завершить мировую войну миром «без аннексий и контрибуций», пришлось выплачивать контрибуции и мириться с утратой огромных территорий. В 1920-х годах бывший командующий белыми армиями на Юге России А.И. Деникин точно определил гражданскую войну как «Русскую смуту».

Однако пробуждение общегосударственного сознания началось ранее. На бессарабском направлении белые, как и красные, выступали против внешнего врага.

В сборник «Приднестровье в 1914–1920-е годы: взгляд через столетие» вошли избранные доклады, представленные учеными-историками России, Приднестровья и Молдовы на круглом столе «Первая мировая война в исторических судьбах России и Приднестровья» 28 июля 2010 г., республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «1918 г. в судьбах Приднестровья, России и мира (к 100-летию окончания Первой мировой войны)» 9 ноября 2018 года, научно-практической конференции «Бендерское вооруженное восстание: взгляд через столетие» 24 мая 2019 г. Материалы настоящего издания, посвященные завершающему этапу Первой мировой войны и событиям гражданской войны в России, развернувшимся на Юго-Западе страны, могут быть использованы при поиске ответов на многие вопросы истории этого периода.

Сборник заинтересует ученых, журналистов, преподавателей, студентов.

От редколлегии –
И.П. Шорников,
канд. истор. наук

Раздел I.

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ВОДОВОРОТЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

УДК 94(47:498)

Н.В. БАБИЛУНГА,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

РОССИЯ И РУМЫНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОЮЗНИКИ ИЛИ ВРАГИ?

Аннотация: Рассматривается внутриполитическое положение в Румынии в годы Первой мировой войны, колебания правящих кругов по вопросу о вступлении в войну, их желание участвовать в дележе добычи на стороне победителей в целях своей территориальной экспансии, неудачное вступление Румынии в войну на стороне Антанты и предательство ею своего союзника и спасителя в ходе оккупации румынами в 1918 г. Бессарабии – части территории России.

Ключевые слова: Румыния, Россия, Бессарабия, Первая мировая война, Антанта, Тройственный союз.

В XX в. мировое сообщество вошло обремененным грузом трудноразрешимых противоречий, которые отчасти тянулись из прошлого, отчасти накладывались новые обстоятельства. Однако не только противоречия между сложившимися группировками определяли масштабы войны. Конфликт зрел глобальный. В Первой мировой войне участвовало более 30 стран. 74 млн человек были призваны под боевые знамена. 10 млн из них остались на полях сражений, а раненых и покалеченных насчитывалось более 20 млн.

Миллионы россиян сложили свои головы на фронтах войны; из них сто тысяч погибли, защищая союзную Румынию (правда, насколько она была союзной, мы еще попытаемся разобраться). Этим россиянам не сооружено ни одного обелиска ни на территории

Румынии, ни на территории России. Их ждала общая печальная участь – забвение.

Долгое время в СССР, да и в других странах было принято характеризовать Первую мировую войну как империалистическую. С классовой точки зрения это правильно, хотя такая оценка выглядела безапелляционно, как клеймо. По сути, она была во многом и несправедливой, несмотря на ее общепринятую распространенность. Величайшую общечеловеческую трагедию бессмысленности гибели многомиллионных масс людей, жертв политики своих и чужих правительств, слишком примитивно объяснять характером новой эпохи в истории человечества, «эпохи империализма».

Историю нельзя делить на «белую» и «черную». Эти цвета чаще всего переплетаются и выступают в единстве, не говоря уже о множестве других цветов, которые и составляют неповторимый спектр тех или иных событий человеческой истории. А картина в Балканском регионе в тот период пестрела как нигде неоднозначными и противоречивыми сочетаниями оттенков и их противоборством. И не случайно именно события на Балканах стали тем запалом, который и разжег мировую бойню. Ведь к войне привело не просто соперничество между крупнейшими колониальными державами за передел мира. Существовали в Европе и другие не менее важные факторы. Однако им зачастую не придавалось того значения, которого они заслуживали.

В конце XIX – начале XX в. разворачивается невиданное по силе движение тех народов Европы, которые не имели своей государственности или когда-то утратили ее. Это движение отражало стремление народов к объединению в собственное национальное государство. Причем такое стремление сопровождалось желанием расширить свои государственные границы до максимально возможных пределов, не учитывая интересов соседей. Финны, эстонцы, латыши, литовцы, поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, албанцы ожесточенно боролись за развал многонациональных империй и создание национальных государств. При этом греки, сербы и румыны в процессе Первой мировой войны планировали завершить собственное объединение в максимально возможных пределах.

Первая мировая война, а затем, как ее продолжение, революции и гражданская война в России по своим результатам привели к появлению на карте мира таких независимых государств, как Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Чехословакия, Польша. Результаты войны собрали в единое государство югославянские земли, и родилось коро-

левство Югославия. По результатам войны удвоили свои территории Греция и Румыния. Европа приобрела качественно иной облик.

Однако трагедия была в другом. Версальский мир не снял острейших противоречий между европейскими странами. Более того, в эти противоречия был втянут и ряд новых государств. При этом «победители» демонстративно подвергали «побежденных» немыслимым для цивилизованного мира национальным унижениям. Европа 1920–1930-х гг. не стала зоной мира и согласия, как это представлялось отцам-основателям Версальской системы, прежде всего Англии и Франции. Европа осталась местом раздоров и соперничества, неуклонно приближая Вторую мировую войну. При этом предпосылки новой войны вызревали как в среде «победителей», так и в среде «побежденных», среди стран как «старой», так и «новой» Европы.

В свете этого, вызывает интерес эволюция Румынии в ходе Первой мировой войны и ее отношение к своей союзнице по Антанте и спасительнице от полного военного краха – России. Это тем более заслуживает нашего внимания, что в последние годы официальная историография Молдовы все настойчивей пытается сфальсифицировать позицию румынского государства в ходе Первой мировой войны и ее вероломную политику по отношению к своей союзнице – России. Так, доктор хабилитат А. Морару (бывший зам. директора Института истории партии при ЦК КПМ и непримиримый борец против буржуазных фальсификаторов истории в советские времена) в книге «Istoria românilor: Basarabia şi Transnistria» обрушивает свой высокий гнев на русскую армию [13]. И это в высшей степени странно!

Поспешное вступление Румынии в войну в августе 1916 г. на стороне Антанты привело к почти полному разгрому ее армии (250 тыс. убитыми, ранеными и пленными), к падению Бухареста и к почти полной оккупации ее территории войсками Центральных держав. Только создание Румынского фронта в декабре 1916 г. стало спасительным актом для сохранения румынской государственности. При этом русские вынуждены были ослабить свои силы на Западном фронте, откуда были выведены 6-я и 4-я армии, а также на Юго-Западном фронте (выведена 9-я армия). Эти русские подразделения в ходе непрерывных боев сумели остановить совместное наступление австро-болгаро-германских войск и тем самым спасти остатки румынского воинства и государственности. Чем же не угодили русские господину Морару? Оказывается, летом 1917 г. немцы били румынскую армию потому, что русские войска опоздали к началу нового румынского наступления.

Не будем говорить о том, что летом 1917 г. распропагандированные большевиками, анархистами и левыми эсерами русские войска были практически небоеспособными, – в России уже вызревали предпосылки войны гражданской. Однако отметим, что данная логика сама по себе достаточно оригинальна. Можно ожидать, что скоро молдовская историография будет обвинять даже Гитлера: почему, мол, фюрер не отозвал из Африки танковый корпус фельдмаршала Роммеля и не бросил его на спасение жизней румынских витязей, окруженных и массами гибнувших в то время под Сталинградом?!

За годы «независимости» Молдовы ее официальная историография наплодила огромное количество литературы о «законности» и «добровольности» присоединения Бессарабии к румынской «матери-родине». К сожалению, ни логики, ни убедительных аргументов все эти издания не содержат.

Поэтому рассмотрим все по порядку с точки зрения нормальной логики, исторических фактов и объективной действительности. В самые первые дни войны император Вильгельм потребовал от румынского короля Карла выполнения союзнических обязательств. С другой стороны, российское правительство дало понять румынскому премьеру И. Брэтиану, что за участие Румынии в войне на стороне Антанты могут последовать определенные территориальные вознаграждения.

На состоявшемся Коронном совете близ города Синая король Карл пытался склонить правительство к военному выступлению на стороне Тройственного союза, угрожая в противном случае своим отречением. Однако правительство Румынии решило не спешить и занять выжидательную позицию, ибо, по словам Брэтиану, *«война будет долгой, подождем, как развернутся события; нам еще представится случай...»* [5]. Немного позже Брэтиану заявил, что его страна должна войти *«в зал мирной конференции под руку с победителями»*. В том же духе высказывались и другие румынские политики. В частности, издатель наиболее популярных газет «Адевэрул» и «Диминяца» К. Милле заявил в парламенте: *«Мы не можем примкнуть ни к одной из нынешних группировок, ибо не можем предугадать исхода войны»* [3, с. 62].

И. Брэтиану, премьер-министр Румынии

Однако немцам это очень не понравилось. Рассматривая Румынию как заблудшего союзника, они решили поставить переговоры с нею на деловую основу, понятную и близкую румынскому менталитету. Немцы предложили румынам осенью 1914 г. Бессарабию в качестве платы за участие в войне, а потом к этому «призу» добавили еще и Одессу. Брэтиану ответил в том смысле, что награда сама по себе прекрасна, но нет гарантий ее получения. Не худо было бы, чтобы и Австро-Венгрия получила что-нибудь из «русского наследства». Тогда претензии возмущенной России на возврат утраченных ею территорий автоматически встретят противодействие двух государств. Немцы принялись успокаивать Брэтиану, что восточнее Днестра будет создано «великое княжество Украина», которое прикроет Бессарабию так, что «русским уже будет не до реванша».

Понимая, что бессарабский «пряник» недостаточно удовлетворяет хищные аппетиты румынской олигархии, Вильгельм II даже пытался склонить своего австрийского коллегу к территориальным уступкам в Трансильвании в пользу румын. В своей телеграмме от 16 сентября 1914 г. он телеграфировал императору Францу Иосифу: *«Ключ к исходу войны против России находится в руках Румынии»* [11, с. 256]. Однако австрийцы не только не собирались отдавать румынам хотя бы пядь земли, но и не согласились даже предоставить какие-либо национальные права трансильванским румынам.

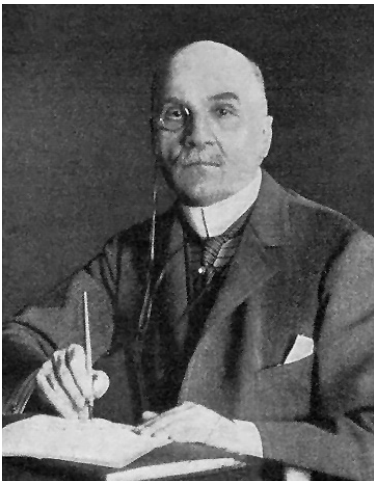
Конечно же, румыны, обсуждая все эти заманчивые предложения, буквально преображались и росли в собственных глазах. Правительство Брэтиану с удовольствием восседало на своем «наблюдательном месте», полагая, что подобная щедрость со стороны Тройственного союза побудит и Антанту на широкие территориальные предложения румынам. Опираясь на царские посулы немцев, можно будет успешнее торговаться с Антантой, требуя и от нее такой же щедрости.

Вообще, и правительство, и румынское общество очень внимательно следили за разворачивавшейся мировой бойней, тщательно взвешивая на весах, кто окажется победителем, к кому примкнуть и в какой момент это следует сделать. Видный консерватор Н. Филипеску в газете «Епока» рассуждал: три вещи нужны для войны – люди, хлеб и деньги. В этом преимущества Антанты очевидны. Политику, которую осуществляет правительство в данное время, по его мнению, можно было бы выразить одной фразой: *«Обманем всех, вступим в войну после победы, но перед заключением мира»* [12, с. 385]. Политика верная, но явно недостаточная для того, чтобы

отхватить максимальный куш. Необходимо выступить инициативно и энергично, чтобы собственными победоносными сражениями достичь «упрочения нашего государства». В таком же плане рассуждали не только антантофилы Румынии, но и ее прогерманские группы.

В Петербурге эти кипящие страсти воспринимались без особых эмоций. Россия достаточно спокойно относилась к готовности Румынии ввязаться в драку, как только твердо наметятся ее победители и их перевес в силах не будет вызывать ни у кого никаких сомнений. В начале 1916 г. Николай II отметил в своем дневнике о Румынии: *«Мы ее, конечно, насиловать не будем, но Германия, несомненно, это сделает»*. В это же время в Петербург приезжает один из главных сторонников Антанты Николае Филиппиде, который вынес впечатление, что *«русские к румынской армии относятся с пренебрежением»* [3, с. 173–177].

Русская дипломатия также смотрела на румынские колебания довольно равнодушно. Министр иностранных дел Сазонов заявил в мае 1916 г. румынскому посланнику в Петрограде Диаманди: *«Напрасно вы думаете, что мы так жаждем вашего выступления»* [7], хотя и добавил, что если оно произойдет, то будет встречено «сочувственно». А начальник Генштаба российской армии генерал М.В. Алексеев, посылая полковника Генштаба Татаринова на переговоры в Бухарест, предписал ему *«ясно показать, что мы не стремимся вовлечь румын в войну»* [3, с. 150]. Такое прохладное отношение русского командования объяснялось тем, что, по плану Брэтиану, румыны собирались все свои вооруженные силы бросить на захват Трансильвании, а русские должны были сосредоточить на юге Бессарабии 200 тыс. солдат для защиты захваченной румынами в ходе Второй балканской войны 1913 г. Южной Добруджи. Тем самым предполагалось столкнуть русских с болгарами.



Ж.М. Палеолог,
посол Франции в России

После начала Брусиловского прорыва в Карпатах и первых побед русских войск в этой операции румынский политический класс заволновался: не пора ли присоединиться к намечавшимся победителям? Тем более что французский посланник в Петро-

граде М. Палеолог пугал К. Диаманди скорой потерей всех надежд румын на Трансильванию. *«С каждым проходящим днем,* – говорил он румынскому дипломату, – *все больше шансов на то, что Австро-Венгрия запросит мира, жертвуя Галицией, чтобы спасти, по крайней мере, Трансильванию»* [3, с. 153, 154]. Об этом же писали и французские газеты, заявляя без обиняков, что после разгрома Австро-Венгрии и поражения Германии *«шансы на мир возникнут быстро и Европа не станет сражаться во имя реализации румынской национальной программы»*.

Правда, спокойная политика Петербурга в отношении румынских территориальных аппетитов и торговли по поводу будущих земельных приобретений не была достаточно последовательной и зависела от субъективных причин. Осторожное отношение к вступлению Румынии в войну при министре С.Д. Сазонове изменилось, когда в июле 1916 г. его заменил Б.В. Штюрмер. Ни Министерство иностранных дел, ни ставка, ни даже царь не являлись в этот критический период полноправными распорядителями внешней политики России. Французы и англичане втягивали Румынию в войну, не оглядываясь на очень осторожное отношение к такому шагу самой России.

14 августа 1916 г. Румыния присоединилась к Антанте и поклялась не заключать сепаратного мира. Однако, верная себе, Румыния не могла не сделать сразу же подножки своим союзникам по Антанте. Брэтиану, воспользовавшись продовольственным кризисом в Германии и Австро-Венгрии, разрешил вывезти во второй рейх 140 тыс. вагонов (1,4 млн тонн) зерна, а в Австро-Венгрию – 50 тыс. вагонов. Это вызвало нервную реакцию в Англии, но Брэтиану и тут использовал ее с выгодой для себя. Во-первых, он в какой-то мере смягчил отношения с Берлином и Веной, во-вторых, погасил недовольство румынских аграриев затовариванием зернового хлеба в стране в связи с экспортными запретами, в-третьих, к выгоде для румынской олигархии, он продал 80 тыс. вагонов пшеницы британскому консорциуму, дабы смягчить неприятный осадок у стран Антанты от румынской измены.

М.В. Алексеев, начальник штаба Ставки

Бесконечные затяжки и «игра на двух столах» принесли Румынии крупный по-

литический проигрыш. Предложение генерала М.В. Алексеева выступить «теперь или никогда» было выдвинуто в расчете на то, что пока еще сохраняется эффект Брусиловского наступления и австрийцы не в силах будут выступить против натиска нового неприятеля. Но Брэтиану и тут был верен себе. Он дождался, пока фронт Центральных держав стабилизировался, дождался, когда немцы заменили разбитые свои части свежими, дождался, пока Германия залатала все прорехи и дыры, нанесенные русскими Австро-Венгрии. Таким образом, вступление Румынии в войну на стороне Антанты лишь усугубило положение на фронтах, особенно на русско-германском. Россия в срочном порядке была вынуждена создавать Румынский фронт, на который было послано миллионное русское войско. И хотя фронт именовался Румынским, русские удерживали 4/5 его линии.

Однако и в самой Румынии с самого начала ее вступления в войну сложилось отчаянное положение. Большая часть территории страны была занята неприятелем. Немцы в оккупированных районах довели систему поборов и реквизиций до совершенства, переписав все имущество крестьян до последней курицы и оставляя зерна лишь на нищенский прокорм. В стране начались повальные болезни, голод, разруха, о чем красноречиво свидетельствуют донесения дипломатов.

Эту ситуацию легко можно понять по свидетельствам иностранных дипломатов. Секретарь русской миссии в Яссах князь Гагарин писал в феврале 1917 г.: *«Эпидемии уже свирепствуют, а что будет через неделю-другую, трудно даже себе представить... На кладбище по несколько дней стоят не преданные земле гробы за недостатком рабочих для рытья могил»* [2]. Британская военная миссия в своей секретной записке констатировала: *«Деятельность железных дорог совершенно парализована. Солдаты, брошенные на железнодорожные линии, умирают в вагонах от голода»* [4]. Несмотря на введенную жесткую карточную систему, и той нищенски скудной нормы хлеба не выдавалось. А когда хлеб поступал в продажу, у булочных возникали жестокие драки и хлеб доставался тем, кто был сильнее и наглее.

Румынская королева Мария в своем дневнике в эти дни писала: *«Наши несчастные раненые мрут как мухи, и не от ран, а от пневмонии, подхваченной в нетопленых госпиталях»*. Румынские села были совершенно обескровлены мобилизациями; работать было просто некому. Жандармы гнали на полевые работы оставшихся женщин и стариков. Но те не могли заменить убывшую мужскую рабочую силу. Из 1 млн 600 тыс. гектаров пашни четвертая часть

осталась необработанной. Демографическая статистика приводила такие ужасающие цифры: 70% родившихся в 1917 г. детей не прожили и года. В Румынии было множество сел, где не выжил ни один ребенок.

Однако ужас разорения и начинавшейся катастрофы национального масштаба совершенно не волновал олигархию. Наоборот, аппетиты румынских правящих кругов были просто беспредельными. Ни подписанные документы, ни принятые на себя обязательства не имели для них никакого значения. Румыния не выполнила союзный договор и не вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, как это предусматривалось заключенным с немцами союзом. Более того, в сентябре 1914 г. Румыния подписала договор с враждебной Германии Россией, в соответствии с которым она выговаривала себе право занять населенные румынами территории Австро-Венгрии. В августе 1916 г. аналогичный договор правительство Брэтиану подписало с другими державами Антанты. При этом румыны оговорили себе право захватить земли, населенные украинцами и венграми по р. Тиса, а также сербами (Западный Банат).

Парадокс состоял в том, что все эти тайные сговоры, которые больше напоминали торговые сделки, абсолютно не соответствовали военным потенциям Румынии. С началом вступления румын в войну под ружье было поставлено свыше 700 тыс. человек. Но все они были плохо вооружены и должны были воевать на очень растянутом фронте. Уже в ноябре немцы и австрийцы оккупировали большую часть королевства, включая и ее столицу Бухарест. Осенью и зимой 1916 г. румыны потеряли на фронтах большую часть вооружения, а также 250 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. На фронтах Первой мировой войны к началу 1917 г. осталось всего 50 тыс. румынских военнослужащих. В декабре 1916 – январе 1917 гг. русская армия остановила неприятеля на р. Серет и не допустила окончательного разгрома румынской государственности. Это позволило румынам накопить силы и дать неприятелю отпор в Мэрэшештском сражении.

В середине июля 1917 г. румынско-русские войска начали наступление в районе села Мэрэшешты в Румынии. В ответ на это германо-австрийские войска нанесли ответный удар и начали наступление на еще не оккупированную часть королевства, рассчитывая полностью захватить Румынию и прорваться на Украину и Юг России. Однако в результате упорных боев неприятель понес большие потери и вынужден был отступить. Это единственная за весь период вой-

ны успешная военная операция румынской армии. Однако никакого успеха без помощи российских войск у нее не могло быть.

События Февральской революции, отречение Николая II от престола и установление в стране республиканского правления в корне изменили ситуацию. Новый режим в спорах с пробольшевистским Петроградским Советом все же решил вести войну «до победного конца». Союзники по Антанте не допускали и мысли о возможности выхода измученной России из войны. Но воевать было некому и нечем.

Петроградский Совет в страхе перед офицерским заговором выпустил «Приказ № 1», по которому офицеры отстранялись от командования. Наличие контрреволюционных настроений в армии и возможность реставрации монархии, понятно, исключать было нельзя. Но страна реально воевала с мощными силами еще не побежденного противника. Приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г., больше напоминавший воззвание с благими намерениями демократизировать армию, практически привел к развалу дееспособной армии в условиях непрекращавшихся военных действий.

Это было именно то, чего так добивались большевики, – развал воинской дисциплины на фронтах, потеря армией своей боеспособности и превращение войны империалистической в войну гражданскую. Русская армия и военно-морской флот исчезли в течение нескольких месяцев, ушли в небытие подобно мифической Атлантиде. Мятежные солдаты и матросы смещали своих командиров с командных постов, многих просто убивали. К середине апреля 1917 г., когда В.И. Ленин с группой революционеров возвращался из эмиграции в Петроград через неприятельские страны, 50% офицеров русской армии было уже уничтожено. Защищать румын от немцев и австрийцев было к этому времени уже некому, русская армия практически не воевала. Большевистский переворот в Петрограде, произошедший 25 октября 1917 г., довершил развал старой российской армии и флота.

В этих условиях правительство Румынии заключило в Фокшанах 26 ноября 1917 г. перемирие с Германией и Австро-Венгрией. По его условиям значительная часть Румынии оставалась оккупированной. А 24 апреля 1918 г. в Бухаресте был подписан кабальный для Румынии мир. От королевства были отторгнуты румынские земли с населением в 500 тыс. человек. На захваченной территории немецкие оккупанты установили режим террора и грабежа всех богатств страны.

Чудовищно, но факт: при этом политический класс Румынии не занялся поиском путей освобождения страны от немецких и ав-

стрийских оккупантов, а принял абсурдное решение ударить ножом в спину спасителям румынской государственности, то есть России, которая в ходе революционных преобразований лишилась своей армии. Румынская военщина вторгается на территорию Бессарабии и Северной Буковины, населенной преимущественно украинцами и русинами, и фактически отторгает эти земли у союзной ей державы, пользуясь смутой и гражданской войной, начинавшейся в России. Мы не будем вдаваться в подробности этой операции, поскольку не в этом состоит цель настоящей статьи. Хотелось бы все-таки сосредоточить внимание на вопросе о том, кем же была Румыния для России в годы Первой мировой войны – союзницей или врагом?

Формально ответ в данном случае очевиден. Румыния вступила в войну на последних ее этапах на стороне Антанты, к которой принадлежала и Россия. Более того, Россия, открыв Румынский фронт для спасения остатков румынского государства, вынужденно ослабила Юго-Западный фронт и остановила продвижение на Запад армии генерала А. Брусилова. И в качестве «благодарности» за такое бескорыстие Румыния, оккупированная немцами и австрийцами, теснившаяся на небольшой территории провинции Молдова, отхватила у России изрядный кусок ее земель, который никто в мире не считал и не собирался объявлять румынской землей.

Совершенно очевидно, что румыны совершили просто беспрецедентный в истории шаг, когда одна страна грабительски отхватывает кусок территории у другой, причем не у врага, а у своего союзника и спасителя! Во всемирной истории, пожалуй, трудно найти инцидент, хоть в чем-то подобный данному акту. Насколько же такой шаг соответствовал существовавшему тогда праву?

На Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. члены румынской делегации ходили победителями. Они, нисколько не смущаясь, потребовали от стран-победительниц территории, которые были обещаны Румынии при ее вступлении в войну. Согласно Сен-Жерменскому, Нейискому и Трианонскому мирным договорам Румынии были переданы Трансильвания, а также Буковина и Южная Добруджа, населенные главным образом украинцами и болгарами. В октябре 1920 г. державы Антанты подписали так называемый Парижский протокол о признании Бессарабии за Румынией. Румыния получила этот «подарок» в обмен на подавление революционного движения в Венгрии и Советской России.

Таким образом, в результате Первой мировой войны территория Румынии увеличилась с 131 353 кв. км до 295 049 кв. км, а населе-

ние – с 6,7 млн до 18 млн человек. Не играя практически никакой роли в военных победах Антанты над странами Тройственного союза, румыны умудрились в два-три раза увеличить свои территории и население.

Небезынтересно и то, как сами бывшие союзники по Антанте реагировали на грабеж румынами чужих территорий. 25 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.), когда румыны фактически уже перешли Прут и начали оккупацию Бессарабии, французский консул в Кишиневе П. Сааре дал интервью газете «Свободная Бессарабия», в котором заявил, что в Бессарабию могут вступить чешские, сербские и трансильванские войска «для восстановления порядка». И всё – только для восстановления порядка! Французский посланник в Румынии А.-Ф. де Сент-Олер в то же время заявил, что *«вступление румынских войск в Бессарабию не будет влиять ни на нынешнее политическое состояние Бессарабии, ни на судьбу этой страны в будущем»* [9]. По его словам, ввод румынских войск является исключительно военным мероприятием, имеющим целью обеспечить нормальное функционирование русско-румынского фронта.

Как показали дальнейшие события, в том числе и упомянутый Парижский протокол, это была элементарная ложь с целью дать более или менее приемлемое объяснение оккупации румынами части России. Следовательно, чудовищный шаг Румынии по захвату части территории своей союзницы и спасительницы в Первой мировой войне был ничем иным, как спланированной военно-политической операцией по интервенции и разделу России, которая планировалась не в Яссах или Бухаресте, а в Париже и Лондоне.

Поддерживая Румынию в ее желании разжиться за счет территории России, страны Антанты и австро-германского блока постоянно подчеркивали якобы временный характер оккупации из чисто военных соображений, для обеспечения тылов Румынского фронта от анархии. Однако это совершенно не соответствовало ни желаниям румынской правящей верхушки, ни – что гораздо важнее! – планам Лондона и Парижа по созданию «санитарного кордона» вокруг Советской России. Румынские политические круги вполне ясно и отчетливо понимали ничтожность своих притязаний на Бессарабию с точки зрения права и практики международных отношений того периода.

В конце 1918 г. румыны перевели этот вопрос в совершенно иную плоскость, и западные дипломаты были поставлены в трудное положение. Ибо одно дело – организовать и оправдать интервенцию как средство борьбы с ненавистным большевизмом, совсем другое

дело – признание законности отделения от России ее части. Когда на Парижской мирной конференции в 1919 г. румынский премьер И. Брэтиану потребовал санкционировать объединение Бессарабии с Румынией, возникли непреодолимые сложности. Дело в том, что так называемую Молдавскую Народную Республику, провозглашенную Сфатул Цэрий в ноябре 1917 г., никто в мире не признавал, да и этот самозванный орган не был признан ни одним правительством мира. Именно поэтому проведенные румынами два «голосования» по отделению от России и «условному» присоединению к Румынскому королевству не имели абсолютно никакой юридической силы. Обсуждение этого щекотливого вопроса растянулось на долгих два года.

Государственный секретарь США Р. Лансинг объявил тогда на конференции, что он не уполномочен разбираться в конфликте между «двумя дружественными державами» (т. е. Румынией и Россией), и это был весомый удар по румынским планам. Бывший председатель Временного правительства России князь Г.Е. Львов вместе с бывшими министрами иностранных дел С.Д. Сазоновым и П.Н. Милюковым направили в Париж ноту протеста против территориальных притязаний Румынии к России. На конференции в Париже выступил известный общественный деятель, основатель конституционно-демократической партии, последний посол России во Франции В.А. Маклаков, который резко отрицал право союзников распоряжаться землями России без ее согласия. Бывший министр иностранных дел П.Н. Милюков даже издал в Лондоне сборник документов о румынской оккупации Бессарабии. А посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев так охарактеризовал попытки санкционировать оккупацию Бессарабии Румынией: *«Это – дискриминационный акт распоряжения территорией бывшего союзника без его согласия, не имеющий прецедента в истории права»*. Никаких аргументов против этого обвинения никто из дипломатов не смог выдвинуть.

Б. А. Бахметев, посол Временного правительства в США

В принципе той же позиции придерживалось и правительство США, всесторонне изучив бессарабский вопрос и утвердившись

во мнении, что с точки зрения международного права невозможно признать присоединение Бессарабии к Румынии законным актом. Государственный секретарь США Б. Колби 12 июня 1920 г. телеграфировал в Париж: *«Соединенные Штаты всегда отказывались быть вовлеченными в обсуждение румынских притязаний на Бессарабию. Эта позиция была совершенно ясно выражена на заседании Верховного совета (Антанты) прошлой осенью... Правительство не может быть участником договора, направленного на расчленение России»* [1].

Тогда румынские дипломаты в Париже изменили тактику и всячески стали подчеркивать свои заслуги в борьбе «против агрессивного большевизма». Они утверждали, что на Днестре Румыния грудью защищает западную цивилизацию от нашествия восточных варваров. Эти настойчивые домогательства румын основывались не на международно-правовых аргументах и даже не на исторических изысканиях, а на чисто политических, даже идеологических и пропагандистских клише.

Неожиданно для румынской дипломатии эти пропагандистские лозунги вызвали в американском руководстве не похвалы, а раздражение. Б. Колби в октябре 1920 г. обратился с письмом к президенту В. Вильсону, в котором писал: *«Имея в виду наш постоянный отказ одобрить политику, направленную на расчленение России... я склонен инструктировать посла Уоллеса в том смысле, что мы не подпишем договор относительно Бессарабии, и далее, что, по нашему мнению, поспешные действия в этом деле могут лишь способствовать предоставлению большевикам нового предлога для раздувания национальных настроений на том основании, что союзники распоряжаются российской территорией»* [8]. Собственноручная резолюция президента Вильсона на этом письме гласила: *«Я полностью разделяю Ваш взгляд и надеюсь, что Вы отправите предложенные Вами инструкции»* [10]. США и далее от этой позиции не отказывались.

Б. Колби,
госсекретарь США

Тем не менее 28 октября 1920 г. в Париже был подписан протокол о признании присоединения Бессарабии к Румынии. Соединенные Штаты в этом протоко-

ле не участвовали и подписывать протокол отказались, а Япония его не ратифицировала. Таким образом, злополучный протокол санкционировали лишь три страны – Англия, Франция, Италия, а также, разумеется, и Румыния. Данный акт, повторим, не имел прецедента в истории: три страны, ни одна из которых формально не находилась в состоянии войны с Россией, при полном нарушении всех норм международного права давали свое согласие на отчуждение части ее территории в пользу другой страны. Правда, формально предусматривалось, что с появлением в России признанного этими государствами правительства ему предложат присоединиться к данному протоколу.

В 1924-1925 гг. Англия, Италия и Франция установили с Советским Союзом дипломатические отношения. Однако никто к этому протоколу больше не возвращался. Собственно, в этом не было и необходимости, ибо 1 декабря 1924 г. Совнаркомы РСФСР и УССР заявили о своем отказе *«признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия»* [6, с. 181]. Этой позиции СССР неуклонно придерживался на протяжении всего межвоенного периода. А в 1940 г., когда военная и государственная слабость СССР отошла в область предания, Советский Союз освободил от 22-летней оккупации территорию Бессарабии и Северной Буковины. Таким образом, бессарабский вопрос, созданный российской «союзницей» по Антанте в годы Первой мировой войны, был успешно разрешен мирным образом.

Это произошло 28 июня 1940 г. И этот день бывший и.о. президента Молдовы М. Гимпу объявил «днем советской оккупации». Возможно, лично для него так оно и есть – насильственная смена молдавской идентичности на румынскую стала краеугольным камнем планов нового поглощения края соседней страной и долгожданного «вхождения РМ в Европу». Совсем иначе оценивали этот день как жители освобожденной в 1940 г. Бессарабии, так и большинство населения современной Молдовы. В связи с этим, представляется, что ни историческая подоплека данного события, ни его политическая и даже морально-нравственная оценка со стороны нынешних властей Республики Молдова не имеют ничего общего с действительностью и рассчитаны только на незнание собственным народом своего прошлого.

Фактически для жителей Бессарабии Первая мировая война закончилась через 22 года после ее официального завершения. Именно в этот день, 28 июня 1940 г., регион был освобожден от незакон-

ной румынской оккупации и возвратился в состав общей державы. Хотелось бы надеяться, что эта дата будет рано или поздно восстановлена как всенародный праздник. Если, конечно, Бог когда-нибудь вразумит правителей Молдовы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях. Режим доступа: https://razboiulpentrutrecut.wordpress.com/2017/04/06/бессарабия-камень-преткновения-в-рос/

2. Битва за Бухарест. Режим доступа: https://news.myseldon.com/ru/news/index/162066216

3. Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969.

4. Звонарев К.К. Агентурная разведка. К., 2005. Режим доступа: http://istmat.info/node/29932

5. Кампания 1916 года (часть 32). Румынская катастрофа. Режим доступа: https://wpristav.ru/publ/istorija/kampanija_1916_goda_chast_32_rumynskaja_katastrofa/4-1-0-859

6. Мальцев Д.А. Бессарабский вопрос в годы Гражданской войны в России // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4.

7. Млечин Л. Румыния и Болгария. Два Фердинанда. Режим доступа: https://military.wikireading.ru/52078

8. Назария С. Позиция западных держав в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции. Режим доступа: https://ava.md/2014/01/21/poziciya-zapadnyh-derzhav-v-bessarabskom/

9. Назария С. Румынская интервенция в Бессарабии (1918 г.) и ее интерпретация в историографии и мемуарах румынских государственных деятелей. Режим доступа: http://journals.uran.ua/index.php/2415-3818/article/viewFile/67402/62724

10. Назария С. Эволюция политики стран Запада в бессарабском вопросе на Парижской конференции. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/Evolutia%20politicii%20tarilor%20occidentale%20in%20problema%20basarabiei.pdf

11. Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 1. М.-Л., 1947.

12. Очерки политической истории Румынии (1859–1944). М., 1983.

13. Moraru A. Istoria românilor: Basarabia şi Transnistria (1812–1993). Chişinău, 1995.

УДК 94(498)

М.В. ОСЬКИН,
канд. ист. наук (г. Тула)

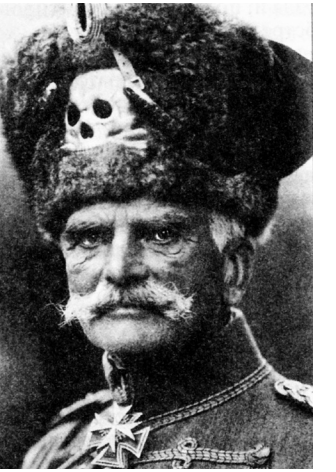
БУХАРЕСТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 16–24 НОЯБРЯ 1916 ГОДА: РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ В СРАЖЕНИИ ЗА РУМЫНИЮ

Аннотация: В статье рассматривается ход и результаты сражения за Бухарест конца осени 1916 г. в период Первой мировой войны. Западные союзники по Антанте, втягивая Румынию в войну, рассчитывали оттянуть на Балканы часть германских сил из Франции. Русская Ставка Верховного командования, напротив, не желая выступления Румынии, постаралась минимизировать усилия России в поддержке нового союзника по Восточному фронту. Объективная же слабость румынских вооруженных сил не могла способствовать победоносному исходу намеченных военных операций. В итоге спустя всего три месяца после вступления в войну Румыния была разбита, а две трети ее территории оккупированы противником. Сражение за Бухарест представляется центральным ядром этой драмы, так как после падения румынской столицы львиная доля борьбы в Румынии легла на плечи русской армии.

Ключевые слова: Бухарестская операция, Дунайская армия, генерал Авереску, французская миссия, фельдмаршал Макензен, р. Ольта.

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. в военном планировании предполагало наступление главной румынской группировки (1-я и 2-я армии) в австрийской Трансильвании, в то время как 3-я армия и подходивший ей на поддержку русский 47-й армейский корпус прикроют Добруджу от болгарских атак. В течение второй половины августа 1-я и 2-я румынские армии чрезвычайно вяло (по 2-3 км в сутки) продвигались в Трансильвании, все-таки заняли Кронштадт и Германштадт, но потом увязли в горных боях, для которых не имели ни инженерного оборудования, ни горной артиллерии. В конечном счете фронт в Трансильвании стабилизировался по линии Теплица–Туснад–Малнас–Фелдиора–Зарнест–Селленберг–Меризор. Потери были немалы, а успехи минимальны: пробиться на равнину, чтобы реализовать численное превосходство, так и не удалось. Трофеи наступавших румынских армий также были невелики – по донесению французского атташе, к 21 августа румыны взяли 370 офице-

ров и 5 081 солдата пленными, 10 орудий, 2 пулемета и бронепоезд [20, с. 123].

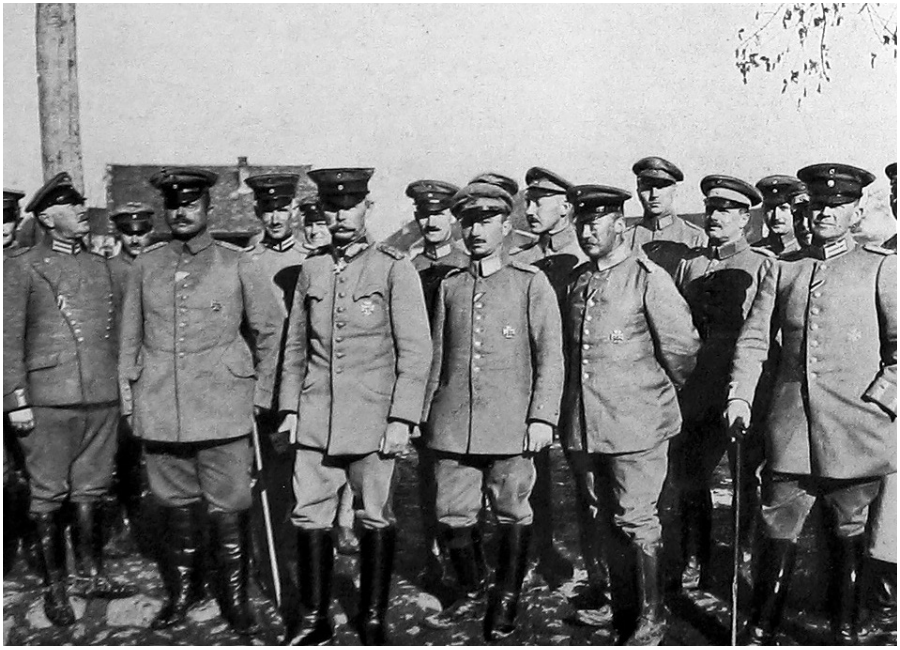


А. фон Макензен, фельдмаршал
(из коллекции М.В. Оськина)

В свою очередь, в Добрудже, сумев сконцентрировать превосходящие силы, германо-болгарские войска фельдмаршала А. фон Макензена оттеснили русских и румын, вскоре объединенных в Добруджанскую армию под командованием русского комкора-47 А.М. Зайончковского, вглубь Добруджи, заняли порт Констанца и перекрыли провинцию системой полевых укреплений. Русская Ставка с запозданием реагировала на неудачи, присылая подкрепления несвоевременно и в небольших количествах, имея целью удержание Добруджи согласно союзным обязательствам, но не более того. Между тем к концу октября стало понятно, что придется спасать всю Румынию.

Усилив группировку в Трансильвании, австро-германцы в конце сентября провели операции под Германштадтом и Кронштадтом, нанеся поражение румынским 1-й и 2-й армиям, отбросив их на горные перевалы и обескровив. К 12 октября румынские армии отошли за линию государственной границы, сокращая фронт и опираясь на заблаговременно подготовленные рубежи, что в горных условиях играет важную роль. Таким образом, румыны отступили на свою территорию, но это позволило им сорвать планы командующего 9-й германской армией Э. фон Фалькенгайна по прорыву вглубь Румынии уже в первой половине октября.

Не сумев пробиться через румынскую оборону, хотя и был достигнут ряд крупных тактических успехов, немцы перенесли направление главного удара на запад. Это означало, что разрезать Румынию пополам, наступая на Плоешты и далее на Бухарест, у противника не получится. Поэтому германское командование во второй половине октября приняло на вооружение планирование, согласно которому румынские армии должны были быть уничтожены на равнине совместными усилиями группировок Фалькенгайна и Макензена – в стиле шлиффеновских «клещей». Раз уж не получилось нанести сокрушительный удар через горные хребты, то приходится, вынеся операции на равнину, действовать с двух направ-



Командующий 9-й армией генерал Э. фон Фалькенгайн со своим штабом
(из коллекции М.В. Оськина)

лений. Неиз-менным остается одно – наступательная операция на окружение главных сил противника как средство, одним ударом решающее исход борьбы за Румынию.

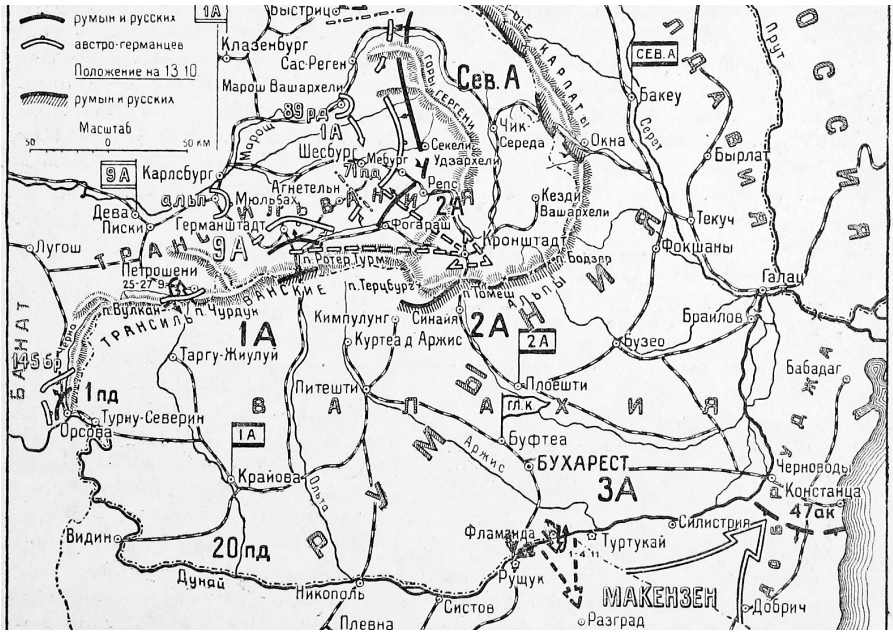
После преодоления противником перевалов в Трансильванских Альпах русско-румынское командование ясно осознало, что наиболее привлекательной целью для австро-германцев станет столица Румынии – Бухарест. Захват большого города – это удар не только по престижу и моральной устойчивости армии и нации, но и использование крупнейшего железнодорожного узла, что в условиях бедной в железнодорожном отношении Румынии имело значительную роль для продолжения боевых действий. Донесение русского агента из Германии 1 октября 1916 г. гласило: *«...в Германии, как в военных, так и в общественных кругах ожидают скорого занятия Бухареста... многие считают, что после этого частная подписка на 5-й заем пойдет успешно. Ввиду важности сего последнего для Германии, можно предполагать, что Бухарест действительно может явиться временным объектом операций немцев»* [8, л. 15].

Операция на окружение должна была быть проведена в районе румынской столицы – Бухареста. Это – «Малые Канны», но зато реальные и вполне достижимые, так как в случае молниеносной операции под румынской столицей не могло оказаться значительных русских войск, которые смогли бы спасти положение. Впрочем, румыны не могли сдать свою столицу просто так, обычно малая страна старается удержать ее любыми средствами. Следовательно, львиная доля румынских вооруженных сил так или иначе, как полагали немцы, будет разгромлена и уничтожена, после чего предстоит добивать остатки сил противника, покуда преследование не упрется в русскую оборону.

В середине сентября А. фон Макензен, командовавший южной группой армий, приступил к перегруппировке. В то время как 3-я болгарская армия, подкрепленная небольшими германскими контингентами, должна была сковывать русских и румын в Добрудже, главные силы двинулись к плацдарму Систово–Зимницы. В состав Дунайской армии, которую возглавлял Р. фон Кош, вошли германская 217-я пехотная дивизия, болгарские 1-я и 12-я пехотные дивизии, турецкая 26-я пехотная дивизия и смешанная дивизия Гольца. Дабы отвлечь внимание неприятеля, немцы готовили семь ложных переправ на участке между Видином и Силистрией, а напротив крепостей Туртукай и Рущук производили отвлекающие артиллерийские обстрелы.

Бросок немцев через Дунай в мгновение ока изменил всю оперативную обстановку в Румынии. Чтобы не попасть в окружение, 1-я румынская армия должна была начать отход в Трансильвании, так как неприятельская переправа через Дунай создавала фланговую угрозу. Следовательно, 9-я германская армия получала возможность беспрепятственного преодоления гор и выхода на равнинную местность, где можно было использовать тяжелую артиллерию и опыт немецких командиров в маневренной борьбе. К моменту переправы группировки Макензена (3 ноября германо-болгарские войска вступили в Зимницу) румынские армии, недавно победоносно наступавшие в Трансильвании, были выбиты и с гор. Опасаясь нового поражения, к которым в Румынии уже привыкли, 13 ноября румынское правительство переехало в Яссы.

Командующий русской Дунайской армией В.В. Сахаров (сменивший А.М. Зайончковского) получил приказ направить к Бухаресту все те войска, что будет возможно снять с фронта в Добрудже. К этому времени Дунайская армия получила подкрепления в виде резервов – 96 маршевых рот (20 тыс. чел.) к 2 ноября и еще 62 (13,5 тыс.) к



Румынский фронт в октябре 1916 г. *(из коллекции М.В. Оськина)*

16 ноября. В телеграмме в Ставку от 14 ноября главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов, которому подчинялась Дунайская армия, предлагал половину Дунайской армии направить в район Бухареста (4-5 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии) и подтолкнуть наступление 9-й армии. Когда немцы бросились на Бухарест, Сахаров 13 ноября распорядился помочь румынам частями 40-й пехотной, 8-й кавалерийской дивизий и 40-й артиллерийской бригады. Соответственно, в связи с ослаблением сил, «*активные действия в Добрудже должны временно приостановиться впредь до прибытия 2-й пехотной дивизии*» [3, л. 50-51]. Следовательно, русская помощь ускорилась, так как к концу октября стало окончательно ясно, что если русские не успеют создать новый фронт, то Румыния обречена. Однако В.В. Сахаров, видя развал румынской обороны, считал, что помощь 4-го корпуса все равно опоздает, хотя 17 ноября представитель русского командования при румынской Главной квартире М.А. Беляев телеграфировал: «*...румыны возлагают теперь всю надежду на сохранение Бухареста на ту помощь, которую окажет им Дунайская армия*» [5, л. 163, 195, 199].

Тем временем в Трансильвании события развивались стремительно и неблагоприятно для румынской стороны: 29 октября 1-я румынская армия была разгромлена в долине р. Ольта (по-немецки Альт). 2-я армия потерпела поражение под Кронштадтом. Румыны всюду отступали, а русские не могли оказать им существенной поддержки. Они попытались организовать контрудар в Добрудже, чтобы оттянуть на себя силы неприятеля, сковать их и не позволить Макензену наступать на Бухарест. Но время было уже упущено – в десятых числах ноября австро-германцы с двух сторон устремились на Бухарест. Общее командование принял фельдмаршал Макензен.

Румынские пехотинцы, 1916 г.
(из коллекции М.В. Оськина)

Таким образом, согласовав во времени действия двух армейских группировок, немцы теперь согласовывали их и в пространстве. А именно – германские удары по румынам должны были вестись по сходящимся направлениям, имея общей целью румынскую столицу, а также и те силы румын, что будут защищать Бухарест. При всем том окружение главной румынской группировки, отступавшей из Трансильвании, предполагалось западнее Бухареста. Немцы верно посчитали, что свою столицу румыны без боя не сдадут, хотя бы уже потому, что ее эвакуация не проводилась. Значит, к ней будет отходить не только 1-я армия, но и 2-я армия, а также те заслоны, что стояли перед германской Дунайской армией. Позволив румынам стянуть все войска к столице, можно было надеяться прихлопнуть их одним ударом. Как справедливо говорит германский военный исследователь, «*только после крупных побед – прорыв через Трансильванские Альпы и форсирование Дуная – могло осуществиться непосредственное взаимодействие расчлененных сил для соединения на одном поле сражения при движении с разных сторон... Не в сочетании операций, а в одновременном их проведении заключалось преимущество командования центральных держав*» [22, с. 82].

Румынские армии, разбитые в Трансильвании, уже не могли оказать должного сопротивления и беспорядочно откатывались на восток. Если 1 ноября фронт еще удерживался на крайней запад-

ной границе: линия Тыргу-Жиу–Новая Оршова (лишь небольшой кусочек собственно румынской территории был сдан врагу), то к 12-му числу была сдана Крайова и весь прилегающий район западной Румынии. К 16 ноября, когда австро-болгаро-германцы приступили к проведению решающей операции под Бухарестом, румыны еще держались на фронте Кымпулунг–Питешты–Ольтеница. Через два дня они откатились за Тырговишты.

После этих поражений внутренние фланги 1-й и 2-й румынских армий оказались разомкнуты, и в образовавшуюся брешь по дороге Питешты–Бухарест бросилась немецкая кавалерия. 20 ноября немцы заняли Питу, в 50 км к северо-западу от румынской столицы. Румыны бросили в этот район две последние дивизии резерва; генеральный штаб переехал в Бузэу. Таким образом, за 10 дней, прошедших с момента начала наступления германских Дунайской и 9-й армий навстречу друг другу, румыны откатились к столице, исчерпав все резервы. Теперь можно было рассчитывать только на те войска, что отходили к Бухаресту.

Надо сказать, что в России сразу же поняли, что неприятель намеревается уничтожить в сражении за столицу всю румынскую армию. Еще до броска противника русская Ставка в категорическом тоне потребовала от румынского командования сдать Бухарест без боя и отступать на восток, на соединение со спешившими в Яссы русскими корпусами. В одиночку одолеть врага румыны не смогли бы. Правительство и король Фердинанд I колебались, но новый начальник Генерального штаба К. Презан (до этого – командарм-4), сменивший на данном посту Д. Илиеску, настоял на битве за столицу.

Решающим стало мнение французского военного представителя в Румынии А.-М. Бертело, фактически ставшего первым советником короля. В своей телеграмме в Ставку русский военный агент в Румынии А.А. Татаринов упомянул, что Илиеску предложил Бертело *«быть фактическим начальником штаба короля, предложив себя в помощники»* [4, л. 18-19]. Румыны не пожелали прислушиваться к советам русских, отдавая предпочтение французским доктринерам, привыкшим на Западном фронте по несколько месяцев бороться за какую-либо деревушку и не понимавшим реалий Восточного фронта. Это решение стало последним оперативным приказом румынского командования в кампании 1916 г. После разгрома под стенами Бухареста приказ мог быть только один – отступление.

Расчет германского командования, что румыны не отдадут столицу без боя, целиком оправдался. Король Фердинанд I предпочел по-

слушать совета не русских, а французов. Под Бухарест стягивалось все то, что еще могло драться, уцелев после серии жесточайших поражений октября-ноября: Кронштадт, Германштадт, Фламанда, Нейлов, Черна, Тырговишты и др. Французская миссия была уверена, что столицу удастся отстоять, хотя новое поражение означало уничтожение последних сил румынской армии, которые еще могли продолжать борьбу. Генерал А. Авереску впоследствии отмечал, что *«битва при Бухаресте была инспирирована генералом Бертело вопреки соображениям румынского штаба»* [13, с. 85].

Фердинанд I,
король Румынии

В этот момент румыны уже не могли удерживать собственными силами какие-либо другие фронты. Все свободные силы и средства стягивались под стены столицы. Кроме того, и сам король Фердинанд I уже с горечью убедился в бесталанности большинства своих генералов и объективной слабости румынских войск. Поэтому оборонительный фронт в Северной Румынии и Молдавии был передан под ответственность русской 9-й армии П.А. Лечицкого, а Добруджа вместе с прилегающими районами – в ведение Дунайской армии В.В. Сахарова. Оборона столицы была вверена командиру русского 4-го армейского корпуса Э. Хан Султан Гирею Алиеву. Ирония заключалась в том, что комкор-4 прибыл в Бухарест без большей части своих войск, которые находились еще в пути и к решающему сражению успеть не могли.

Что касается самой столицы, то ее оборонительный пояс поспешно приводился в порядок. В 1912 г. укрепления Бухареста включали в себя 20 фортов с промежуточными броневыми батареями, построенными по проекту бельгийского инженера А.-А. Бриальмона. Строительство крепости проходило в 1884–1895 гг. и обошлось в 135 млн франков; общая протяженность обвода крепости составила 71 км. Здесь были воплощены все передовые для конца XIX столетия технологии крепостного строительства вплоть до постройки 50 броневых башен для 13-см и 15-см пушек на промежуточных батареях. Каждое промежуточное укрепление имело по 2-3 15-см пушки, 2 21-см гаубицы, по 2 орудия во вращающихся броневых башнях, 3–5 7-см пушек в скрытых башнях и по 15 фланкирую-

щих орудий. Вдобавок, после разгрома австро-германцами Сербии, между расположенным на Дунае городком Журжево и Бухарестом, которые между собой соединяла железная дорога, впереди бухарестской крепости, были спешно сооружены три оборонительные линии [2, л. 71]. Однако румынские укрепления устарели сразу же, спустя всего несколько лет после завершения строительства, в связи с резким усилением вооружения современной артиллерии.

Бриальмон пытался воплотить в Бухаресте свой замысел строительства «первокласснейшей крепости в мире». На 1895 г., возможно, она и являлась таковой. К 1916 г. румынские укрепления могли продержаться разве что несколько дней. В современной войне крепость, чтобы устоять, должна была являться участком общего обороняемого фронта, то есть плечом к плечу с полевой армией. Ни одна изолированная крепость не могла выдержать ударов тяжелых гаубиц. Согласно замыслам румынского командования относительно столицы, преобразованной в крепость, *«она должна была поддерживать румынские операции в борьбе против России, против Австрии. А в случае неудачи – быть последним оплотом для сопротивления полевой армии»* [16, с. 22-23]. Выходило, что запирание полевой армии в устаревшую крепость было запланировано еще до войны. Иначе говоря, Бухарест должен был служить крепостью-лагерем по типу печально знаменитого русского Дрисского лагеря в 1812 г.

В современной войне, когда противоборствующие стороны обладают скорострельной дальнобойной артиллерией, тяжелыми гаубицами и авиацией, такая крепость могла только послужить ловушкой для укрывшихся в ней войск. Тем не менее румыны были уверены в силе своей столичной крепости и ее значении для борьбы полевых армий. Так, германский военный писатель А. Крафт считал: *«Если Бухарест, с одной стороны, настолько сильно укреплен, что может на продолжительное время задержать противника своим гарнизоном, состоящим из войск второй линии, то он также достаточно велик, чтобы прикрыть всю румынскую армию, которая при помощи центральных складов, вспомогательных средств, собранных запасов и проч., будет в состоянии значительно усилиться. И, так как противник вряд ли получит возможность обложить со всех сторон громадную крепость, перейти в наступление»* [12, с. 124].

Иллюзии румынского руководства сохранялись вплоть до начала войны и окончательно развеялись лишь в кампании 1915 г., после того, как тяжелая германская артиллерия разбила сопротивление изолированных крепостей и в Бельгии, и во Франции, и в России.

Обкладывать правильной осадой укрепления Бухареста немцы и не собирались: военные действия показали, что подход к крепостной борьбе и значению крепостей совершенно изменился. Теперь крепость могла устоять и существенно усилить фронт обороняющейся стороны только при условии включения в общий оборонительный фронт: изолированная от полевой армии крепость, как бы сильна она ни была, довольно быстро падала.

Генералу Бертело и его штабу удалось разработать внешне стройный план по отражению неприятельского нашествия. Но стройным и выполнимым этот план являлся только на бумаге, так как любое планирование требует для своей реализации соответствующих возможностей. Румыны таких возможностей не имели, уступая противнику в технических средствах ведения боя и имея для генерального сражения не свежие части, а потрепанные соединения, которые за последний месяц успели потерпеть по несколько тяжелых неудач. Когда румыны намеревались атаковать под Бухарестом, то по их плану русские войска должны были обеспечивать правый фланг. Русские не успевали со сосредоточением, что вызывало негодование румын, не желавших учитывать объективные условия, тот факт, что они сами не подавали требуемое количество вагонов (18 эшелонов в день), и делавших так, как говорили французы. Телеграмма Беляева от 9 ноября по этому поводу говорила, что румыны не подают эшелоны на станции – *«при таком отношении румын к делу перевозок трудно рассчитывать на своевременность прибытия наших войск в район сосредоточения... Как же им помочь, если они не дают нам возможности привезти для этой цели наши войска?»* [5, л. 37].

Суть румынского замысла состояла в нанесении поражения неприятелю по частям. Немного западнее Бухареста протекает р. Ар-гес, на рубеже которой Бертело и Презан рассчитывали разгромить сначала группу Макензена, а затем уже повернуть фронт против наступавшей с запада 9-й германской армии. Правда, для осуществления подобных планов необходимо иметь превосходные войска, умелых командиров и запасы боеприпасов. Крупнейший английский военный историк Б. Г. Лиддел Гарт характеризует румынский план как *«быстрый и хорошо задуманный контрудар румын, [который]... некоторое время серьезно угрожал войскам Макензена; даже охват их фланга почти удался»* [14, с. 265].

Однако любой прекрасный план упирается в качество войск. Без этого фактора он остается просто бумажкой, характеризующей лишь теоретические конструкции инициатора. Воевавший в Румынии русский генерал А.А. Курбатов вспоминал, что *«стрелковое дело у ру-*

мын поставлено слабо, но в штыки ходят хорошо» [1, л. 6 об.]. Личной храбрости солдатского состава было мало – не располагая в достаточном количестве современным оружием и боеприпасами к нему, румынская армия не имела шансов в короткие сроки разгромить группу Макензена. А без этого условия весь план терял смысл, так как войска Фалькенгайна уже перешли через перевалы Трансильванских Альп и растекались по равнине.

К. Презан, начальник Генерального штаба Румынии *(из коллекции М.В. Оськина)*

На первом этапе сражения замысел имел некоторый успех: заслонившись от запаздывавшей 9-й германской армии отдельными мобильными частями, главная румынская группировка была переброшена на юг. Отчаянно дравшимся румынам действительно удалось потеснить войска фельдмаршала Ма-кензена к Дунаю и нанести нескольким болгарским дивизиям частное поражение (напомним, что значительная часть собственно германских подразделений осталась в Добрудже против русской Дунайской армии). Видя перед собой болгар, румыны дрались злее и увереннее. Тактическим успехам способствовало и то обстоятельство, что болгарские части, конечно, не имели столько техники, как немцы. Однако темпы операции были против румын: к развернувшемуся на р. Аргес сражению уже подходили авангарды 9-й германской армии – группа генерала Кюне.

В этой операции выдающуюся роль сыграла германская сводная кавалерийская группа О. фон Шметтова, состоявшая из 2,5 кавалерийских дивизий. Кавалерийский корпус после победы германцев под Тыргу-Жиу получил задачу безостановочно двигаться вперед, к Бухаресту. Целями было намечено установление связи с Дунайской армией Р. фон Коша и захват переправы через р. Ольта. Таким образом, действиями мобильной группы срывались планы французов и румын разгромить неприятеля по частям, если такой разгром и вообще был бы возможен.

Германская кавалерия выполнила свою задачу, захватив мост и удерживая его несколько дней, до подхода пехотных дивизий. Именно это обстоятельство позволило Фалькенгайну своевременно подойти на выручку неторопливо отступавшей к Дунаю германской

Дунайской армии и совместными усилиями нанести румынам окончательное поражение. Г. Брандт так пишет о значении действий корпуса Шметтова: *«Если бы не его бросок вперед к мосту на р. Альт восточнее Карракала, то весьма возможно, что операции Фалькенгайна задержались бы на этой реке. Неизвестно, что случилось бы тогда с армией Коша, переправившейся у Систова через Дунай»* [9, с. 30]. После подхода 9-й армии к р. Ольта конница была вновь брошена вперед, чтобы с ходу занять выгодные исходные позиции для удара по Бухаресту. Прикрывавшая город румынская кавалерия не решилась принять бой и отступила. Шметтов с ходу занял северные форты румынской столицы практически без боя, после чего защита Бухареста как крепости становилась бессмысленной. А в это время главные силы румын еще дрались с германской Дунайской армией, в то время как с правого фланга в румынские тылы уже заходили войска 9-й германской армии.

Успех германского планирования перед бухарестским сражением во многом стал возможным потому, что немцам удалось перехватить оперативные приказы румынского командования, из которых А. фон Макензену стал ясен неприятельский замысел. Поэтому Макензен отказался от идеи уничтожения румынской армии посредством шлиффеновских «клещей» и решил подтянуть на поле сражения 9-ю армию. Мужественное сопротивление румынских войск, пытавшихся разгромить противника в генеральном сражении, и их отчаянные атаки вынудили неприятельское командование сосредоточить все свои силы на поле генерального сражения. Всплеск мужественного отчаяния оказался последним, ибо с подходом 9-й германской армии румыны не имели ни единого козыря: ни превосходства в численности, ни равенства в технике, ни преимущества в руководстве войсками. По этой причине поражение под Бухарестом, хотя и не привело к полному уничтожению румынской сухопутной армии в «котле», стало не менее тяжелым, так как немцы почти никому не позволили уйти с поля боя, воспользовавшись своим несомненным тактико-оперативным превосходством.

К 20 ноября главные силы румынской армии, уцелевшие в предшествовавших боях и стянутые для защиты Бухареста, оказались меж трех огней:

– на юге оборонялась готовая в любой момент перейти в контрнаступление германская Дунайская армия;

– с северо-северо-запада подходила германская 9-я армия;

– непосредственно на Бухарест двигался германский кавалерийский корпус Шметтова.

Если войскам Дунайской и 9-й армий предстояло разгромить румынские армии, сосредоточенные на р. Аргес, то конница должна была воспрепятствовать отступлению противника. Следовательно, шлиффеновские «клещи» смыкались перед Бухарестом, а конница «завязывала веревки мешка» восточнее румынской столицы. В соответствии с планом командования, Шметтов 20 ноября получил задачу разрушить железнодорожную магистраль, ведущую от румынской столицы на восток. В этом немецкой коннице должна была способствовать сильная болгарская кавалерия, переправлявшаяся через Дунай у крепости Туртукай. Следовательно, в случае успеха румыны оказались бы отрезанными от русских, а затем уничтожены.

Дабы избежать «котла», 20 ноября 1-я румынская армия отошла за р. Яломица, имея неприкрытый левый фланг в 25 верстах от Бухареста. Немцы располагались от этой «дыры» на равном расстоянии, и Бухарест оказался не прикрыт с юго-запада. Для занятия этого участка спешила группа К. Презана, но к началу сражения она находилась в 40 верстах. Поэтому Сахаров отдал приказ 30-й пехотной дивизии пройти через Бухарест и занять этот участок. В то же время в Плоешты перевозилась русская 15-я пехотная дивизия [3, л. 69-70].

К сожалению, союзники не успели. Через два дня немецкая конница при поддержке самокатчиков заняла северо-западные форты Бухареста, после чего город капитулировал без дальнейшего сопротивления. Потеря базы и железнодорожного узла, а также моральный надлом в результате падения столицы побудили румын временно отказаться даже от организации сопротивления. В результате *«румыны, вместо предполагавшегося наступления, вследствие угрозы германской кавалерии своим сообщениям, начали отходить в Молдавию, чем окончились их активные операции»* [17, с. 53]. Воля к продолжению борьбы вернулась к румынам, как только их прорванный фронт был усилен русскими войсками.

Таким образом, в сложившейся крайне неудачной для союзников по Антанте обстановке исход операции под стенами румынской столицы был предопределен. В бухарестском сражении 20–22 ноября 120-тысячная группировка румын (1-я армия и Дунайская группа) была совершенно уничтожена и рассеяна. Принятая на вооружение тактика действий способствовала поражению. Уступая в силах, румыны даже свои немногочисленные резервы бросали в сражение «пакетами», что позволило австро-германцам бить неприятеля по частям. Германская тяжелая артиллерия и пулеметный огонь не оставили румынскому командованию ни единого шанса на успех,

так как с подходом 9-й германской армии румыны утратили численное преимущество над германской Дунайской армией, которое позволило им достигнуть локальных успехов на первом этапе генерального сражения.

Полного разгрома удалось избежать лишь при помощи русских – около 30 тыс. румынских солдат и офицеров, поддерживаемые русской 40-й пехотной дивизией А.А. Рейнботта (Резвого) из состава 4-го армейского корпуса, разомкнувшей тиски намечавшегося окружения, сумели уйти на северо-восток. В плен к австро-германцам попало 65 тыс. человек. Трофеями немцев стали 124 орудия и 115 пулеметов. Масса румынских солдат из вчерашних крестьян попросту дезертировала, разбежавшись по домам после поражения под Бухарестом. Возобновление операции являлось немыслимым, так как ее нечем было проводить. Следовало спасти хотя бы ту горстку героев, кто сумел пробиться с оружием в руках и не дезертировал.

Тем не менее, как сообщает помощник русского представителя при румынском верховном главнокомандовании, офицеры французской миссии настаивали на производстве немедленного контрудара, чтобы отбить столицу у противника [10, с. 45], не думая о том, какими войсками можно было бы это осуществить. В свою очередь, 22 ноября А.А. Брусилов доносил в Ставку, что в данной ситуации давать новое генеральное сражение *«было бы безумием, ибо неминуемо подобный образ действий повлечет за собой полное уничтожение румынской армии»*. Выход – переход к позиционной войне, ибо следует иметь *«время сосредоточить войска при ничтожной провозоспособности по румынским железным дорогам»*. К счастью, благоразумие возобладало. В тот же день румынское командование отдало приказ, чтобы *«войска при отходе не втягивались в генеральное сражение, но упорно задерживали противника на занимаемых линиях, отходя шаг за шагом на главную оборонительную позицию Рымник–Визиру»* [6, л. 58, 67].

После падения Бухареста воля румын к сопротивлению оказалась надломленной. Одним ударом немцы проломили румынскую оборону в самом центре общего фронтового расположения. Оборонительный фронт распадался, образуя лишь на севере стену из войск 4-й румынской и 9-й русской армий. Теперь австро-германские войска широким веером раскинулись по Румынии, сохраняя сильную центральную группировку, которая оттесняла на север разрозненные русские воинские контингенты. К счастью, австро-германцы не менее русских и румын были изнурены марш-маневрами,

а их подразделения обескровлены сопротивлявшимися румынами, что не позволило фельдмаршалу Макензену организовать преследование большими силами.

Румыны еще пытались организовать оборону, опираясь на сохранившие боеспособность группировки. В частности, определенные надежды возлагались на 2-ю армию А. Авереску, отступавшую через Плоешты. Тем не менее, ничего сделать не удалось: уничтожив главные силы румын, австро-германцы оказывались сильнее на всех атакуемых участках. А так как инициатива действий принадлежала им, то неприятель смог сосредоточивать необходимые для достижения победы силы в тех районах, где этого требовала ситуация. В итоге 23 ноября группа Моргена, ядром которой был 1-й резервный корпус, разгромила 2-ю румынскую армию, практически целиком взяв в плен 4-ю пехотную дивизию.

Дабы избежать разрушения столицы и жертв среди мирного населения, румынское правительство объявило ее открытым городом и не стало защищать. Беляев сообщил в Ставку, что 22 ноября Макензен через парламентера предложил коменданту Бухареста сдать город-крепость, но *«конверт был возвращен с заявлением, что крепости Бухарест нет, а следовательно, нет и коменданта, и потому конверт не может быть доставлен по адресу»*. Бухарест пал после полудня 23 ноября (в 13.00 еще был телеграфный разговор с городом). 2-я армия Авереску отошла благополучно, сохранив свои 3-ю, 4-ю и 16-ю дивизии [7, л. 17], но вскоре была разбита Моргеном.

Все расчеты французской миссии в одночасье рухнули. Неудивительно, что настойчивые просьбы союзников в русскую Ставку относительно оказания помощи гибнувшей Румынии теперь превратились в настойчивые требования. Так, 26 ноября А.-М. Бертело телеграфировал в русскую Ставку французскому представителю при российском Верховном командовании генералу М. Жанену: *«Просите, чтобы безотлагательно в распоряжение румынской армии были предоставлены 40 пехотных и 8 кавалерийских дивизий и, кроме того, армейский корпус, составляющий резерв армии генерала Лечицкого. Настаивайте! Необходимы срочность решения и быстрота выполнения!»* [11, с. 4]. Это – численность трех армий.

Как видим, французы, втянувшие Румынию в войну и не оказавшие ей должной помощи ударами на своем фронте под Салониками, что обещалось на летних переговорах, теперь требовали от русской стороны двадцать один армейский корпус, не считая кавалерии, – «в распоряжение румынской армии». Очевидно, чтобы бездарные

союзники потеряли в боях еще и русские войска. Ясно, что абсурдность подобных требований была понятна генералу Бертело, однако подобные претензии должны были, вероятно, обелить в глазах румын Францию, прежде всех прочих виновную во втягивании в войну неподготовленной и слабой Румынии. Даже британский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж заметил, что союзники знали о неготовности Румынии к войне во всех отношениях и ее возможностях обороняться разве что против второстепенных сил австрийцев. Устоять перед немецким ударом румыны не могли. Между тем военные специалисты и правительства не подумали о своевременном оказании помощи Румынии, как это получилось и с Сербией в 1915 г. [15, с. 604]. Совершенно справедливо пишет румынский исследователь К. Турлюк, что *«полная военная катастрофа румынской армии в начале войны имеет, конечно, свои внутренние причины, но она была вызвана также отказом союзников от обещаний (число союзных армий, которые должны были быть вовлечены, количество боеприпасов и стратегическая ресурсная база, развитие наступления в Салониках и т. д.). Все это привело к напряженному состоянию неудовлетворенности в рядах правительства и среди политических лидеров, которые требовали пересмотра механизмов сотрудничества с союзниками в борьбе против общего врага»* [19, p. 429].

Тем не менее румын следовало спасать, и с подобными же просьбами 28 ноября к императору Николаю II обратился президент Французской республики Р. Пуанкаре. Требуя передать румынам не менее 250 тыс. русских штыков и сабель, французы, очевидно, забывали, что к данному моменту румынская армия представляла собой остатки той численной группировки, что начинала войну всего лишь 3,5 месяца назад. Причем боеспособность этих остатков была чрезвычайно мала, ее сохранили разве что кадровые подразделения и кавалерия. Только 1-я и 7-я кадровые пехотные дивизии могли называться сравнительно полнокровными. К 3 декабря, спустя неделю после поражения всех армий (кроме 4-й), общая численность румынских войск, оставшихся под руководством короля Фердинанда I, не превышала 90 тыс. штыков [18, с. 108].

Развал румынской армии после сражения под Бухарестом порой позволяет сделать неоправданные выводы о том, что все было плохо с самого начала, не делая оговорок относительно временных рамок. Например: *«Румынская армия ничего не смогла противопоставить своим противникам, позорно бежав с поля боя. В результате, чтобы спасти страну от неминуемого разгрома, в Румынию были*

введены русские войска...» [21, с. 257]. Такое мнение абсолютно несправедливо. Румынские солдаты изначально были неплохи, и если уступали врагам, то лишь потому, что австро-германцы были уже ветеранами, умевшими драться как соединениями, так и в индивидуальном порядке. Превосходство же немцев в технике (особенно тяжелой артиллерии) являлось неоспоримым.

Румынским командирам требовалось время, чтобы научиться воевать – такое время и непосредственные примеры надлежащего руководства войсками могло дать тесное взаимодействие с Россией, которого не желало ни политическое руководство страны, ни военная элита Румынии. Король Фердинанд I почувствовал неготовность своих военачальников почти сразу, что подтверждается фактом подчинения 3-й румынской армии русскому комкору-47 А.М. Зайончковскому уже в начале сентября и выдвижением на первые роли А. Авереску, в самом начале войны не получившего высокого назначения. Однако сделать то же самое в отношении главной Трансильванской группировки не мог даже и король, не сумевший преодолеть сопротивления генералитета и французской военной миссии, не желавшей усиления русского влияния в Румынии.

Как только румынские соединения были выбиты с оборонительных позиций естественного характера (горы и дунайская водная линия), в маневренном сражении их судьба была предрешена. В маневренной войне немцы пока еще не имели себе равных, и потому самонадеянность румынского Генерального штаба и французской миссии разбить австро-германцев в маневренном сражении под Бухарестом сложнейшим контрнаступательным маневром (сначала сбросить в Дунай группу Макензена, а потом развернуться против главных сил противника, спускавшихся с гор) представляется бессмысленной. Раздробление разбитой под Бухарестом румынской армии на сегменты и немедленно начавшееся преследование ее осколков торжествующим неприятелем не позволило румынскому командованию ни собрать остатки войск в кулак, ни организовать действенного сопротивления. Сбить темпы преследования удалось русским, бросаемым в сражение для прикрытия общего отхода массы румынских беженцев и вооруженных сил. Но остановить наседавшего врага вплоть до рубежа р. Серет (то есть опять-таки естественного рубежа) не смогли и русские части, вводившиеся в бой по мере прибытия в Румынию.

Поражение под Бухарестом привело к резкому сокращению людей в румынских соединениях. Часть просто разбежалась; личный

состав тех подразделений, что сохранял оружие, оставлял желать лучшего. Людям требовались передышка, пополнение, минимальный успех. Русские отдавали себе отчет, с какими трудностями им придется столкнуться. К началу декабря стало ясно, что новый фронт придется держать одним русским войскам, при минимальном участии немногочисленных румынских подразделений. Избежать этого, вероятно, помогло бы своевременное отступление с оставлением столицы без боя. Но зато при этом сохранялась бы армия. В 1812 г. русские, столкнувшись с аналогичной альтернативой, выбрали армию, пожертвовав столицей. Румынское руководство, поддавшись давлению со стороны французов, решило рискнуть и потеряло все.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3058.
3. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 108.
4. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420.
5. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 421.
6. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422.
7. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520.
8. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1192.
9. Брандт Г. Очерки современной конницы. М., 1924.
10. Верховский А. Исторические примеры к курсу общей тактики. М., 1924.
11. Военная быль. 1971. № 112.
12. Военный мир. 1913. № 5.
13. Емец В.А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915-1916 гг.) // Исторические записки. М., 1956. Т. 56.
14. Лиддел-Гарт Б. Правда о Первой мировой войне. М., 2009.
15. Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. I-II. М., 1934.
16. Людвиг М. Современные крепости. М., 1940.
17. Свечников М.С. Тактика конницы. М., 1924. Ч. 2.
18. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 6: Румынский фронт. М., 1922.
19. Турлюк К. Российско-румынские отношения в период Первой мировой войны: влияние идеологии на выбор и принятие политических решений // România şi Rusia în timpul Primului Război Mondial. Bucureşti, 2018.
20. Французские армии в мировой войне. Т. 8: Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба. М., 1940.
21. Шацилло В.К. Последняя война царской России. М., 2010.
22. Эрфурт В. Победа с полным уничтожением противника. М., 1941.

УДК 94(478)“1917”

А.Г. ТИХОНОВ
(г. Бендеры)

БЕНДЕРСКИЕ ВЛАСТИ В МАРТЕ 1917 ГОДА

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования органов власти и управления в г. Бендеры в результате произошедшей в России Февральской революции. Благодаря использованию материалов местной периодической печати и архивных сведений проясняются биографические сведения лиц, занявших новые управленческие должности в городе. Освещен процесс формирования первого на территории Бессарабии Бендерского городского Совета рабочих депутатов и его исполкома.

Ключевые слова: комиссар Временного правительства, Комитет общественной безопасности, Бендерский Совет рабочих депутатов, Бендерский Совет солдатских депутатов, Временный исполком Совета.

К началу 1917 г. Российская империя, испытывавшая сложности на фронтах мировой войны, столкнулась с нарастанием внутри страны неразрешимых противоречий между парламентскими и правительственными кругами, сопровождаемым ростом инфляции, значительным падением покупательной способности рубля и перебоями со снабжением населения крупных городов предметами первой необходимости, в первую очередь – хлебом. Все это способствовало значительному падению авторитета власти, нарастанию озлобленности в обществе и, как следствие, привело к кризису социально-политических отношений, вылившемуся 27 февраля в вооруженное восстание в Петрограде и свержение монархии.

То, что в столице империи неспокойно, жители Бендер понимали по блуждавшим среди населения слухам [5, с. 6]. Косвенно подтверждали их и заметки в единственной издаваемой на тот момент в городе газете «Бессарабский южный край». Однако лишь 4 марта по опубликованному в ней же объявлению главного начальника Одесского военного округа, генерал-губернатора Одессы М.И. Эбелова от 2 марта [17, с. 1], где упоминались беспорядки, стала очевидна серьезность произошедших в Петрограде событий [5, с. 6].

В тот же день председателем Временного правительства, министром внутренних дел Г.Е. Львовым по стране была разослана циркулярная телеграмма об отстранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов с возложением руководства губерниями и уезда-

ми на комиссаров Временного правительства, а также о переформировании местным самоуправлением полиции в милицию [25, с. 1].

Комиссаром Временного правительства в Бендерском уезде стал занимавший с 7 ноября 1913 г. должность председателя Бендерской уездной земской управы коллежский секретарь Савва Андреевич Карра [18, с. 1]. Пятидесяти лет от роду, он происходил из поселян Бендерского уезда. Здесь же, в вотчине Андреевка, владел 778 десятинами 365 квадратными саженями земли. В 1877 г. окончил четыре класса кишиневской классической гимназии. Заведовал 11-м военно-конским участком Бендерского уезда.

Начиная с 1900 г., каждые три года избирательным собранием владельцев-недворян, а с 1909-го – дворян С.А. Карра избирался гласным, а с 1902 г. Бендерским уездным земским собранием – членом Бендерской уездной земской управы. В 1902, 1908, 1911 гг. избирался земским собранием в почетные мировые судьи по Бендерскому уезду [15, с. 19–26].

5 марта 1917 г. с самого утра город был запружен народом. Многочисленная толпа рабочих, военных, чиновников и служащих собралась во дворе редакции «Бессарабского южного края» в ожидании очередного номера, выход которого из-за увеличенного тиража задерживался [5, с. 6]. Из газеты горожане узнали об отречении от престола императора Николая II и о формировании председателем Государственной думы М.В. Родзянко кабинета министров общественного доверия – Временного правительства [12, с. 2].

В связи с чрезвычайностью ситуации в стране, со страниц номера к жителям города и уезда обратился бендерский уездный исправник Евгений Семенович Бразул: *«В дни испытаний, в дни опасности каждый здравомыслящий гражданин напрягает всю свою волю к спокойствию и самообладанию, чтобы выдержать испытание. Чем больше спокойствия – тем меньше опасность. Тяжелая война близится к победоносному концу, наши доблестные армии непоколебимо стоят грудью против врага, проявляя свое над ними превосходство. И близок час полного торжества над ним. Но кто же не знает, что для успеха там нужно полное спокойствие здесь, в тылу, и особенно таком близком, как наш. Малейшее волнение и даже малейший беспорядок влечет за собой расстройство тыла, а оно отдаляет час победы, час конца войны. Вооружимся же терпением, заручимся спокойствием, перенесем всякие испытания, чтобы дождаться скорой и славной победы над упорным коварным врагом. Сохраним же полный порядок, чтобы из-за нас не пролилось ни одной лишней капли крови*

на наших дорогих защитников. Призываю всех горожан к сохранению порядка и спокойствия во имя долга и совести» [16, с. 3].

Должность городского головы с 10 февраля 1915 г. занимал Иван Александрович Галацан [11, с. 1; 13, с. 3-4]. Родившийся в 1869 г., он происходил из поселян с. Комрат Бендерского уезда. Владел 250 десятинами земли в Кайнарской волости и домом в Бендерах. В 1890 г. он окончил вторую кишиневскую гимназию, а в 1897-м – математическое отделение физико-математического факультета Императорского Новороссийского университета.

Избранный Бендерским уездным земским собранием, И.А. Галацан с 1903 г. заведовал 4-м каушанским военно-конским участком Бендерского уезда и на время призыва новобранцев являлся членом Бендерского уездного по воинской повинности присутствия от населения уезда в 4-м призывном участке города. В 1915 г. постановлением Бендерского уездного отделения попечительного о тюрьмах общества был избран его директором [14, с. 23–26].

Под председательством И.А. Галацана 6 марта 1917 г. состоялось чрезвычайное объединенное совещание гласных Бендерской городской думы и приглашенных представителей местных организаций, учреждений и рабочих групп. В ходе его работы было принято ре-

Здание Бендерской городской управы. 1900-е гг. *(из коллекции А.Г. Тихонова)*

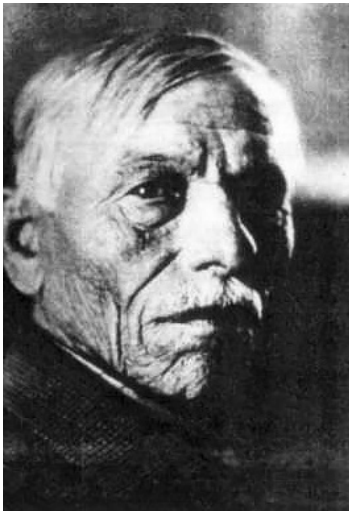
шение направить приветственную телеграмму председателю исполнительного комитета Государственной думы М.В. Родзянко и, уже в ходе прений, создать в городе комитет общественной безопасности.

Первоначально в состав комитета вошли: представитель городского самоуправления – городской голова, представитель земства – председатель земской управы, товарищ председателя местного комитета Всероссийского союза городов В.В. Войцицкий, от Всероссийского земского союза – товарищ председателя земской управы, выборные от ссудо-сберегательного товарищества, кредитного товарищества, три места от рабочих групп, от общества торгово-промышленных служащих, от печати, служащих на железных дорогах, от служащих по народному образованию, от служащих в земстве и от населения – С.Ф. Лучинский, Д. Лопатин, Гурский, П.В. Чхенкели (председатель), Л.А. Бланк, А.Г. Александров и Н.С. Бойко [13, с. 3-4].

По мере избрания трудовыми коллективами делегатов состав комитета претерпевал изменения. В дальнейшем в нем были образованы несколько секций, занимающихся важнейшими вопросами городской жизни, в том числе: милицейская, продовольственная и просветительская.

8 марта И.А. Галацан обратился к бендерчанам: «*Граждане города Бендеры! Правительственная власть перешла в надежные руки народных избранников, одушевленных твердой надеждой водворить в стране порядок и справедливость и повести многострадальную Родину нашу к победе, славе и благоденствию. Горячо приветствуя решение народной воли, закаленное в горниле тяжких испытаний последнего времени, Бендерская городская дума совместно с представителями ведомств, учреждений и рабочих групп и в единении с обновленным Правительством призывает население города сохранять полный порядок и помощь общественным органам местного самоуправления в заботах об обеспечении армии и населения всем необходимым для достижения победы над врагами Великой и Свободной РОССИИ*» [11, с. 1].

Вечером того же дня в помещении ссудо-сберегательного товарищества состоялось первое заседание Бендерского Совета рабочих депутатов [21, с. 3]. В него вошли делегаты: от железнодорожных рабочих – П.В. Добродеев, Г.В. Смольский, А.Н. Андреянов, А.Я. Гризо, И.Н. Стога, Е.Т. Табан, Г.М. Горинов, Н.Ф. Лозинский и М. Аверинов, от типографских рабочих – Г. Игберг, И. Мунблит и И.И. Шварцман, от правления общества служащих – О.Н. Блиц и Г. Савранский, от служащих городской управы – Л.А. Варбанец,



А.Я. Гризо,
член Бендерского Совета
рабочих депутатов

от почтово-телеграфных чиновников – В.О. Онищук, от мельницы братьев Бланк – М. Коган и С. Поликарпов, от мельницы братьев Шор – Я. Смирнов, от рабочих судоходной дистанции – П. Рабоваленко, от редакции газеты «Бессарабский южный край» – С.И. Фишер [6, с. 4].

Из-за того, что в Совет еще не вошли представители некоторых цехов города, вместо постоянного было решено избрать временный исполнительный комитет Совета. По итогам тайного голосования в него вошли: О.Н. Блиц (председатель), П.В. Добродеев (заместитель председателя), Л.А. Варбанец (секретарь), А.Н. Андреянов (казначей), Г. Ингберг и Я. Смирнов. Вновь избранному органу было поручено немедленно вступить в переговоры с бендерским комиссаром о замене полиции народной милицией, принять все меры к избранию до 12 (25) марта делегатов от остальных цехов и обратиться с предложением к попечительству о семьях запасных урегулировать выдачу пайка [21, с. 3].

К сожалению, обнаружить какие-либо сведения о председателе временного исполкома нам не удалось. Однако по подписям к газетным заметкам можно утверждать, что Осип Блиц под псевдонимом Иорик публиковался в газете «Бессарабский южный край» и, вероятно, являлся служащим ее редакции [2, с. 2; 3, с. 3, 4; 4, с. 4].

10 марта (возможно 9 марта) в Бендерах состоялась крупная манифестация военнослужащих, приветствовавших свержение монархии. Она началась утром у железнодорожного вокзала Бендеры-II (ныне – Бендеры-1). Перед солдатами и офицерами, собравшимися с красными знаменами на площади, комендантом бендерского гарнизона генерал-лейтенантом бароном Сергеем Эрнестовичем фон Бером, сменившим в этой должности несколькими днями ранее уездного воинского начальника генерал-майора Ивана Михайловича Архангельского, были зачитаны манифест об отречении Николая II и манифест великого князя Михаила Александровича.

После завершения митинга, около 11 часов, под звуки военного марша и «Марсельезы» по Вокзальному проспекту (ныне – ули-

ца Академика Федорова) и Харузинской улице (ныне – Ленина) войска двинулись к городской управе. Колонну возглавили офицеры с обнаженными шашками, за ними шли музыканты, части полка и несколько отправлявшихся на позиции маршевых рот в полной боевой амуниции. Вот как описывала происходившее газета «Бессарабский южный край»: *«Ко времени приближения к городской управе на балконе здания последней был выкинут красный флаг. Громкие клики «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует великая революционная армия!» все время оглашали воздух и были покрываемы несмолкаемым «Ура!» и звуками музыки. От городской управы процессия направилась к земству. Как это ни странно, на балконе здания земства еще красовался вензель Николая II с короной, напоминающей о старой власти. Крики «снять вензель» огласили немедленно воздух. Двери, ведшие на балкон, нельзя было немедленно открыть. Публика не вытерпела и разбила все стекла дверей. Скоро через разбитые стекла появились офицер с обнаженной шашкой, батюшка, солдат и какой-то мальчик. Удары шашки, палок посыпались по вензелю, который, разбитый в куски, вскоре упал. На место вензеля был выкинут красный флаг, и ликующая толпа встретила его кликами «Ура!», подхваченными "Марсельезой"»* [2, с. 2].

Затем перед публикой выступили офицеры, бендерский комиссар, депутат 3-й Государственной думы от Московской губернии И.Л. Спирин, заведующий кассой мелкого кредита и другие. После завершения всех речей полк направился в депо. Здесь выступления продолжились. К собравшимся обратились прапорщик Чхеидзе и представлявший рабочих-железнодорожников П.В. Добродеев, а также член комитета общественной безопасности А.И. Гельфан [2, с. 2; 23, с. 2].

И.Л. Спирин,
депутат 3-й Государственной думы

В тот же день, 10 марта, в Бендерской крепости под председательством полковника Старченко (секретарь – врач Гольдарбайтер) состоялось со-

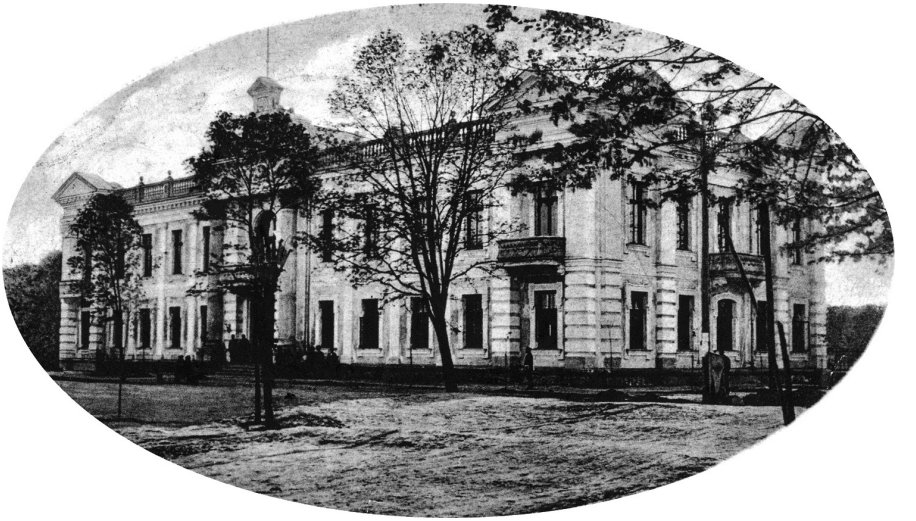
брание офицеров, врачей, чиновников и солдат запасного полка. Присутствовавший на заседании А.И. Гельфан сообщил, что в комитете общественной безопасности для военных определено три места: одно – для делегата офицеров и два – для делегатов солдат. Однако, аргументируя это тем, что полк является достаточно крупной постоянной единицей в городе, собрание попросило комитет увеличить число делегатов от офицеров и солдат на одного и двух соответственно. Причем так, чтобы эти представители вошли в состав комитета вне зависимости от прочих частей гарнизона.

Здесь же в ходе закрытой баллотировки делегатами были избраны: от офицеров – подполковник Боровиков, прапорщик И.А. Гиглавый, от солдат – Василий Грошев, Иван Селезнев, кандидатами – Митрофан Могилка и Иван Матвеенко [19, с. 2].

Для организации охраны населения города и поддержания порядка вместо упраздняемой полиции постановлением комитета общественной безопасности в марте в Бендерах была создана городская милиция. Ее временным начальником стал 63-летний отставной генерал-майор Василий Валерианович Войцицкий, занимавший в 1914–1916 гг. пост городского головы [1, с. 3]. Ввиду недостаточности средств для финансирования милиции было решено привлечь пожертвования жителей города. Уполномоченными по их сбору 11 марта комитет назначил: Л.А. Бланка, А.Г. Александрова, З. Донкогло, А. Новикова и Д. Лопатина [8, с. 2]. В тот же день в «Бессарабском южном крае» было опубликовано объявление с приглашением для совершеннолетних граждан записываться в милицейские ряды [1, с. 3].

11 марта в здании городской думы под председательством П.В. Добродеева и О.Н. Блица также состоялось первое заседание Совета солдатских депутатов. В ходе его работы выяснилось, что уже избраны делегаты от запасного полка, в том числе офицер, солдатские депутаты от распределительного пункта и команд управления воинского начальника, но не избраны делегаты от ополченской дружины [22, с. 2]. Уже вечером следующего дня в земской управе должно было состояться объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов [20, с. 3]. Однако информация о его проведении и решениях отсутствует. Возможно, заседание было перенесено на 18 марта.

В свете возрастающего влияния в городе Советов 13 марта к городскому голове И.А. Галацану с открытым письмом обратился председатель временного исполкома совета рабочих депута-



Здание Бендерской уездной земской управы. 1910-е гг.
(из коллекции А.Г. Тихонова)

тов О.Н. Блиц: *«Милостивый государь, глубокоуважаемый Иван Александрович! Созданная в условиях самодержавного режима, ущемлявшего и сжимавшего до минимума всякое проявление общественной самодеятельности, городская дума наша являет в эти дни картину жалкой растерянности и полнейшей беспомощности. События исключительной важности проходят, не задевая нашего городского самоуправления, переживающего тяжелую трагедию бессилия. Составленная на основе узко цензовой, не охватывающая всех, особенно демократических слоев нашего населения, городская дума не в состоянии отражать великих событий, переживаемых нашей родиной. Для того, чтоб скандальное бездействие нашего муниципалитета не вызывало вопроса об окончательной ликвидации его «за ненадобностью», настоятельно необходимо усилить состав городской думы представителями от Совета рабочих депутатов и комитета общественной безопасности с правом решающего голоса, предоставив выбор делегатов самим организациям. С совершенным почтением пребываю»* [4, с. 4].

14 марта в Бендерах прошла вторая за четыре дня крупная манифестация. На этот раз, воодушевившись успехами российской армии под Ригой, на улицу вышли учащиеся средних и профессиональных учебных заведений города. В час дня колонна учащихся с крас-

ными флагами начала движение от железнодорожного училища. Маршрут колонны пролегал по Павловской (ныне – Московская), Константиновской (ныне – Кирова), Харузинской, Соборной (ныне – Советская) улицам к городской управе, далее по Софиевской (ныне – Комсомольская) – к земской управе, а затем, мимо депо и вокзала Бендеры-II, в Бендерскую крепость. По пути следования колонну приветствовали городской голова и уездный комиссар, а в крепости состоялась их встреча с солдатами и офицерами бендерского гарнизона [24, с. 3].

18 марта 1917 г. состоявшееся в земской управе совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов избрало общий исполнительный комитет из 19 представителей солдат и 18 представителей рабочих. Председателем исполкома стал прапорщик И.А. Гиглавый, заместителями председателя – прапорщик Папков и О.Н. Блиц, секретарем – Л.А. Варбанец, помощниками секретаря – Толкач и Бернштейн, казначеем – штабс-капитан Аганеев, помощником казначея – В. Грошев. Кроме того, было решено войти в контакт с комитетом общественной безопасности и делегировать по одному депутату в каждую его секцию [9, с. 3].

Спустя два дня, 20 марта, под председательством Бендерского уездного предводителя дворянства Дмитрия Дмитриевича Писаржевского состоялось экстренное заседание бендерского земского собрания [26, с. 3]. Аналогично городским собраниям, на нем были избраны: председателем уездного комитета общественной безопасности – С.А. Карра, его заместителями – А.Д. Ратко и П.Н. Гурский. Начальником уездной милиции стал занимавший ранее должность заведующего уездной кассой мелкого кредита Антон Георгиевич Новаков, его помощником – учитель Щука [7, с. 3]. Причем в заседании приняли участие и руководители исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов И.А. Гиглавый и О.Н. Блиц, поднявшие вопрос о выделении им 10 000 рублей на культурно-просветительскую деятельность в Бендерском уезде. Этот вопрос вызвал

Ю. Бернштейн,
член исполкома Бендерского
Совета рабочих
и солдатских депутатов
(из коллекции А.Г. Тихонова)

оживленную дискуссию среди присутствующих, в результате которой было решено выделить совету 3000 рублей [26, с. 3].

Таким образом, к исходу первого месяца со дня свержения в России самодержавия во главе Бендер и Бендерского уезда по-прежнему оставались лица, занявшие свои должности еще до Февральской революции. Обеспечение жизнедеятельности города и решение всех важнейших вопросов в нем взял на себя комитет общественной безопасности. Полиция в городе и уезде была, возможно, только формально, заменена народной милицией. Образовавшийся первым в Бессарабии Бендерский Совет рабочих, а потом рабочих и солдатских депутатов еще не успел достаточно укрепиться и стать второй властью, занимаясь в основном революционной пропагандой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бендерская городская милиция // Бессарабский южный край. 1917. 11 марта.

2. Блиц О.Н. Красное знамя // Бессарабский южный край. 1917. 11 марта.

3. Блиц О.Н. Обо всем // Бессарабский южный край. 1917. 2 марта.

4. Блиц О.Н. Открытое письмо г. бендерскому городскому голове И.А. Галацану // Бессарабский южный край. 1917. 13 марта.

5. В Бендерах // Бессарабский южный край. 1917. 6 марта.

6. В Бендерском Совете рабочих депутатов // Бессарабский южный край. 1917. 11 марта.

7. В земском собрании // Бессарабский южный край. 1917. 21 марта.

8. В комитете общественной безопасности // Бессарабский южный край. 1917. 12 марта.

9. В Совете рабочих и солд. депутатов // Бессарабский южный край. 1917. 19 марта.

10. Высочайший манифест // Бессарабский южный край. 1917. 5 марта.

11. Граждане города Бендер! // Бессарабский южный край. 1917. 8 марта.

12. Кабинет министров общественного доверия // Бессарабский южный край. 1917. 5 марта.

13. Комитет общественной безопасности в Бендерах // Бессарабский южный край. 1917. 7 марта.

14. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 9. Оп. 2. Д. 503.

15. НАРМ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 528.

16. Объявление бендерского уездного исправника // Бессарабский южный край. 1917. 5 марта.

17. Объявление главного начальника Одесского военного округа и генерал-губернатора // Бессарабский южный край. 1917. 4 марта.

18. Объявление от бендерского уездного комиссара // Бессарабский южный край. 1917. 8 марта.

19. Офицерское собрание // Бессарабский южный край. 1917. 11 марта.

20. «Сегодня, 12 марта...» // Бессарабский южный край. 1917. 12 марта.

21. Совет рабочих депутатов // Бессарабский южный край. 1917. 9 марта.

22. Совет солдатских депутатов // Бессарабский южный край. 1917. 12 марта.

23. Тин С. Воинские манифестации в Бендерах // Бессарабский южный край. 1917. 11 марта.

24. Ученические манифестации // Бессарабский южный край. 1917. 15 марта.

25. Циркулярная телеграмма Временного правительства председателям губернских земских управ // Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

26. Экстренное земское собрание // Бессарабский южный край. 1917. 22 марта.

УДК 94(477)

И.Н. ИВАНЕНКО,
канд. полит. наук (г. Москва)
И.А. ВОЙТ
(г. Тирасполь)

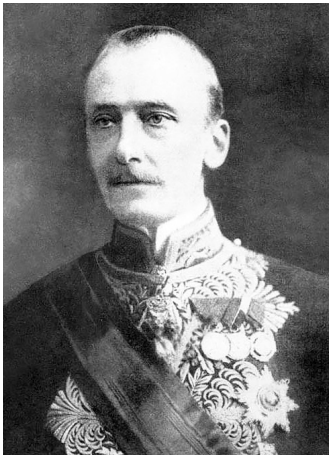
«ХЛЕБНЫЙ ДОГОВОР» С УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ГИБЕЛЬ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Аннотация: Когда на переговорах держав Четверного союза с Центральной Радой Украинской Народной Республики (УНР) в Брест-Литовске украинская делегация отказалась безоговорочно признать границы Австро-Венгрии, это произвело эффект разорвавшейся бомбы. В конце декабря 1917 г. Австро-Венгрия испытывала жесточайший продовольственный кризис, в империи прогрессировали антивоенные настроения. Казалось бы, спасение дуалистической монархии уже маячило на горизонте. «Русское чудо» (под которым политики Центральных держав подразумевали выход из мировой войны России) снижало угрозу военного разгрома Вены и Будапешта. Стремившаяся к международному признанию Украинская Народная Республика рассматривалась как богатый источник продовольствия. В связи с этим, сепаратные переговоры с посланцами Центральной Рады австро-венгерские дипломаты зачастую именовали «хлебными», а заключенный впоследствии мир с УНР был прозван ими «хлебным» договором. Иосиф Сталин иронично назвал его «фиктивным договором с мертвецами».

Ключевые слова: «Хлебный договор», Украинская Народная Республика, Центральная Рада.

Австрийские власти долго пестовали украинское националистическое движение. Причем делали они это не только для купирования москвофильских настроений среди русинов Галиции и Буковины. Лояльность Вене украинских общин уравновешивала стремление к большей самостоятельности со стороны польских (в Галиции) и румынских (на Буковине) региональных элит. Именно этим обстоятельством можно объяснить расширение образования на украинском языке, увеличение представительства русинов в региональных парламентах, создание благоприятных условий для деятельности национально-культурных обществ украинцев в начале XX в. [3, с. 66].

В условиях начавшейся войны с Россией Австро-Венгрия стала активно поддерживать украинский сепаратизм на территории противника. Буквально на второй день военных действий Главная



О. фон Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии

украинская рада, сформированная галицкими партиями (конечно, с ведома австрийских властей), призвала к созданию в Поднепровье «независимого» украинского государства, союзного Австро-Венгрии и Германии [1, с. 70]. При этом сами Восточная Галиция и Буковина, населенные преимущественно украинцами, признавались неотъемлемой частью федерализированной (в будущем) Австрии.

И вот представители этого Украинского государства (где возобладала прогерманская ориентация) в качестве самостоятельной делегации уже сидели за столом переговоров на международной конференции и не скрывали, что готовы пойти на многое ради признания УНР Центральными державами. Предвкушающий дипломатический триумф министр иностранных дел Австро-Венгрии Оттокар фон Чернин сделал украинцам предложение, от которого они, казалось бы, не могли отказаться. Центральные державы готовы признать УНР при ответном признании довоенных границ Австро-Венгрии и при гарантии невмешательства в ее внутренние дела «особенно на ее восточной границе», заявил министр [2].

Ответ делегатов киевской Центральной Рады прозвучал уклончиво: во внутренние дела Австрии вмешиваться считаем непозволительным, но, «стоя твердо на принципе самоопределения народов», думаем, что вопросы устроения Галиции будут решены путем всенародного голосования. Подобное мнение было озвучено и в отношении Карпатской Руси, входившей в состав венгерской части империи.

Совсем скоро украинская делегация подняла проблему принадлежности оккупированных немцами и австрийцами территорий Холмщины и Подлесья (Подляшья). Длительное время они входили в состав Польского королевства и Царства Польского, но имели преобладающее украинское население. Незадолго до начала войны российские власти выделили эти территории в отдельную губернию и переподчинили киевскому генерал-губернатору.

Эволюцию территориальных претензий представителей УНР к Австро-Венгрии О. фон Чернин уже в финале переговоров сформули-

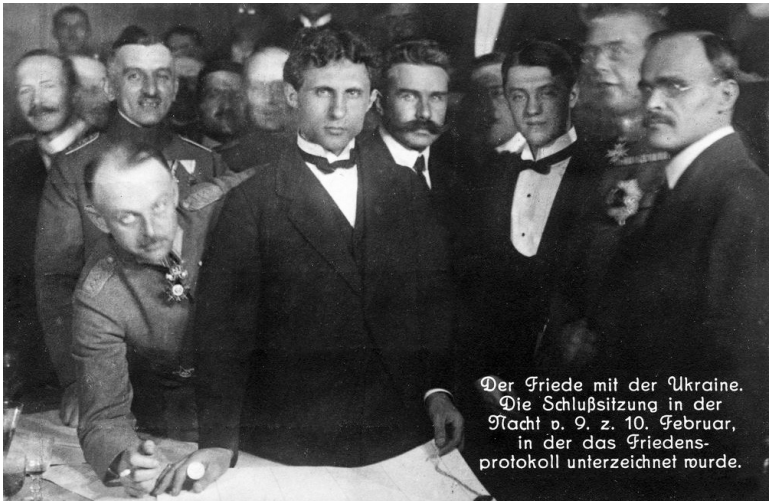
ровал так: «*...украинцы сначала требовали уступки Галиции... Они также выставляли пожелания касательно русинской территории Венгрии... Теперь они требовали разделения Галиции и создания австрийской провинции из восточной Галиции и Буковины*» [5].

Последний вариант был признан компромиссным, при оформлении в особом тайном протоколе обязательства Вены провести соответствующую административно-территориальную реформу. Тем не менее в отношении Холмщины компромисс не складывался. Предложение немецких дипломатов определить судьбу этого региона путем самоопределения его жителей встретило возражение главы украинской делегации Всеволода Голубовича. Украинцы настаивали на безусловном включении Холмщины и Подлесья в состав своего государства. Немцы предложили провести северо-западную границу Украины от Бреста по линии железной дороги на Пинск и по восточному берегу Буга, однако делегация УНР запросила часть Гродненской и Минской губерний.

Под впечатлением этих дипломатических дебатов статс-секретарь МИДа Германии Рихард фон Кюльман писал рейх-канцлеру из Брест-Литовска: «*...украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях... когда они видят, что могут... позволить себе это*» [2]. Логика такого поведения представителей УНР определялась начавшимися в Вене голодными бунтами. В этих условиях переговорная ценность продовольственных ресурсов Украины существенно возрастала.

Умерить свои территориальные претензии УНР вынудило осложнение ситуации в Поднепровье. В то время, когда советские войска уже стояли на подступах к Киеву, а в столице УНР полыхало большевистское восстание, О. фон Чернин пригласил к себе Александра Севрюка (нового главу украинской делегации) и потребовал срочно заключить договор УНР с Центральными державами. Его официальное подписание состоялось в ночь на 27 января 1918 г. Иосиф Сталин иронично назвал его «фиктивным договором с мертвецами», поскольку оккупировавшие Брест немцы манипулировали информацией о состоянии дел на Украине, а заключившая его Центральная Рада контролировала ничтожную часть территории страны.

По договору граница Австро-Венгрии с УНР повторяла прежнюю русско-австрийскую. Украина получала Холмщину, но без большей части Подлесья. Оккупированные союзниками территории Украина могла получить после ратификации договора (Австро-Венгрия так этого и не сделала). Ратификация, в свою очередь, была поставле-



Делегация Центральной Рады на переговорах в Брест-Литовске

на в зависимость от гарантий продовольственных поставок. Особо оговаривалось, что указанная в основном договоре линия границы Украины с Польшей (в Холмщине и Подлесье) не является окончательной и по решению смешанной комиссии может быть сдвинута к востоку, «исходя из этнографических условий и пожеланий населения». Секретный протокол фиксировал вывоз к 1 июля с территории Украины миллиона тонн зерна. Другим секретным соглашением предусматривалось после получения украинского хлеба внесение в австрийский парламент законопроекта о выделении Восточной Галиции и Северной Буковины в самостоятельную провинцию [2].

Используя заинтересованность деятелей Центральной Рады в военной помощи, австрийские дипломаты добились повышения степени секретности последнего условия. 4 марта 1918 г. украинский экземпляр соответствующего секретного протокола был передан на хранение в МИД Германии. 16 июля он был уничтожен в связи с тем, что украинские делегаты, по мнению австрийцев, допустили разглашение документа [2].

Обязательство Австрии по созданию украинской коронной провинции действительно получило широкую известность, обострив и без того сложнейшую политическую ситуацию в империи. Румынские и польские элиты на Буковине и в Галиции, до тех пор верные трону Габсбургов, посчитали себя обманутыми и ответили

всплеском сепаратизма. Причем их реакция на Брестский договор с УНР хорошо иллюстрировала особенности национального менталитета.

Румынские землевладельцы, обладавшие большей частью земельных ресурсов в Северной (Украинской) Буковине, были экономически не заинтересованы в отделении этой части провинции. Тем не менее, здесь обошлось без шумных акций протеста. В ряде населенных пунктов Северной Буковины румыны – главы местных администраций препятствовали проведению праздников «мира и украинской государственности» по случаю провозглашения IV Универсала УНР. Среди румын распространялись слухи, что Буковина была «продана за продовольствие». По мере ухудшения военно-политического положения Австро-Венгрии румынские лидеры общественного мнения все больше поддерживали идею образования «Великой Румынии».

Карл I,
император Австро-Венгрии

Масла в огонь добавил указ Карла I о федерализации империи, в котором нашлось место для украинского государства, но не нашлось такового для румынского. Тем не менее до самого конца Дуалистической монархии румынские элиты сохраняли большую осторожность. Состоявшееся 27 октября 1918 г. Национальное собрание («Конституанта») румынских депутатов рейхсрата, бывших депутатов ландтага и румынских бургомистров Буковины призвало к объединению всей провинции с «другими румынскими землями» (имелась в виду входившая в состав Австро-Венгрии Трансильвания, но двусмысленность формулировки позволяла подразумевать и Румынское королевство). Уже 4 ноября по просьбе руководства Сучавского (румынского) уезда на юге Буковины в регион вошли румынские войска, якобы для борьбы с массовыми беспорядками [4, с. 297].

Раздел Галиции на западную (польскую) и восточную (украинскую) части вызвал недовольство у поляков, «де-факто» контролировавших весь этот регион. Снижение лояльности польских элит к Габсбургам, по сути, перечеркивало возможность расширения Австро-Венгрии за счет «русской» Польши и превращения империи в три-

единую Австро-Венгерско-Польскую монархию. Последний проект рассматривался австрийской дипломатией как вполне реальный вариант послевоенного обустройства Восточной Европы [5].

После разглашения условий Брестского договора с УНР в большинстве городов Галиции прошли массовые антиавстрийские демонстрации. Городские Советы принимали гневные резолюции, многие чиновники и офицеры польского происхождения решили оставить службу. Императору отсылали австрийские награды, на улицах польских городов Галиции можно было увидеть собак, увешанных австрийскими орденами [6, с. 169].

Ю. Галлер,
полковник Польского легиона

Из подчинения австро-венгерскому командованию вышел польский вспомогательный корпус. Основная его часть (до 2 тыс. человек) во главе с полковником Юзефом Галлером перешла на сторону Антанты. Остальную часть этого соединения австрийцам пришлось разоружить. До этого инцидента бойцы корпуса хорошо характеризовались австрийским военным командованием. Атака улан Галлера под Рокатиной вообще стала частью польской военной мифологии.

7 октября 1918 г. польский Регентский совет в Варшаве заявил о плане восстановления независимости Польши, а через два дня польские депутаты австрийского парламента приняли решение об объединении в составе Польши бывших земель Речи Посполитой, включая Галицию.

«Хлебный» мир дорого обошелся и главе правительства Австрии Эрнсту Зейдеру. Польские депутаты Рейхсрата потребовали отставки премьер-министра, продвигавшего сделку с УНР, угрожая заблокировать принятие государственного бюджета. Под угрозой парламентского кризиса в июле 1918 г. молодой император Карл I вынужден был пойти на смену кабинета министров. По иронии судьбы Э. Зейдер был активным сторонником превращения Австрии в федеративную монархию. 16 октября 1918 г. в условиях уже начавшейся революции Карл I спешно издал манифест, провозглашавший Австрию *«государством федеративным, в котором каждая народность образует свое собственное государство на территории, которую населяет...»*. Однако время для подобных реформ было без-

возвратно упущено, а баланс межнациональных отношений нарушен. Австро-Венгерской империи оставалось жить меньше месяца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов И.И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. 2012. № 1 (15). С. 70–89.

2. Михутина И. Украинский брестский мир: монография. М.: Европа, 2007. Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/sci_history/mihutina/0/j8.html

3. Нестеров А.Г. Герцогство Буковина в интеграционной модели Австро-Венгерской монархии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 66–71.

4. Пиддубный И.А. Румыны Буковины: от черно-желтого лоялизма к «великому объединению» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. С. 281–305.

5. Польша // Чернин Х. фон. В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел / пер. с нем. М.–Пг.: Гиз, 1923. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/other/czernin/09.html

6. Рыдель Я. Поляки Габсбургской монархии в 1914–1918 гг.: причины, характер и пределы лояльности // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. С. 169–179.

УДК 94.061.75(478)

Н.В. ДЫМЧЕНКО,
канд. культурологии (г. Тирасполь)

100 ЛЕТ «ДРОЗДОВСКОМУ ПОХОДУ»: ИЗ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

(К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ)

Аннотация: Статья посвящена одному из ярких эпизодов начала гражданской войны – переходу первой отдельной бригады русских добровольцев под командованием полковника Генерального штаба М.Г. Дроздовского с Румынского фронта на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова. Характеризуются причины и начало формирования этого соединения, прохождение бригады через приднестровские города, дальнейший ее путь. Уделено внимание увековечению памяти о событиях Первой мировой и гражданской войн в Приднестровье.

Ключевые слова: Первая мировая война, гражданская война, «Дроздовский поход», Добровольческая армия.

В настоящее время в Приднестровье очень популярна тема сохранения и популяризации военно-исторического наследия Русской императорской армии. В республике чтут память о 55-м Подольском и 56-м Житомирском пехотных полках, 8-м Астраханском драгунском полке, которые отличились в Отечественной (1812), Крымской (1853-1856), Русско-турецкой (1877-1878), Русско-японской (1904-1905) и Первой мировой (1914–1918) войнах.

Однако остаются под завесой истории события времен Первой мировой и гражданской войн в приднестровском крае, а именно 1916–1920 гг. Что мы знаем об этом периоде? То, что в те годы край посещали император Николай II и генерал А.А. Брусилов, находились тылы Юго-Западного фронта, что в годы гражданской войны здесь воевала конница Котовского…

А что мы знаем об офицерах и солдатах Русской императорской армии и Белого движения этого периода в Приднестровье, например, о дроздовцах и бредовцах? К сожалению, информация скудна, а сама тема выпала из поля зрения историков.

Сейчас не хочется говорить о том, кто лучше – красные или белые, а просто надо понять, что гражданская война в России 1918–

1920 гг. была величайшей трагедией в истории нашего Отечества, а Приднестровье – осколок этой великой державы. Первая мировая и гражданская войны унесли миллионы жизней российских людей.

2018 год... Три важные даты для истории Отечества: 100 лет варварского расстрела Августейшей семьи, 100 лет со дня окончания Первой мировой войны и 100-летие начала гражданской войны в России. Первые две даты были отмечены в Приднестровье памятными мероприятиями: освящение часовни, открытие памятных досок, организация музейных экспозиций и выставок, научных конференций и семинаров...

В рамках этих исторических вех хотелось бы уделить внимание одной дате – 100-летию «Дроздовского похода», одной из забытых страниц гражданской войны в России. Какое отношение он имеет к нам, почему в Приднестровье мы вспоминаем эту дату? Во-первых, полковник Генерального штаба Михаил Гордеевич Дроздовский был последним начальником 14-й пехотной дивизии, куда входили 55-й Подольский и 56-й Житомирский пехотные полки. Также он был командиром 60-го Замосцкого пехотного полка, образованного еще в 1831 г. из резервных подразделений 55-го Подольского и 56-го Житомирского полков. Во-вторых, в походе приняли участие многие офицеры, служившие в период существования Русской императорской армии в Бендерах и Тирасполе и затем принимавшие участие в Первой мировой войне. В-третьих, «Дроздовский поход» прошел через населенные пункты Приднестровья, в частности, через город Дубоссары. Таким образом, связь с приднестровским краем прослеживается достаточно ясно.

М.Г. Дроздовский,
полковник Генерального штаба

Необходимо также отметить, что практически все дроздовцы были участниками Первой мировой войны, действуя в основном на Юго-Западном и Румынском фронтах.

Сам М.Г. Дроздовский за Великую войну был отмечен орденами святого Георгия 4-й степени, святого равноапостольного князя

Владимира 4-й степени с мечами и бантом, святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, Георгиевским оружием, а до этого за русско-японскую – орденами святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также медалями – «В память русско-японской войны» с бантом, «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года», «В память 300-летия царствования дома Романовых».

В декабре 1917 г. главнокомандующий русскими армиями в Румынии генерал Дмитрий Григорьевич Щербачев получил письмо с Дона от генерала Михаила Васильевича Алексеева о начале вооруженной борьбы с большевиками, формировании Добровольческой армии и с призывом вступать в ее ряды. В феврале процесс формирования офицерских частей для отправки на Дон приобрел централизованный характер. Отряд Дроздовского переименовали в бригаду, вторая аналогичная воинская часть начала формироваться в Кишиневе.

Однако после того, как большевики начали переговоры с Германией в Бресте, Румыния тоже вступила с ней в сепаратные переговоры, резко изменив свое отношение к дислоцированным на румынской территории русским воинским частям. Их начали разоружать. Главком Щербачев и генерал Анатолий Киприанович Кельчевский, возглавлявший недавно созданное управление добровольческих войск, посчитав положение безнадежным, отдали приказ о роспуске всех находившихся в его подчинении офицерских формирований.

Единственным командиром, отказавшимся его выполнить, был полковник М.Г. Дроздовский. Румыны попытались разоружить бригаду силой. Однако Михаил Гордеевич направил правительству недавних союзников ультиматум, в котором указал, что *«разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется»* и что *«при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем»* [1].

Как только румынские войска попытались окружить лагерь дроздовцев, те выступили им навстречу в боевых цепях с примкнутыми штыками. А на ясский дворец, где в то время располагалась резиденция румынского короля, навели жерла орудий две артиллерийские батареи, находившиеся в распоряжении Дроздовского. Румыны немедленно отвели свои части, а на следующий день предоставили вагоны и паровозы для того, чтобы отправить бригаду в Кишинев. Полковник Дроздовский принял решение самостоятельно пробиваться оттуда на Дон, к генералам Алексееву и Корнилову [3].

«Дроздовский поход» начался 11 марта 1918 г. с перехода первой отдельной бригады русских добровольцев под командованием полковника Генерального штаба Русской императорской армии М.Г. Дроздовского с Румынского фронта Первой мировой войны на Дон для соединения с Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова и участия в Белом движении.

Отряд Дроздовского составили 667 офицеров, 370 солдат, 12 сестер милосердия, 14 врачей и священников – таков состав отдельной бригады русских добровольцев, который 11 марта выступил из румынских Ясс в поход на Дон. Немногим более тысячи человек из тех сотен тысяч, что остались на Румынском фронте. Отряду Дроздовского предстояло пройти с боями по России, уже охваченной гражданской войной, более чем 1200 верст.

В Кишиневе к добровольческому отряду присоединились несколько десятков добровольцев из расформированной бригады полковника Белозора. В районе Дубоссар к ним пробилась шедшая из Измаила сводная офицерская рота морской дивизии во главе с полковником Михаилом Антоновичем Жебрак-Русановичем. Пополняясь такими мелкими, но прекрасно организованными и сплоченными отрядами, бригада Дроздовского продолжала путь, с каждым днем становясь все более и более грозной силой.

М.А. Жебрак-Русанович, полковник, глава роты морской дивизии

В начале марта отряд добрался до Днестра. Из дневника М.Г. Дроздовского, 4 марта 1918 г.: *«Прибыли в Дубоссары в 18* (часов – **Н. Д.**) – *здесь все части отряда, на правом берегу ничего. В Криулянах обогнал наш обоз (6-й эшелон) и скот. В Дубоссарах разместились хорошо. О немцах ни слуху. Несколько большевиков арестовано. Жители довольны, из Григориополя накануне присылали от сельского управления с просьбой их освободить; послали несколько человек – большевики бежали»* [2].

В Дубоссарах дроздовцы пробыли с 4 по 6 марта 1918 г. Затем про-

должали поход по Херсонщине – Левобережной Таврии, переправились через Днепр.

17 апреля дроздовцы с боем занимают Мелитополь, еще через несколько дней – Бердянск. В это время Дон восстал. Дроздовский поворачивает к Таганрогу, но он уже занят высадившимися в нем германскими частями. Не вступая с ними в бой, дроздовцы обогнули город с севера и устремились к Ростову. Город штурмовали в пасхальную ночь 1918 г. Многие дроздовцы погибли, включая начальника штаба полковника М. Войналовича. Однако Ростов удержать не смогли и вынуждены были его оставить.

Воспользовавшись ослаблением красных под Новочеркасском, 8 мая Южная группа казачьего полковника Денисова заняла столицу Войска Донского, завязав бои за город. Дроздовский стремительным маршем повел бригаду туда. Через два дня она приняла участие в освобождении Новочеркасска.

Поход Яссы–Дон отряда Дроздовского продлился 61 день. На Дон Михаил Гордеевич привел уже почти 3 тысячи отлично обмундированных и вооруженных, получивших опыт в боях солдат и офицеров.

Полковник Дроздовский по своим убеждениям был монархистом и считал свою бригаду частью русской армии, продолжавшей находиться в состоянии войны с Германией. Он не разделял сотрудничества некоторых лидеров Белого движения с германским командованием. Подчиненные Михаила Гордеевича влились в состав Добровольческой армии на правах бригады, а затем 3-й дивизии. Для участников похода Яссы–Дон в конце 1918 г. была учреждена специальная медаль, которой они очень гордились.

Осенью 1918 г. М.Г. Дроздовский был ранен. В госпитале узнал о присвоении ему чина генерал-майора. Оттуда он больше не вышел...

Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин, вспоминая о М.Г. Дроздовском, писал: *«В начале января* (1919 г. – **Н. Д.**) *мы похоронили умершего от заражения крови вследствие раны, полученной под Ставрополем, генерала Дроздовского. Одного из основоположников армии, человека высокого патриотизма и твердого духом»*. Приказ, сообщавший армии о смерти генерала Дроздовского, заканчивался словами: *«...Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрека»* [1].

Уже без своего командира дроздовцы приняли активное участие в гражданской войне, но это другая тема.

P.S. В Приднестровье 19 октября 2018 г., в годовщину со дня рождения генерала М.Г. Дроздовского, по инициативе Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья

в ГКЦ «Дворец Республики» г. Тирасполь состоялся научно-просветительский круглый стол на тему «100 лет «Дроздовскому походу»: забытые страницы гражданской войны в России». В его заседании приняли участие представители Госслужбы по культуре и историческому наследию ПМР; Госслужбы управления документацией и архивами ПМР; ГУП «Бендерская крепость»; Тираспольско-Дубоссарской епархии; общественных военно-исторических организаций; курсанты Тираспольского юридического института им. М.И. Кутузова и воспитанники Тираспольского Суворовского училища; музейные и библиотечные работники. Ряд исследователей военной истории края был удостоен юбилейного памятного креста «100 лет “Дроздовскому походу”», учрежденного Центром.

В ходе круглого стола была презентована книга В.Н. Чернецова «Тирасполь. 1914–1920 гг.», которая посвящена истории формирования, военной форме, амуниции и атрибутике полков, дислоцировавшихся в начале XX в. в Приднестровье (тогда – Тираспольский уезд Херсонской и Бендерский уезд Бессарабской губерний). Состоялось спецгашение памятного конверта с портретом М.Г. Дроздовского, изданного ГУП «Издательство “Марка ПМР”».

Затем все участники встречи перешли к Свято-Никольскому храму г. Тирасполь, где архиепископ Тираспольский и Дубоссарский Савва отслужил панихиду по погибшим и умершим в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и Гражданской войны в России (1918–1920 гг.). Владыка освятил памятную доску с надписью «Покинувшим Отечество, чтобы вернуться... 100 лет «Дроздовскому походу» Яссы–Дон. 1918–2018», установленную на фасаде храма по инициативе Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_30.html

2. Дроздовский М.Г. Дневник. Режим доступа: http://xxl3.ru/belie/drozd_dnevn.htm

3. 11 марта 1918 года начался румынский поход добровольцев М.Г. Дроздовского. Режим доступа: http://ptiburdukov.ru/История/начался_Румынский_поход_добровольцев_М.Г.%C2%A0Дроздовского

УДК 94(478-21)“1918/1919”

А.Г. ТИХОНОВ
(г. Бендеры)

ВОСПОМИНАНИЯ И ФОТОАРХИВ Г.-Ж. РОБЕРА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЖИЗНИ БЕНДЕР И ТИРАСПОЛЯ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДОВ

Аннотация: Впервые публикуются, описываются и систематизируются фотодокументы, созданные младшим лейтенантом 2-го горно-артиллерийского полка французской армии Гастоном-Жозефом Робером в пути следования с Македонского фронта на Черноморское побережье, во время его нахождения в Бендерах и Тирасполе. Кроме того, впервые на русском языке приведены выдержки из его воспоминаний о пребывании в Бендерах и следовании через Тирасполь в Одессу, изданных во Франции ограниченным тиражом для семейного пользования.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, Дунайская армия Франции, Бессарабская губерния, Херсонская губерния, Белгород-Днестровский, Бендеры, Одесса, Рени, Тирасполь.

По завершении разгрома войсками Антанты под командованием генерала Л.-Ф. д’Эспере болгарской армии на Македонском фронте и заключении 29 сентября 1918 г. Салоникского перемирия, французское правительство переключило свое внимание на Россию. Там в феврале 1917 г. была свергнута монархия, а осенью власть захватили большевики, положившие начало гражданской войне. Они же 2 декабря заключили с германским правительством перемирие на Восточном фронте, в результате которого Россия, воевавшая на стороне Антанты, фактически вышла из войны [1, с. 590–600].

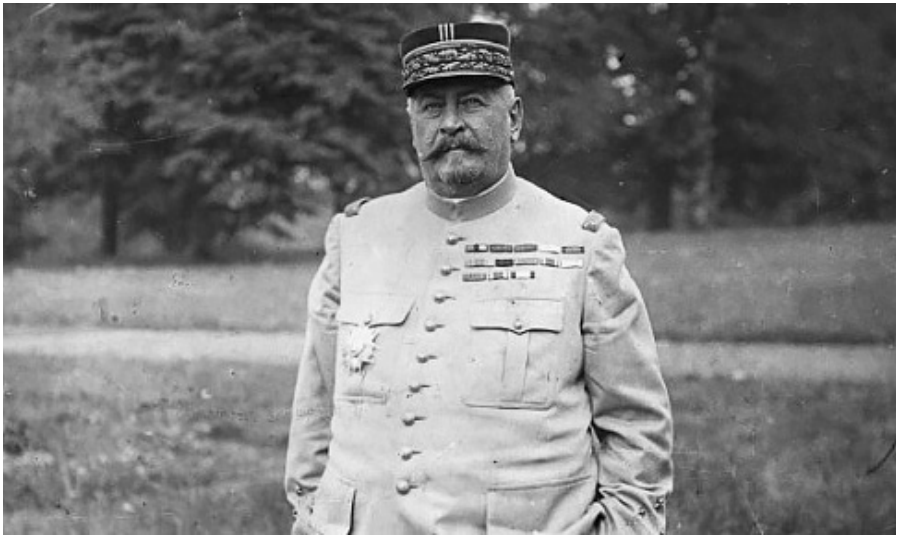
Именно эти события послужили причиной подписания между Францией и Великобританией «Условий конвенции, согласованной в Париже 23 декабря 1917 г.», предусматривавших разделение России на сферы влияния и оказание военной помощи формируемой в Новочеркасске Добровольческой армии [2, с. 399]. В результате военной интервенции во французскую зону ответственности должны были войти территории к северу от Черного моря, а в британскую – к востоку.

Дабы «изолировать, а затем уничтожить русский большевизм», 27 октября 1918 г. премьер-министр Франции Ж. Клемансо отдал генералу Л.-Ф. д'Эспере приказ о высадке части войск Антанты в Северном Причерноморье [4, с. 120–184]. На следующий день для этой цели из французской Восточной армии была выделена и отправлена в Южную Россию Дунайская армия во главе с генералом А. Бертело. Одной из ее задач стало занятие Одессы.

Дивизионный генерал Л.-Ф. д'Эспере, главнокомандующий войсками Антанты на Балканах

Первые транспорты французской 156-й пехотной дивизии (пд) во главе с бригадным генералом А. Бориусом подошли к городу 4 декабря 1918 г. В начале января следующего года в Одессу прибыл штаб группировки французских войск во главе с бригадным генералом Ф. д'Ансельмом, возглавившим союзные оккупационные войска, и начальником штаба полковником А. Фрейденбергом. Продолжили высаживаться на побережье Одесского залива и новые части десанта [3, с. 1–97]. В их число вошла и покинувшая 1 января 1919 г. Салоники 9-я группа французского 2-го горно-артиллерийского полка (гап). Еще одна группа этого полка, 7-я, вместе 30-й пд проследовала сухим путем через Болгарию и Румынию в Бендеры.

7-я группа 2-го гап, в составе 20-й, 21-й и 22-й батарей (ранее – 1-я и 45-я батареи 2-го гап и 48-я батарея 1-го гап. 16 января 1919 г. 21-я батарея была расформирована), в конце сентября 1918 г. соединилась с 30-й пд в районе македонского города Ресена. Отсюда началось преследование ими австро-венгерских частей, отходивших к Эль-Бассану. Затем, пройдя Монастир, 10 октября дивизия прибыла в Прилеп, спустя десять дней, преодолев Бабунский перевал, вошла в Велес, а 28 октября была в Крива-Паланке. Спустя два дня через перевал Деве-Баир 30-я пд вошла в Болгарию. 1 ноября подразделение сделало остановку в Кюстендиле, 8-го прибыло в Софию, а 11-го, по железной дороге, – в Систово. После десяти дней отдыха, 20 ноября, дивизия пересекла Дунай и высадилась в Румынии, где с 9 декабря 1918 г. по 25 января 1919 г. квартировала в Бухаресте.



Дивизионный генерал А.-М. Бертело,
командующий Дунайской армией Франции

29 января 7-я группа 2-го горно-артиллерийского полка через Браилов, Галац и Рени прибыла в Бендеры [5], оккупированные годом ранее румынскими войсками.

7 февраля в составе 30-й пд группа должна была поддержать наступающий на Тирасполь со стороны Раздельной отряд коменданта Дюкло и совместными усилиями занять город. Однако дивизия так и осталась стоять на своих позициях в Бендерах, а отряд Дюкло занял Тирасполь самостоятельно [6]. Воздержание 30-й пд от активных действий на тираспольском направлении было связано, по всей видимости, с неудачной попыткой занять город 4 февраля силами собственного 58-го пехотного полка. Потеряв восемь человек ранеными и одного пропавшим без вести, полк отошел обратно в Бендеры [8].

Захвативший Тирасполь отряд Дюкло состоял из 2-го батальона и горной секции 1-го маршевого африканского полка и 4-го эскадрона 4-го егерского африканского полка 156-й пд, подкрепленных танками и польским воинским контингентом. Он же ранее, в 20-х числах января, занял Раздельную [6, 7]. Успешные действия франко-польского отряда позволили взять под контроль железную дорогу, соединяющую Бессарабию с Черноморским побережьем, и создать тем самым безопасный транспортный кори-

дор. По нему 7-я группа переправилась на левый берег Днестра и 8 марта отбыла в Одессу, где на следующий день присоединилась к 9-й. Здесь, в казачьих казармах, в состоянии боевой готовности обе группы дислоцировались вплоть до 6 апреля 1919 г., когда союзники по Антанте начали срочную эвакуацию своих войск из города. Получив приказ об оставлении Одессы, 7-я и 9-я группы по берегу Черного моря направились к Днестру для перехода в Бессарабию. По завершении переправы наведенный через Днестровский лиман понтонный мост был взорван. Но если 9-я группа так и осталась стоять близ устья Днестра, то 7-я возвратилась в район Бендер. Здесь она находилась до 1 июня, а затем была переведена, как указано в истории полка, в «Strew-Kachany» и спустя десять дней там расформирована (установить, какой именно населенный пункт подразумевался под этим названием, нам не удалось; по одному из предположений им являлось м. Каушаны Бендерского уезда). Личный состав и животные 7-й группы были переданы в состав 13-го артиллерийского колониального полка. 9-я группа 27 июля 1919 г. была отправлена в Рущук (Русе, Болгария) [5].

Одним из участников тех событий был служивший в 7-й группе младший лейтенант Гастон-Жозеф Робер. Он родился в 1889 г. во французском Валансе, главном городе департамента Дром. С 1910 г. служил в 10-м кирасирском полку, где спустя год получил чин бригадира, а в 1912-м был произведен в вахмистры. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, вместе со своим полком Г.-Ж. Робер был мобилизован. Служил в 137-м и 259-м пехотных полках, затем в 32-м и 19-м артиллерийских полках, а с 1918 г. – во 2-м гап. Демобилизованный в 1919 г. Г.-Ж. Робер за участие в кампаниях Великой войны был пожалован в кавалеры ордена Почетного легиона, награжден Военным крестом и медалью Победы. В 1922 г. ему было присвоено звание лейтенанта запаса.

Следуя с Македонского фронта через Бендеры и Тирасполь в Одессу, а затем покидая пределы России, младший лейтенант Робер не расставался со своей фотокамерой, запечатлевая на нее наиболее любопытные места и события. Из 98-ми фотографий, сделанных им во время этого вояжа, 5 относятся к пребыванию в Македонии, 8 – в Болгарии, 28 – в Румынии, 40 – в России и 17 – в аннексированной Румынией Бессарабии. Если же рассматривать распределение фотодокументов по конкретным населенным пунктам, то наибольшее их количество было сделано в Одессе (18), Бендерах (11) и Тирасполе (7). Снимки, сделанные в приднестровских городах, нам особенно интересны *(см. вклейку)*.

Младший лейтенант Г.-Ж. Робер. 1919 г.
(из коллекции А.Г. Тихонова)

Бендерский цикл составляли 11 фотодокументов, а именно:

– мост через Днестр (вид с юго-запада) *(илл. № 1)*. Был открыт в 1871 г. и, соединяя Бессарабскую и Херсонскую губернии, служил для проезда как железнодорожного, так и гужевого транспорта. Ближайший к Бендерам пролет моста был взорван французскими инженерами 14 апреля 1919 г. Таким образом, на снимке мост запечатлен в последние месяцы своего существования в первоначальном виде. На фотографии, помимо стоящего человека, обращают на себя внимание въезжающая со стороны города на нижний уровень моста пролетка и пришвартованные к левому берегу Днестра речные суда;

– мост через Днестр (вид с северо-запада) *(илл. № 2)*. Снимок аналогичен предыдущему, но сделан с другой стороны и с большего расстояния – от стен Бендерской крепости. Не в фокусе;

– Бендерская крепость в тумане. Снимок утрачен;

– внутренний вид верхнего замка (цитадели) *(илл. № 3)*. Снимок является наиболее ранним из сделанных в данной части крепости. На нем отчетливо просматривается состояние стен, башен и порохового погреба в цитадели;

– общий вид верхнего замка. Снимок утрачен;

– перспектива Софиевской улицы *(илл. № 4)*. Является одним из наиболее ценных снимков бендерского цикла. Впервые показывает вид Софиевской улицы (ныне – Комсомольской) на запад со стороны Вокзального проспекта (ныне – улицы Академика Федорова). Основное внимание на снимке привлекает расположенная с правой стороны улицы Александро-Невская церковь 55-го пехотного Подольского полка, освященная в 1899 г. и снесенная в 1960-е гг. В центре кадра, за деревьями, виднеется тыльная сторона здания Бендерского уездного земства, а над проезжей частью улицы – фонари электрического освещения;

– ветряная мельница в предместье Новые Липканы *(илл. № 5)*. Данный и два последующих снимка являются единственными известными изображениями бендерских мельниц. Они располагались в районе современной улицы Мунтяна села Протягайловка;

– ветряная мельница в предместье Новые Липканы. Снимок утрачен;

– пейзаж с мельницами в предместье Новые Липканы *(илл. № 6)*. Вместе с последующим снимком уникален тем, что на них впервые запечатлены бендерские предместья Новые Липканы и Протягайловка. Снимок показывает вид на предместье, предпо-

ложительно, со стороны современных улиц 50-летия Победы и Санаторной села Протягайловка;

– вид на предместье Протягайловка *(илл. № 7)*. Снимок показывает вид на предместье, предположительно, со стороны современной улицы Гербовецкой села Протягайловка, от Протягайловского (Хомутяновского) кладбища;

– вид на Днестр и село Парканы *(илл. № 8)*. Снимок сделан от стен Бендерской крепости.

Еще одним фотодокументом, который можно отнести к бендерскому циклу, является снимок паровоза серии О, сделанный на станции Заим Бендерского уезда *(илл. № 9)*.

В тираспольский цикл входят семь фотодокументов:

– Свято-Троицкая церковь 56-го пехотного Житомирского полка *(илл. № 10)*. Была построена на территории полка по образцовому проекту военного инженера Ф.М. Вержбицкого и освящена в 1904 г. В 1924 г. церковь была закрыта, а в 1950-х гг. – разрушена. В 1997 г. недалеко от этого места была сооружена новая церковь, во имя святого апостола Андрея Первозванного, не имеющая однако архитектурной преемственности со снесенными полковой Свято-Троицкой церковью и Андреевским храмом Тираспольской крепости;

– интерьер Свято-Троицкой церкви *(илл. № 11)*. Снимок является единственным известным изображением внутреннего убранства уничтоженных тираспольских храмов. Не в фокусе;

– церковь святого апостола Андрея Первозванного *(илл. № 12)*. Была построена на территории Тираспольской крепости и освящена в 1802 г. Являлась старейшим каменным храмом города. Разрушена в 1930-х гг. По обе стороны от храма на фотографии виднеются каменные здания артиллерийского парка: слева – одноэтажная канцелярия, справа – дом для офицеров и чиновников;

– перспектива Колодезной улицы *(илл. № 13)*. Один из наиболее ценных снимков из тираспольского цикла, поскольку впервые показывает вид Колодезной улицы (ныне – Шевченко) от ее пересечения с Покровской (ныне – 25 Октября) на север. Отдельное внимание на снимке привлекают находящаяся в центре перекрестка с Часовенной улицей (ныне – Р. Люксембург) водоразборная будка и мост через ручей перед ней. Расположенный к северо-востоку от этого перекрестка квартал, единственный из запечатленных на фото, сохранил до наших дней свою застройку, хотя и в перестроенном виде;

– перспектива Покровской улицы *(илл. № 14)*. Снимок показывает ее вид от Красного переулка (ныне – Бочковского) в восточном направлении. На первом плане расположен разбитый в 1910-х гг. сквер с фонтаном, за сквером – часть здания реального училища. Вдали запечатлена Покровская единоверческая церковь, а по сторонам от нее виднеются купола: слева – Покровской старообрядческой церкви, справа – часовни в память 25-летия царствования императора Александра II, сооруженной по проекту архитектора А.Н. Померанцева. Кроме того, на снимке одновременно запечатлены три типа столбов: фонарный, телеграфный и электрический;

– добыча льда на Днестре *(илл. № 15)*. Предположительно снимок сделан в районе действующей ныне паромной переправы, вблизи улицы 1 Мая (ранее – Садовой). Является единственным известным снимком, иллюстрирующим данный вид деятельности в Тирасполе;

– взрыв в сарае артиллерийского парка *(илл. № 16)*. Является единственным известным снимком строений бастиона «Василий» Тираспольской крепости. Слева от сарая расположен крытый колодец. Взрыв, очевидно, носит постановочный характер.

После кончины в 1980 г. Г.-Ж. Робера его архив перешел внуку – Жерому Роберу, благодаря содействию которого стало возможным написание настоящей статьи и публикация названных выше фотоисточников. Помимо этого, Ж. Робер любезно предоставил для изучения «Военный дневник. От Артуа до Балкан. 1914–1919», составленный Г.-Ж. Робером в 1975 г. в Экс-ан-Провансе. Приведем фрагменты этих воспоминаний, относящиеся к Бендерам и Тирасполю, впервые переведенные Д.П. Токаревым с французского языка для настоящей публикации:

«БЕНДЕРЫ. Исторически Бендеры знамениты пребыванием здесь в XVI веке шведского короля Карла XII. В ходе своих военных походов по Восточной Европе суверен укрывался в прекрасной крепости, которая служила ему опорной базой в кампании против турок**.*

Впрочем, очень хорошо сохранившаяся крепость – это все, что продолжает существовать на месте древнего города сегодня. Остальное, полностью русифицированное, – не представляет из себя, кроме церкви, ничего интересного: широкий четырехугольник улиц с отдельно стоящими домами, как в Румынии. Сюда мы прибыли рано поутру.

Именно в этой крепости, сроком дней на пятнадцать, были расквартированы наши батареи. Офицерская столовая расположилась в отдельном здании рядом с вокзалом, а мы, офицеры, – разместились по частным домам в городе. Моим жильем, владельцев которого я никогда не видел, была комнатка три на три метра, меблированная по-русски, то есть почти без мебели. Кровать представляла собой доску с подстилкой толщиной в один сантиметр, а накрыться можно было лишь собственным покрывалом. В комнате также была дровяная печь, но топить ее было нечем. К счастью, наше пребывание здесь сопровождалось весенней погодой и ярким солнцем.

Единственное, что могло еще вызвать интерес в Бендерах (чуть не забыл), – изобилие ветряных мельниц. Это, похоже, особенность данного региона, вызванная соседством лесов и сельскохозяйственных угодий. Очерчивая этот регион на востоке, Днестр отделяет его от большой Южно-Русской равнины, специализирующейся на производстве зерновых культур.

Эти мельницы в большинстве своем действующие и потому находятся в хорошем состоянии. Они выстроились вдоль небольшой возвышенности на холмистой равнине, гордо демонстрируя свои четыре или шесть крыльев. Возможно, эти мельницы использовались для помола зерна перед отправкой в Европу и на Балканы, в то время как само зерно через Черное море и проливы переправлялось судами на юг. Я насчитал в округе с добрую дюжину мельниц, но наверняка их было намного больше. Мельницы были настолько великолепны, что я потратил изрядно времени, чтобы запечатлеть несколько из них.

*Напротив Бендер, по другую сторону Днестра, который мы перешли по красивому металлическому мосту, расположен Тирасполь, исключительно русский город. Железная дорога здесь разделяется надвое, одна линия уходит в восточном направлении, на Киев, другая – в южном, на Одессу***. Тирасполь находился на границе Бессарабии и России, и так же как его сосед напротив – враг былых времен Бендеры, обладал фортификационными сооружениями.*

Румыны, боявшиеся большевиков, держали в Бендерах достаточно крупную группировку войск. Мы и сами соблюдали некоторые меры предосторожности, когда должны были пересечь границу, продвигаясь сначала ограниченными силами, а затем проводя обстрел приграничной территории из пушек. Наши

меры устрашения не имели никаких последствий, и мы благополучно вошли в Тирасполь <...>.

РУССКАЯ РАВНИНА. В Тирасполе не было следов большевиков. Нужно сказать, что местная полиция, состоявшая из польских войск, отнюдь не была нежной. Она обеспечивала порядок в регионе вплоть до Одессы и, впрочем, казалось, что вполне справлялась со своей задачей, так как, несмотря на присутствие, как мы подозревали, большого числа большевиков, – там, в портовом городе, не было волнений. Мы были размещены или, скорее, зафиксированы в укрепленной казарме, пока ждали поезд, который отвез бы нас в Одессу.

Русская равнина, которую мы пересекали, была необыкновенной. Ни дороги, ни деревца. Единственное, что было достойно внимания, – железнодорожные линии. Очень широкие – тридцать–сорок метров, возможно, даже больше – так как два пути были достаточно широко расставлены. Пространство между ними служило второстепенным путем сообщения весной, так как в России не существовало дорог, только пути, которые в момент таяния снега превращались в грязевые потоки. В них застревали вьючные животные с гужевым транспортом на глазах у беспомощных владельцев. В Бендерах мне уже довелось испытать все прелести такого болота. Я видел небольшую упряжку, которую на моих глазах засосало в грязь и, несмотря на быстроту, с которой мы смогли вытащить груз, ослика так и не удалось спасти.

По пути нашего следования за вагоны то и дело цеплялись крестьяне, напоминая собой человеческие грозди, слеплявшиеся при отправлении и рассыпавшиеся при остановке. Порой это приводило к небольшим давкам. Однажды наш переводчик был вынужден отчитать такого безбилетника за его грубость и хамство. Он был еще более решителен, поскольку речь шла о бывшем унтер-офицере, который по-прежнему носил форму.

По нашем прибытии в Одессу и по прошествии двух часов ожидания на вокзале, по непонятным причинам мы были расселены в казарме по соседству с вокзалом...».

Таким образом, приведенные и охарактеризованные выше материалы из личного архива лейтенанта французской армии Г.-Ж. Робера, относящиеся к истории Бендер и Тирасполя, позволяют не только дополнить картину происходивших в крае в 1919 г. событий, но способствуют изучению эволюции архитектурно-пространственной среды приднестровских городов.

Выражаю благодарность любителю истории Тирасполя И.В. Бородачу за содействие в приобретении части фотографий города, сделанных Г.-Ж. Робером, и краеведу Р.В. Симаченко за оказанную им помощь в их атрибуции для данной публикации.

Примечания:

* на самом деле в XVIII в.

** Карл XII укрывался под стенами Бендерской крепости, пытаясь спровоцировать столкновение между Османской и Российской империями.

*** Железная дорога разделялась у станции Раздельной Тираспольского уезда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Н.М. Первая мировая война 1914–18. В кн: Большая российская энциклопедия: В 35 т. Т. 25. М., 2014.

2. Дайнес В.О. Иностранная военная интервенция в России 1918–22 // Большая российская энциклопедия: В 30 т. Т. 11. М., 2008.

3. Деникин А.И. Французы в Одессе. В кн.: Французы в Одессе. Из белых мемуаров. Л., 1928.

4. Савченко В., Бутоннэ П. Французское военное присутствие в «Одесском районе» (декабрь 1918 – апрель 1919) к вопросу о причинах неудач «южнорусской» экспедиции // Південный Захід. Одесика. Вип. 13. Одеса, 2012.

5. Historique des corps de troupe 2me regiment d'artillerie de montagne / Signй Colonel P. Castaing. Nice, 1921.

6. Historique du 1er regiment de marche d'Afrique. Bizerte, [années 1920].

7. Historique du 4me regiment de chasseurs d'Afrique depuis sa formation 1839 jusqu'a la fin de la Grande Guerre 1919. Bizerte, [années 1920].

8. Historique du 58eme regiment d'infanterie pendant la campagne 1914–1919. Avignon, 1921.

УДК 94(478)“1921.11.19”

И.М. БЛАГОДАТСКИХ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ НА ТИРАСПОЛЬ 19 НОЯБРЯ 1921 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: Рассмотрена сложная международная и внутриполитическая ситуация в Пруто-Днестровском регионе в 1920-1921 гг. В центре внимания – история нападения вооруженного формирования Иосифа Пшонника на Тирасполь 19 ноября 1921 г., ход событий, их участники и последствия. Привлечены документы внешнеполитических ведомств, материалы воспоминаний участников событий, периодической печати и краеведческих изданий.

Ключевые слова: Днестр, Тирасполь, Парканы, вооруженное нападение, советско-румынские отношения, временная демаркационная линия

Мемориал Славы г. Тирасполь имеет большое значение в сохранении историко-культурного наследия Приднестровья, став за последние десятилетия главным местом памяти, местом поминовения защитников Отечества, павших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., афганской войны, защитников Приднестровья.

Начало истории мемориала связано с историей сквера в центре города, который находился на улице 25 Октября между зданием МОУ «Гуманитарно-математическая гимназия» (ранее – СШ № 6) и территорией нынешнего мемориала, ранее застроенной небольшими жилыми домами и зданиями общественного назначения. Сквер, на месте которого ныне находится овальный газон, разделял центральную улицу города на две части. Возможность представить общий вид сквера позволяет фотография, сделанная в 1919 г. французским офицером Г.-Ж. Робером, уникальной коллекции которого посвящена статья А.Г. Тихонова в данном сборнике *(см. на вклейке илл. № 14)*.

Согласно отмеченным в краеведческих изданиях и периодической печати сведениям, созданный еще в дореволюционные годы центральный сквер впервые стал местом почетных захоронений в годы гражданской войны. 20 февраля 1920 г. здесь был похоронен военный комиссар 2-го кавалерийского полка бригады Г.И. Ко-

товского В.Ф. Христофоров, погибший в бою у немецких колоний Зальц и Кандель (ныне с. Лиманское Раздельнянского района Одесской области) [13, с. 454-455, 459; 5, с. 49].

В ноябре 1921 г. погибшие в результате вооруженного нападения из-за Днестра на села Парканы, Терновка и Тирасполь 22 красноармейца были погребены в центральном сквере [2].

Позднее, в 1925 и 1926 г., здесь же были захоронены руководители Бендерского восстания 1919 г. и Бендерского подполья П.В. Добродеев и М.Ф. Шабанов (партийный псевдоним – Потемкин) [2, см. о них: 22, с. 172, 685]. В советские годы фамилии В.Ф. Христофорова, П.В. Добродеева, М.Ф. Шабанова (Потемкина) были увековечены в названиях тираспольских улиц и предприятий Тирасполя (переулок Христофорова в центре города; завод металлоизделий им. П.В. Добродеева; улица Максима Потемкина в Кировском микрорайоне, ныне район церкви Воздвижения Креста Господня) как значимые для истории города. Их фамилии обозначены на одной из плит Мемориала Славы г. Тирасполь, однако без указания их заслуг и какой-либо поясняющей дополнительной информации.

В целом, вопрос о судьбе захоронений периода гражданской войны и МАССР остается открытым. Можно сделать предположение, что в период немецко-румынской оккупации они были уничтожены, а после окончания Великой Отечественной войны не были восстановлены.

События, приведшие к гибели красноармейцев в 1921 г., получили освещение в изданиях 1990–2000-х гг. В главе VII «На границе тучи ходят хмуро» книги второй В.Л. Полушина «Тирасполь на грани столетий» приведены информационные сообщения тираспольской газеты «Известия» о налете на город [20, с. 940]. Г.О. Аствацатуров во второй части «Очерков истории села Парканы» посвятил целый раздел событиям 1921 г. и их трагическим последствиям для с. Парканы, представив несколько версий и важные сведения, почерпнутые из архивных фондов Одессы, Кишинева, Москвы [20, с. 35–50]. В разделе второго тома «Истории Приднестровской Молдавской Республики», в контексте сложной политической обстановки в Приднестровье в начале 1920-х гг., кратко приведена история событий 19 ноября 1921 г. [7, с. 62].

Вместе с тем, следует отметить, что история вооруженного нападения на Тирасполь 1921 г. представляет интерес как яркая страница военно-политического противостояния на Днестре, требующая более полного освещения и оценки с точки зрения хроники событий,

характеристики участников нападения, его последствий. Важным источником являются воспоминания и свидетельства участников, опубликованные в 1960-е гг. [3, 9, 12]. Российский исследователь М.И. Мельтюхов в изданной в 2010 г. монографии «Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940» привел ряд архивных материалов из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), позволяющих достоверно восстановить хронику событий на Днестре в ноябре 1921 г. [11, с. 127–139]. Важные сведения об организаторах нападения представлены в публикации украинского исследователя Я. Файзулина [24].

28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который должен был придать решению о присоединении Бессарабии к Румынии международно-правовую силу [8, с. 188]. Представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии подписали Парижский протокол о признании суверенитета Румынии над Бессарабией. Подписание протокола вызвало протест правительств РСФСР и УССР. В ноте 1 ноября 1920 г. они сделали заявление, что *«не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами»* [8, с. 190].

Обстановка на Днестре в конце 1920 – начале 1921 г. оставалась напряженной. После заключения румыно-польского союза, подписанного 3 марта 1921 г. в Бухаресте, гарантирующего восточные границы двух государств (ст. 1), активизировалась деятельность антисоветских групп в Польше и Румынии, на их территории формировались вооруженные отряды, совершавшие нападения на советские республики.

В ноте НКИДа РСФСР от 23 марта 1921 г. отмечалось: *«Румынские войска, расположенные на Днестре, не только защищают белогвардейские отряды и облегчают им переход реки в целях нападения на российские и украинские вооруженные силы, но и совершают действия, непосредственно враждебные последним...»* [18, с. 16]. В совместной ноте РСФСР и УССР от 29 апреля 1921 г. подчеркивалось, что *«группы, а иногда и целые банды контрреволюционеров-петлюровцев, сформировавшись предварительно в Бессарабии, переправляются через реку под защитой румынских оккупационных войск...»* [14, с. 89].

Несмотря на протесты, враждебные действия с румынской стороны продолжались. Так, 5 июля 1921 г. румынские части в течение

двух часов в районе Бендер вели обстрел левого берега и прекратили его только после ответного огня. 13 июля отряд румынских солдат переправился через Днестр и атаковал советский военный пост у деревни Подойма (в 10 км от Каменки). В официальных нотах правительства РСФСР и УССР заявляли также о *«чрезмерной терпимости румынских военных властей к петлюровцам и другим антисоветским украинским элементам»* [15, с. 199], которые занимались провокациями на Днестре.

Одновременно с протестами шел обмен нотами с Румынией о ситуации на Днестровском лимане. РСФСР и УССР предложили Румынии создать смешанную комиссию для выработки режима Днестровского лимана и правил судоходства в его водах. После активного обменами нотами, состоявшегося в мае-июне 1921 г., переговоры начались 10 июля 1921 г. на военном судне посередине Днестровского лимана, предварительно были подготовлены румынский и российско-украинский проекты соглашения. В инструкции НКИДа отмечалось следующее: в ходе переговоров необходимо учитывать, что *«мы не признали присвоение Бессарабии Румынией, и когда говорим о Бессарабии, считаем ее оккупированной областью... Когда будет заходить речь о бессарабском береге, придется избегать таких выражений, которые могли бы быть истолкованы как признание Бессарабии частью Румынии»* [23, с. 179].

Возникшие в ходе переговоров разногласия, касающиеся разграничения на Днестровском лимане, привели к тому, что переговоры были прерваны уже 22 июля 1921 г. на неопределенное время.

Летом 1921 г. советские войска вели боевые действия против переходивших на территорию Украины из Польши отрядов бывшей Армии Украинской Народной Республики, а также различных вооруженных формирований. Советская разведка докладывала о переброске петлюровских войск в Бессарабию, и у командования складывалось впечатление о подготовке масштабного выступления. Согласно сведениям разведки, *«уполномоченный штаба украинских повстанцев при румынском штабе в Бендерах состоит под высшим руководством атамана Гуляй-Гуленко, главного военного уполномоченного «украинского народного правительства» при Румынском Правительстве, который подготовляет восстание в Одесской губернии, рассчитывая в первую очередь на немецких колонистов»* [16, с. 265].

В период с 15 августа по 15 сентября в советских разведсводках были отмечены нарушения с румынской стороны: световая сиг-

Н.И. Махно, командир 3-й бригады Заднепровской советской дивизии

нализация, обстрелы постов и берега в районе Рыбницы, Григориополя и даже переправа с румынского берега дрессированных собак для корреспонденции. Следует отметить, что румынская сторона выдвигала встречные протесты против попыток переправы с левого берега.

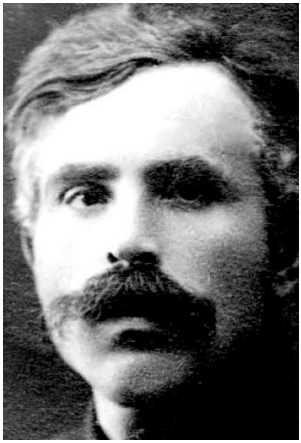
В сентябре 1921 г. обстановка на Днестре накалилась. В этих условиях началась советско-румынская конференция в Варшаве, целью которой было общее урегулирование отношений двух стран, однако стороны выдвинули свой перечень вопросов для обсуждения на конференции. Ситуацию осложнило «дело Махно», нелегально перешедшего Днестр 28 августа вместе со своими соратниками [10, с. 56]. Правительства РСФСР и УССР потребовали выдачи Н.И. Махно, что было расценено Бухарестом как вмешательство во внутренние дела Румынии. Наличие непреодолимых разногласий фактически по всем вопросам обсуждения сделало невозможным ни принятие взаимоприемлемых решений, ни возобновление дипломатических отношений в целом. Российско-украинская позиция была незыблемой: *«задача конференции состояла не в проведении границы между обеими странами, а лишь в проведении демаркационной линии, считаясь с фактической оккупацией Бессарабии румынскими войсками»* [17, с. 489]. В итоге, конференция была прервана на неопределенный срок.

Инциденты на Днестре продолжались. Формирования бывшей Армии УНР в ноябре 1921 г. предприняли последнюю крупную акцию, известную как «Второй зимний поход». Созданные в Польше и Румынии вооруженные формирования под общим руководством Юрия Тютюнника выступили несколькими колоннами на территорию Украины с целью свержения советской власти.

В разведсводках 51-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся на левом берегу Днестра, отмечалось, что, *«по данным губчека, 19 или 20 ноября петлюровское командование намерено переправить с территории Румынии в районе Тирасполь–Дубоссары неизвестные части и соединиться таковыми с отрядом Гуляй-Гуленко... затем совместными действиями овладеть Одессой и поднять в последней*

восстание. Бендерская группа петлюровцев должна переправиться в трех пунктах: 1) Кицканы (район Тирасполя); 2) село Парканы; 3) Суклея (5 верст) южнее Тирасполя). В указанных пунктах якобы имеются перевозочные средства примерно на 300 человек в каждом. Против Дубоссар намечена переправа 200 человек» [11, с. 127-128].

Данные разведки вскоре подтвердились. Хроника событий 19 ноября 1921 г. может быть восстановлена по материалам оперативных сводок, приведенных М.И. Мельтюховым по фондам 25880, 25899, 25900 РГВА, а также сведениям, приведенным Г.О. Аствацатуровым по материалам фондов Государственного архива Одесской области, Национального архива Республики Молдова, РГВА.



И. Пшонник, полковник

На рассвете, в 5 утра, 19 ноября вооруженный отряд численностью 150 человек под командой Иосифа Пшонника пересек Днестр на лодках и частично вброд в районе с. Бычок с пулеметом Кольта. Завязался бой со взводом пограничников поста с. Бычок, которые, потеряв двоих убитыми и троих ранеными, отошли в район с. Токмазея.

Отряд нападавших разделился на две части: одна двинулась в Парканы, а другая в сторону Токмазеи, но была встречена там подошедшими частями 185-го батальона и повернула в сторону Паркан. В поддержку этих групп с румынской стороны в районе с. Парканы переправился еще один отряд в количестве 60–70 человек. Одновременно с этим в Парканах нападавшие получили содействие местных жителей, совместно напали на штаб 18-го кавэскадрона, подразделение связи и хозкоманду, захватили два пулемета Максима и один Шоша. Гарнизон в Парканах насчитывал до 50 человек с 25 винтовками и тремя пулеметами, но красноармейцы были застигнуты врасплох, и 18 из них погибло в ходе нападения. Оттеснив части 184-го погранбатальона, нападавшие при участии местных жителей заняли Парканы и Терновку, вооружились трофейным оружием и собрали в Парканах крестьянский сход, который призвали к восстанию и походу на Тирасполь.

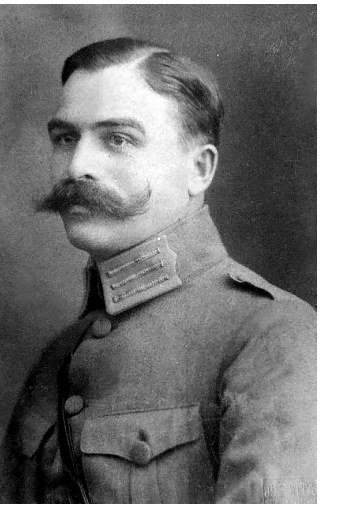
К 9.00 ими уже были заняты западные предместья Тирасполя, а именно Крепостная слободка, территория Тираспольской крепости.

Численность нападавших составляла примерно 150–200 человек (по данным Г.О. Аствацатурова, более 500 крестьян приняли участие в этом налете на Тирасполь, но лишь примерно 100 из них были вооружены). В это время в городе было размещено более 500 вооруженных бойцов при 11 пулеметах, однако советские формирования не имели единого командования. В этих условиях ведущую роль сыграл поднятый по тревоге 2-й батальон 451-го полка. После короткого ожесточенного боя частями 2-го батальона 451-го полка нападавшие были отброшены к Днестру, потеряв много убитыми и ранеными. Во время боя был убит командир 2-го батальона.

К 14.00 от нападавших были освобождены Парканы и Терновка, при отступлении им были оставлены все пулеметы. По имеющимся сведениям, часть ушла разрозненными группами в северном направлении, остальные вечером 19 ноября частично на лодках, поданных с румынской стороны, частично вплавь, бросив на берегу одежду и оружие, переправились на правый берег, некоторые утонули в реке.

В результате боя у Тирасполя и Паркан было взято в плен 15 переправившихся с правого берега участников вооруженного нападения, в их числе два офицера, и арестовано 180 местных жителей.

Национальный состав отряда составляли в основном украинцы, имелась незначительная часть поляков. Во главе отряда – петлюровский полковник Иосиф Пшонник, во главе групп офицеры – выходцы из Тирасполя и с. Плоское В. Емельянов, Г. Батурин, П. Дедученко, Желобаев, М. Пукалов. Группа Г. Батурина отправилась в Плоское для поднятия восстания, а основная часть отряда действовала в Парканах, призвав к содействию местных жителей.



А. Гулый-Гуленко, генерал-хорунжий, командующий Бессарабской (южной) группой войск армии УНР

Потери с советской стороны составили более 20 человек. Только в Парканах были убиты 18 красноармейцев 18-го кавэскадрона, в Бычке – два красноармейца 17-го кавэскадрона.

Несмотря на то, что нападение отряда Иосифа Пшонника, который являлся одним из формирований А. Гулого-Гуленко, было отбито, согласно агентурным сведениям ВУЧК и со слов захваченных петлю-

ровских разведчиков, предполагалась возможность высадки новых отрядов численностью свыше 1200 человек. По данным Одесской губчека, в этот же период основные части А. Гулого-Гуленко пытались соединиться с бандой Семена Заболотного с целью отрезать Бирзульский район от Одессы.

В оперативных сводках подчеркивалось активное содействие переправе румынских военных, в частности офицеров штаба 3-го корпуса Статулеско (по другим документам – Сатулеску) и Мардари (Мардалеску). Румынская сторона оказала поддержку и при переправе на правый берег после поражения, начав стрельбу с целью дать возможность отступавшим пересечь Днестр.

В результате боя были захвачены прокламации на немецком языке с обращениями к немцам-колонистам от имени С. Петлюры, А. Гулого-Гуленко и Поплавского, а также национальные украинские флаги.

Несмотря на то, что нападение было отбито, пришлось принять экстренные меры для усиления охраны границы: пограничные войска ВЧК были заменены на полевые войска Красной армии.

24 ноября 1921 г. председатель Военного Совета Украины направил РВС Киевского военного округа следующее распоряжение: *«Переход петлюровцев в районе Тирасполя имеет громадное значение в области международных отношений, поэтому Военсовет предлагает вам срочным порядком собрать и представить следующие разведывательные сведения:*

1) точное наименование войсковых частей, коим принадлежат перешедшие у Тирасполя с румстороны банды;

2) о содействии, оказанном румынскими погранчастями при переходе банд на нашу территорию и обратном возвращении;

3) каким путем снаряжалась банда на румынской территории и каковы были ее намерения;

4) фамилии взятых в плен офицеров и их показания» [11, с. 132].

Делу о нападении на Тирасполь придавалось большое значение, для его расследования была создана специальная комиссия, которая, рассмотрев представленные материалы Одесской губчека, пограничных войск, частей Красной армии и тираспольского гарнизона, подготовила 3 декабря 1921 г. заключение [11, с. 133–136].

Комиссия пришла к выводу, что нападение было организовано при содействии Румынии, и ее участие в событиях 19 ноября требует тщательного расследования. В качестве рекомендаций комиссия заявила о необходимости наведения порядка в пограничных и

войсковых частях, обеспечения их всем необходимым и доведения их численности до штатных норм. Особо была подчеркнута необходимость привлечения к ответственности тех должностных лиц и командиров, которые не сумели организовать должного противодействия отряду И. Пшонника.

29 ноября 1921 г. правительства РСФСР и УССР направили Румынии ноту, в которой выражали протест и заявляли об ответственности румынского правительства за содействие «бандитским набегам на Украину». В ноте подробно излагались события 19 ноября 1921 г., а также упоминались попытки других формирований проникнуть на территорию левобережья Днестра [19, с. 541–545].

Международное значение этих событий было подчеркнуто также принятой IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1921 г. Декларацией о международном положении РСФСР, в которой отмечалось, что Румыния от переговоров уклоняется и *«в то же время в Румынии, при самом деятельном участии ее властей, формируются и вооружаются белогвардейские банды петлюровцев»*; в ноябре ими *«было произведено вторжение на украинскую территорию у Тирасполя, отбитое красными войсками»*; эти отряды ведут *«новые приготовления на румынской территории»*; Всероссийский съезд Советов обратился к правительствам соседних государств с предостережением, что посягательства на целостность советской территории и безопасность вынудят советские республики дать *«ответ, который может стать роковым для нападающего и его пособников»* [4, с. 606-607, 609]. Ситуация становилась все более напряженной, штабы вооруженных сил получили распоряжение о разработке планов на случай войны с Польшей и Румынией, поддерживавших белогвардейские формирования.

В ходе Генуэзской конференции 10 апреля – 19 мая 1922 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин заявил, что Советская Россия готова подписать договор о ненападении без признания «теперешней оккупации Бессарабии Румынией». Румынская делегация заявила о готовности взять на себя обязательство ненападения на Россию на основе сохранения территориального status quo.

В июне–июле 1923 г. советская и румынская дипломатия обсуждали вопрос о возможности начать переговоры о мерах по недопущению военных инцидентов на Днестре.

10 августа 1923 г. в Тирасполе в здании райисполкома начались переговоры между Советским Союзом и Румынией, с целью выработки мероприятий по устранению конфликтов на демаркационной

линии и по Днестру и разрешения их на месте в случае их возникновения, и продолжались с перерывами до 20 ноября. Советскую военную делегацию возглавлял представитель Генерального штаба Красной армии А. Бобрищев, румынскую – генерал А. Иованович. По окончании заседаний члены румынской делегации переправлялись на правый берег Днестра.

Переговоры завершились подписанием 20 ноября «Положения о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр», фактически оно действовало до 1940 г. [21, с. 512–516]. 30 ноября были подписаны протокол о создании смешанной комиссии по разрешению возникающих конфликтов на Днестре и инструкция о ее деятельности.

В интервью газете «Известия» 9 декабря 1923 г. заместитель наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил, что в ходе переговоров советские дипломаты *«отвергали всякие попытки формулировки, которые хотя бы косвенно могли быть истолкованы как признание нами ныне существующей демаркационной линии в качестве действительной границы между Румынией и СССР»* [6, с. 535-536].

Переговоры в Тирасполе 1923 г. и принятие «Положения о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр» стали определенным рубежом в истории Бессарабского вопроса, шагом на пути от военно-политического противостояния к стабилизации советско-румынских отношений, по сути, правовым оформлением режима временной демаркационной линии на Днестре.

Последствия нападения на Тирасполь в ноябре 1921 г. были трагическими для жителей левобережья. Среди убитых были местные жители, заподозренные нападавшими в поддержке коммунистов: председатель комнезама Минай Соловьев, активист Антон Дубин (с. Бычок), член комнезама Василий Вербанов, комсомолец Петр Николаев (с. Парканы) [5, с. 77]. В воспоминаниях сотрудника Тираспольской УЧК в 1920-1921 гг. М.Д. Мокана «В боях с врагами революции», опубликованных в 1964 г., упоминается о том, что *«22 замученных белогвардейцами красных пограничника были похоронены в Тирасполе в сквере по Покровской улице»* [12, с. 114]. В этих же воспоминаниях отмечено, что, *«не зная устали ни днем, ни ночью»*, чекисты, *«выкорчевывали оставшиеся контрреволюционные гнезда»* [112, с. 114].

Советские власти незамедлительно провели репрессии против тех, кто оказал поддержку нападавшим и принял участие в нападении.

По данным, приведенным М.И. Мельтюховым, в Тирасполе было расстреляно 36 местных жителей, в Парканах – 10, в Бычке – 3. Их имущество подлежало конфискации, а семьи выселению за пределы уезда. 30 человек были заключены в концлагерь, проведены аресты подозреваемых в связях с закордонными организациями [11, с. 135]. Г.О. Аствацатуров привел список 54 подвергшихся репрессиям жителей Паркан, среди этих фамилий Дизовы, Дымовы, Мариновы, Обручковы, Стояновы, Станилевичи и др. Однако, по его мнению, список этот не является полным: по итогам следствия было расстреляно более 100 местных жителей, большинство из них были парканцы [1, с. 46-47]. Участие в «парканском восстании 1921 г.», «кулацком мятеже», «нападении белобандитов», «налете петлюровской банды» послужило поводом, а иногда главным аргументом, для политических репрессий последующих лет.

Есть некоторые сведения и о том, как сложилась судьба организаторов нападения. По оценке ЧК, Иосиф Пшонник принадлежал к двенадцати наиболее опасным повстанческим атаманам, продолжавшим борьбу с советской властью в начале 1920-х гг. После поражения Второго зимнего похода И. Пшонник проживал в Румынии, однако в 1925 г. вернулся на Украину, где был арестован и, несмотря на сотрудничество со следствием и пространные показания, в том числе и о своем участии в нападении на Тирасполь, в Харькове был приговорен к расстрелу; к этому моменту ему было 35 лет [24]. Несмотря на активное сотрудничество с советской властью, в 1930 г. был расстрелян и Ю. Тютюнник. Приговор был вынесен и А. Гулому-Гуленко, однако точных сведений о последних годах его жизни нет.

Ю. Тютюнник, генерал-хорунжий, командующий Волынской группой войск армии УНР

История нападения на Тирасполь в ноябре 1921 г. позволяет более полно представить напряженную обстановку в крае, ставшем объектом притязаний враждующих сторон, сложные перипетии советско-румынских

отношений, обусловленных оккупацией Бессарабии, вооруженное противостояние непримиримых классовых противников на исходе гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аствацатуров Г.О. Очерки истории села Парканы. Ч. 2. Кишинев, 1996.

2. Буторина М.А. Святое место // Днестровская правда. 2004. 30 марта.

3. Гологинков Г. У Днестра. Кишинев, 1966.

4. Декларация о международном положении РСФСР. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

5. Иванова З.М. Левобережные районы Молдавии в 1918–1924 гг. Кишинев, 1979.

6. Интервью заместителя наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова сотруднику газеты «Известия» о состоянии переговоров между СССР и Румынией 9 декабря 1923 г. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/VI.pdf

7. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 1. Тирасполь, 2001.

8. Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919-1920 гг.). Парижская мирная конференция. Тирасполь, 2012.

9. Лейбин А.Г. Тирасполь и Тираспольский уезд в годы гражданской войны. В кн.: Из истории борьбы за власть Советов (1918–1920 гг.). Сборник воспоминаний участников гражданской войны. Кишинев, 1964.

10. Лобанов Е.А. Оставившие след в истории Бендер. Бендеры, 2008.

11. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М., 2010.

12. Мокан М.Д. В боях с врагами революции. В кн.: Из истории борьбы за власть Советов (1918–1920 гг.). Сборник воспоминаний участников гражданской войны. Кишинев, 1964.

13. Новохатский М.И. Путь в легенду. Очерк жизни Г.И. Котовского. Кишинев, 1976.

14. Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР и Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел УССР министру иностранных дел Румынии Ионеску. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

15. Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР и Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел УССР министру иностранных дел Румынии Ионеску. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

16. Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР и Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел УССР министру иностранных дел Румынии Ионеску. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

17. Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР и Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел УССР министру иностранных дел Румынии Ионеску. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

18. Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР министру иностранных дел Румынии Ионеску. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

19. Нота Правительств РСФСР и УССР Правительству Румынии. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

20. Полушин В.Л. Тирасполь на грани столетий. Тирасполь, 1996.

21. Положение о мерах и средствах, имеющих целью предупреждение и разрешение конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/VI.pdf

22. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

23. Телеграмма народного комиссара иностранных дел РСФСР председателю российско-украинской делегации в смешанной российско-украинско-румынской комиссии по Днестровскому лиману В.И. Яковлеву в Одессу. В кн.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. Режим доступа: http://dvp.sssr.su/IV.pdf

24. Файзулин Я. Йосип Пшонник: чекістська спецоперація // На скрижалях. Режим доступа: https://na-skryzhalyah.blogspot.com/2016/06/blog-post_19.html

Раздел II.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 271.2(478)

Л.В. МУНТЯН
В.А. СОДОЛЬ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ БЕССАРАБИИ И ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Аннотация. Первая мировая война активизировала патриотическую деятельность духовенства и верующих Бессарабии и Приднестровья, выражавшуюся прежде всего в проведении ряда благотворительных акций и мероприятий. В статье также рассматриваются вопросы демократизации жизни епархий Кишиневской и Хотинской, а также Одесской и Херсонской, обусловленные буржуазно-демократической революцией в России. Затронута проблема аннексии епархии Кишиневской и Хотинской Румынской православной церковью в 1918 г.

Ключевые слова: Кишиневская и Хотинская епархия, Одесская и Херсонская епархия, Русская православная церковь, Румынская православная церковь, Первая мировая война.

Сто лет тому назад завершилась Первая мировая война, вовлекшая в свой круговорот более трех десятков государств, унесшая более 10 млн человеческих жизней, изменившая судьбы десятков миллионов человек и кардинально перестроившая конфигурацию сил на политической карте мира. Несмотря на то, что хрестоматийные события глобального противостояния ведущих держав планеты разворачивались на театрах действий, отстоявших на сотни и тысячи километров от Пруто-Днестровского региона, тем не менее его население стало достаточно активным их участником. Невиданный ранее размах военных действий, колоссальное число погибших и раненых солдат, другие тяжкие последствия войны, а также революционные события 1917 г. повлекли за собой не только существен-

Платон (Рождественский), архиепископ Кишиневский и Хотинский

ную перестройку религиозной сферы жизни общества (т.н. «церковную революцию») [2, с. 34], но и серьезные изменения политической и экономической систем на территории канувшей в Лету Российской империи. В связи с этим, представляется целесообразным проследить, какие изменения произошли в церковной жизни мирян и духовенства, статусе институтов РПЦ на Юго-Западе России в ходе Первой мировой войны.

Вступление Российской империи в войну было близко к сердцу воспринято духовенством Пруто-Днестровского региона России. В частности, уже днем 21 июля 1914 г. (все даты по юлианскому календарю – **В. С.**) на Соборной площади Кишинева архиепископ Платон (Рождественский) огласил Манифест Николая II о войне с Германией и совершил там же перед Гербовецкой иконой Божией Матери всенародное молебствие о даровании побед российской армии [9, с. 1325, 1326].

Фактически с первых дней мобилизации священники Бессарабии и Приднестровья приступили к особому духовному окормлению солдат, призванных в действующую армию. Они исповедовали воинов, осуществляли их приобщение Св. Тайн, совершали торжественные молебствия, благословляли бойцов на войну крестиками и иконками, а грамотных – и Евангелием. В воскресные и праздничные дни священники возносили на ектениях молитвы с упоминанием имен отбывших из прихода воинов о даровании здоровья и победы, а о павших воинах – заупокойные поименные моления [36, с. 333].

В целях оказания содействия действующей армии, семьям мобилизованных, раненым солдатам и гражданским властям первоиерархи выступили с инициативами создания временных (на период войны) специальных организаций духовенства. Первым таким органом в Кишиневской епархии стал духовный комитет (далее – БДК), созданный по распоряжению и под председательством архиепископа Платона [36, с. 335]. К его задачам были отнесены оказание помощи воинам действующей армии и оставшимся в Бессарабии их

Г.И. Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства

семьям. Важную роль в формировании благотворительных организаций духовенства сыграл состоявшийся 31 июля 1914 г. Съезд благочинных и наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии. Для удовлетворения духовно-нравственных потребностей больных и раненых воинов его участники сформировали духовный отряд (далее – ДО), в который предполагалось направить по одному священнику или иеромонаху от каждого церковного округа епархии [37, с. 1334]. Спустя две недели 30 священнослужителей – членов ДО приехали в Кишинев. Почти каждый из них имел при себе дароносицу с запасными дарами, облачения, служебник, молитвенник, требник, Евангелие, крест и кадильницу. Некоторым из них выдавались антиминсы [37, с. 1334]. Для членов ДО были организованы десятидневные курсы по санитарии и оказанию первой помощи раненым [8, с. 1377], после чего по согласованию с протопресвитером военного и морского духовенства Г.И. Шавельским они были направлены в Вильно, Брест, Пинск, Бердичев [19, с. 1462, 1498, 1499].

Важным направлением деятельности духовенства края в условиях начавшейся войны стало оказание духовной и материальной поддержки воинам действующей армии, удовлетворение их религиозных потребностей. Активную работу в этом направлении проводили Одесское епархиальное Свято-Андреевское братство и Попечительный Совет при Одесском епархиальном доме. Они издавали и приобретали на средства Братства молитвенники для воинов, Новый Завет на русском языке, разного рода брошюры и листки, пересылая их для бесплатной раздачи воинам в армии, лазаретах и казармах [23, с. 8].

Важным направлением деятельности духовенства обеих епархий стал сбор пожертвований на военные нужды. Так, согласно отчетам БДК и нашим подсчетам, только за период с июля по ноябрь 1914 г. включительно на эти нужды поступило 120 536 руб. 11 коп. [27, с. 1402; 3, с. 370–372; 28, с. 419; 29, с. 15–23]. Из собранных

средств БДК ежемесячно отправлял в Бессарабское земство 3 тыс. руб. на содержание питательного пункта в г. Броды и снабжал местную Гербовецкую общину Красного Креста необходимым бельем для больных и раненых [18, с. 532-533]. Знаменательным событием для всей Кишиневской епархии стало посещение г. Бендеры императорской семьей, состоявшееся 9 мая 1916 г. Тогда же от имени бессарабского духовенства архиепископ Анастасий (Грибановский) преподнес на военные нужды Николаю II и его супруге 25 тыс. руб., а наследнику великому князю Алексею и великим княжнам Ольге и Татьяне – по 5 тыс. руб. [14, с. 473].

Анастасий (Грибановский), архиепископ Кишиневский и Хотинский

В Херсонской и Одесской епархии сбор пожертвований осуществлялся при Обществе дам духовного звания. Только за первые месяцы военных действий пожертвования деньгами составили 40 тыс. руб., а вещами – несколько десятков тысяч рублей [23, с. 6].

Помимо сбора денежных пожертвований, организации духовенства осуществляли заготовки нательного белья, верхней одежды, швейных материалов, продуктов питания и прочего, требовавшегося фронту [12, с. 375; 6, с. 407-408].

Примечательно, что духовенство Кишиневской епархии не удовлетворялось одной лишь пассивной ролью сборщика и распределителя пожертвований. Важным мероприятием, предпринятым руководством епархии, стала организация Бессарабского трудового братства в целях «приготовления теплого белья и нужных вещей для воинов в холодное время». В 1915 г. оно насчитывало более 90 человек, в том числе 10 послушников монастырей. За несколько месяцев деятельности мастеровыми Братства было изготовлено: для лазарета бессарабского духовенства – 200 простынь, 200 наволочек, 50 халатов и 30 полотняных мешочков; для воинов действующей армии 1 500 рубах, 1 6350 кальсон, 917 жилетов байковых и 825 жилетов меховых; для детей запасных роздано на детском празднике 100 рубах и 100 пар кальсон для мальчиков [18, с. 538].

Поступавшие на склад Комитета вещи складывались в узелки для каждого воина отдельно. Они включали в себя, как правило, рубаху, кальсоны, полотенце, портянки или чулки, носовой платок, Евангелие, молитвенник и крестик. Среди адресатов подобных посылок значились 59-й Люблинский полк, 253-й Перекопский полк, перевязочный Проскуровский пункт, 255-й Аккерманский полк, 16-я отдельная саперная рота, Новогеоргиевская крепостная воздухоплавательная рота, 4-я стрелковая железная бригада, 64-я артиллерийская бригада и другие воинские части [22, с. 405-406]. Следует отметить, что подобные посылки всегда находили добрый отклик среди военных. Нередкими были телеграммы, в которых офицеры от имени своих солдат благодарили духовенство края за проявленную заботу. Например, 24 ноября из Больберау Лифляндской губернии полковник Александров телеграфировал: *«Глубоко тронут вашими заботами, Владыка, о нижних чинах вверенного мне полка; приношу Вам искреннюю благодарность за присылку теплых вещей»* [10, с. 1864].

Здание Кишиневской духовной семинарии

Еще одним направлением благотворительной деятельности духовенства Кишиневской и Одесской епархий стало создание лазаретов для раненых. 31 июля съезд благочинных постановил открыть в помещениях духовно-учебных заведений Кишинева два лазарета на 100 коек [5, с. 354-355]. Весной 1915 г., когда резко возрос поток раненых, руководство епархии провело значительную работу по организации дополнительных лечебных учреждений. Так, 25 мая 1915 г. архиепископ Платон совершил освящение двух новых лазаретов: одного – для 300 больных и раненых воинов в здании духовной семинарии, и другого – на 400 коек в здании Кишиневского мужского духовного училища [13, с. 578-579]. В середине 1916 г., по ука-

занию управления Красного Креста расширить существующие лазареты, в Бессарабском духовном лазарете помимо имевшихся 100 больных были размещены еще 50 раненых [15, с. 528]. На территории архиепископии Херсонской и Одесской лазареты на 100 коек открывались в помещениях монастырских больниц и школ-приютов, а из братий и сестричеств формировались санитарные отряды в 20–25 человек для ухода за больными и ранеными [1, с. 218].

Новым благотворительным начинанием архиепископа Платона было создание в Кишиневе приюта-мастерской для воинов-инвалидов, главной целью которого стало обучение последних различным ремеслам с тем, чтобы они оставались полноправными членами общества [35, с. 927-928]. В создании такого приюта на 50 мест бессарабскому духовенству оказали содействие представители кишиневского самоуправления, предоставившие городское помещение, специально оборудованное для этой цели [11, с. 524-525].

Делом огромной важности, сплотившим в едином порыве все население Бессарабии без различия вероисповедания, национальности, социального положения, стала организация Бессарабского сиротского приюта (далее – БСП). Впервые идею создать приют для детей воинов, погибших на войне, высказал архиепископ Платон на заседании БДК 12 января 1915 г. На следующий же день состоялось собрание настоятелей монастырей, которые единогласно решили: вместо распределения сирот по женским скитам *«... принять посильное материальное участие в постройке в г. Кишиневе ... бессарабского общеепархиального сиротского приюта, который был бы не только памятником патриотизма бессарабского духовенства, но и любвеобильного и здравого отношения его к народным нуждам»* [12, с. 136-137]. До конца года жители Бессарабской губернии пожертвовали 100 663 руб. 38 коп., а к середине 1916 г. общая сумма пожертвований, согласно опубликованным данным и нашим подсчетам, составила 256 454 руб. 39 коп. [31, с. 23–48; 24, с. 1–14; 25, с. 1–8; 26, с. 9–23; 32, с. 1–16; 33, с. 1–16]. Поскольку проблема призрения сирот в крае стояла весьма остро, первоначально было принято решение открыть для них в Кишиневе временный приют, а в следующем году, уже при новом руководителе епархии, архиепископе Анастасии, для приюта были сняты еще несколько помещений, в том числе – под больницу. 8 июля 1916 г. в главном здании приюта была открыта церковь, освященная владыкой Анастасием в честь Казанской иконы Божией Матери [30, с. 5]. За первый год существования БСП в нем содержалось 435 детей [30, с. 11-12].

Назарий (Кириллов), архиепископ Херсонский и Одесский

Отречение Николая II от престола и последовавший за ним манифест великого князя Михаила Александровича вызвали в среде православного духовенства вопросы о месте Церкви в новых политических реалиях России, о необходимости внесения изменений в порядок церковной жизни. Утратив прежнюю опору в лице самодержавия, региональные институты РПЦ стремились найти нового покровителя в лице Временного правительства и его представителей на местах. Как известно, 6 марта 1917 г. Синод опубликовал послание, в котором призвал «верных чад православной церкви» поддерживать Временное правительство. Спустя два дня на общем собрании законоучителей г. Одесса под председательством архиепископа Назария (Кириллова) было принято решение *«по чувству пастырского долга и велениям совести, подчиниться беспрекословно Временному правительству, возносить за него в установленной Св. Синодом форме молитвы, к тому убеждать и своих прихожан»*, а также принять участие в выборах депутатов в городской общественный комитет, правительственно-административные функции которого должны были распространяться и на церковную жизнь [7, с. 44]. Аналогичное положение сложилось и в Бессарабии, где 21, 22 и 23 марта городское духовенство приводило население к присяге Временному правительству [16, с. 311]. Поддержав таким образом Временное правительство, РПЦ обоснованно ожидала от последнего установления для себя определенных преференций: *«Свое доброжелательное отношение к православной церкви государство выражает в ограждении ее от притеснений всякого рода, кощунственных оскорблений, в материальной помощи иерархии, клиру, ее благотворительным, просветительным и молитвенным учреждениям»* [20, с. 315]. Как известно, Временное правительство, своим декретом от 14 июля 1917 г. «О свободе совести» провозгласившее свободу выбора гражданами вероисповедания, свободу деятельности всех религиозных конфессий, за исключением изуверских сект, сделало реверанс в сторону

Арсений (Стадницкий), архиепископ Новгородский и Старорусский

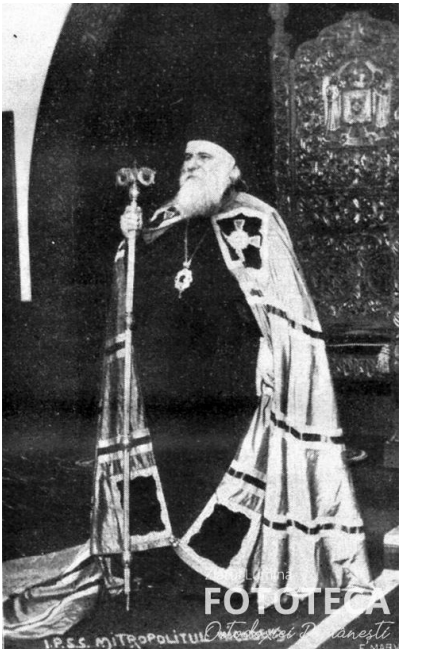
РПЦ, сохраняя за ней первенствующее положение и не допуская отделения ее от государства [17, с. 642].

Между тем, на проходивших в нашем регионе епархиальных съездах делегаты активно обсуждали насущные проблемы самой Церкви, искали причины, их породившие, и предлагали пути выхода из кризиса. Так, выступивший на епархиальном съезде в Одессе в апреле 1917 г. комиссар по духовным делам, профессор церковного права А.И. Покровский представил обстоятельный историко-публицистический доклад о положении Православной церкви в России, в котором подробно остановился на таких явлениях как византизм и цезарепапизм, охарактеризовал рост церковного бюрократизма, централизма и клерикализма, отметил антагонизм черного и белого духовенства, сожалел об упадке соборного начала [39, с. 86]. Таким образом, в РПЦ весной проявилась своеобразная революционная ситуация, которую высшее церковное руководство незамедлительно стало разрешать. В апреле 1917 г. специально созданная комиссия Синода под председательством уроженца Бессарабии, архиепископа Новгородского Арсения (Стадницкого) разработала определение «О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении», которое оговаривало случаи, когда прихожане могли выбирать священника [2, с. 38]. Разрешалось даже созывать чрезвычайные епархиальные съезды духовенства для обсуждения в т.ч. и общих вопросов о положении Православной церкви в государстве. По мнению профессора С.Л. Фирсова, *«это был предел, больше прав православное духовенство и миряне не имели никогда»* [38, с. 503-504].

Положение церковных институтов в обществе и государстве серьезно изменилось в результате прихода к власти в стране большевиков и их союзников левых эсеров. Принятый СНК РСФСР 20 января 1918 г. декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», предусматривавший уравнение РПЦ в правах с другими религиозными объединениями, превращение ее в частное общество,

образованное на добровольных началах для удовлетворения религиозных потребностей его членов и содержащееся за их счет, поставил Русскую православную церковь перед необходимостью адаптации к принципиально иным условиям существования, чем те, в которых она находилась ранее. Духовенство отмечало, что советские декреты *«разрушительно действуют на веру Христову, церковь православную и ее установившийся вековой строй»* [40, с. 17]. В своем послании, последовавшем после принятия этих декретов, патриарх Тихон (Белавин) отмечал: *«Гонение жесточайшее воздвигнуто и на святую церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению, ... или ограблению и кощунственному оскорблению; чтимые верующим народом обители святые захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства церкви православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это – народное достояние ...»* [34, с. 14-15].

Ослабление Российского государства вследствие тягот Первой мировой войны и острейшего внутриполитического кризиса создало благоприятные условия для агрессии извне. Как известно, в начале 1918 г. с согласия держав Антанты Бессарабия была занята румынскими войсками. Уже в январе–феврале 1918 г. бессарабское духовенство вместе с земством приняло участие в создании патриотического Комитета освобождения Бессарабии, а глава Кишиневской епархии архиепископ Анастасий осудил акт оккупации. Тем не менее, в апреле 1918 г. митрополит Молдавский и Сучавский Пимен (Джорджеску) телеграммой уведомил патриарха Московского и всея Руси Тихона (Белавина) о том, что *«вследствие состоявшегося политического присоединения Бессарабии к Румынии местная церковь введена в подчинение Румынской православной церкви»* [4, с. 21]. В своем ответе патриарх Тихон предложил рассмотреть вопрос о юрисдикции над Кишиневской епархией посредством канонических сношений между Русской и Румынской православными церквами (далее – РумПЦ) при участии клира и церковного народа Кишиневской епархии. Однако митрополит Пимен и Священный



Никодим (Мунтяну), митрополит Молдавский и Сучавский

Синод Румынской православной церкви прервали всякие сношения с патриархом Тихоном и административным путем установили свою власть над Кишиневской епархией [4, с. 21]. При этом румынский Синод предъявил архиепископу Анастасию и епископам Гавриилу (Чепуру) и Дионисию (Сосновскому) требования отложиться от РПЦ. Одновременно владыке Анастасию было обещано место в румынском Синоде. Поскольку все эти иерархи отказались сделать требуемое, военные власти выслали их за Днестр [41, с. 141]. Румынское духовенство при этом заявило, что архиепископ Анастасий добровольно покинул епархию. В отсутствие готовых служить Бухаресту местных иерархов во главе Кишиневской епархии был поставлен знающий русский язык епископ Хушский Никодим (Мунтяну) [42, с. 65]. После этого патриарх Тихон в октябре 1918 г. направил Синоду РумПЦ послание, в котором с канонической точки зрения обосновал неправомерность его [Синода] деяния в отношении Кишиневской епархии, заявив в заключение, что если румынская церковь не сойдет с опасного пути и «*попытается насильственно закрепить за собой положение, занятое ею ныне в Бессарабии, то мы ... вынуждены будем прервать всякое братское и каноническое общение ... и перенести настоящее дело на суд других православных церквей*» [4, с. 21]. Однако, как известно, Синод РумПЦ не изменил своей позиции, а неблагоприятная обстановка, сложившаяся в государственно-церковных отношениях внутри России, не позволила патриарху Тихону осуществить защиту целостности своей Церкви.

Таким образом, в период Первой мировой войны церковные институты и духовенство Бессарабии и Приднестровья претерпели важные изменения. В связи с началом Первой мировой войны, весомая роль в мобилизации населения Бессарабии и приднестровских

уездов Херсонской и Подольской губерний для оказания помощи солдатам на фронте и их семьям в тылу принадлежала православному духовенству края. Оно создавало многочисленные благотворительные организации как в епархиальных центрах, так и в благочиниях и приходах. Эти организации активно занимались сбором пожертвований и эффективно ими распоряжались. Помимо оказания материальной поддержки воинам действующей армии и их семьям на территории как Кишиневской и Хотинской, так и Одесской и Херсонской епархий, духовенство края постоянно удовлетворяло и растущие духовные и религиозные потребности штатских и армейских верующих. Революционные события 1917 г. вызвали широкую демократизацию церковных институтов, что благоприятно сказалось на активности низовых звеньев церковной иерархии, прежде всего приходского духовенства. Однако, в связи с ослаблением центральной власти в государстве, оказалась ослаблена и Церковь, чем не преминула воспользоваться Румыния, отторгнув часть канонической территории РПЦ – Кишиневскую и Хотинскую епархию. Тем самым были заложены основы длительного противостояния между Русской и Румынской православными церквами, оказавшего свое воздействие и на события гражданской истории края в XX столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипастырское обращение к пастырям церкви Херсоно-Одесской // Херсонские епархиальные ведомости (ХЕВ). 1914. № 15.

2. Беглов А. Российская революция и Священный Собор православной российской церкви 1917-1918 гг.: от «церковной революции» к «канонической реставрации» // Христианос. Вып. XXVI. Рига, 2017.

3. Благочинный 5 округа Хотинского уезда // Кишиневские епархиальные ведомости (КЕВ). 1914. № 37.

4. Восстановить единство. Позиция Русской православной церкви по вопросу «Бессарабской митрополии». Документы и материалы. Кишинев, 2012.

5. Высочайшая благодарность // КЕВ. 1914. № 34-35.

6. Гума В. Дорогие братья бессарабцы! // КЕВ. 1914. № 44.

7. Духовенство г. Одессы в связи с переживаемыми событиями // ХЕВ. 1917. № 6.

8. Духовный отряд у Архиепископа Платона // КЕВ. 1914. № 34-35.

9. Епархиальная хроника // КЕВ. 1914. № 31.

10. Епархиальная хроника // КЕВ. 1914. № 48.

11. Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 19-20.
12. Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 4.
13. Епархиальная хроника // КЕВ. 1915. № 21-22.
14. Епархиальная хроника // КЕВ. 1916. № 24.
15. Епархиальная хроника // КЕВ. 1916. № 27-28.
16. Епархиальная хроника // КЕВ. 1917. № 17.
17. История России XIX – начала XX вв. М., 2000.
18. Кишиневская епархия в деле учреждений духовного ведомства по оказанию помощи раненым и больным воинам и их семействам // КЕВ. 1915. № 21-22.
19. Мошняга Н. Пребывание Бессарабского духовного отряда в Кишиневе и отъезд его к местам назначения // КЕВ. 1914. № 37.
20. Одесса. Епархиальный съезд // КЕВ. 1917. № 17.
21. От Духовного комитета // КЕВ. 1914. № 38.
22. От Херсонской духовной консистории // ХЕВ. 1914. № 22.
23. От Херсонской духовной консистории // ХЕВ. 1915. № 1.
24. Отчет Духовного комитета по приходу денежных пожертвований на сиротский приют // КЕВ. 1916. № 26.
25. Отчет духовного комитета по приходу денежных пожертвований на сиротский приют // КЕВ. 1916. № 27-28.
26. Отчет духовного комитета по приходу денежных пожертвований на сиротский приют // КЕВ. 1916. № 29.
27. Отчет духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ. 1914. № 34-35.
28. Отчет духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ. 1914. № 46.
29. Отчет духовного комитета по приходу и расходу пожертвований на военные нужды // КЕВ. 1915. № 3.
30. Отчет о состоянии Бессарабского сиротского приюта для детей-сирот воинов-героев второй отечественной войны за 1916 год (1-й год существования) // КЕВ. 1917. № 18-19.
31. Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ. 1916. № 13.
32. Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ. 1916. № 45.
33. Отчет по сбору пожертвований на Бессарабский сиротский приют // КЕВ. 1916. № 52.
34. Послание патриарха // ХЕВ. 1918. № 2-3.
35. Руссо А. Для увечных воинов // КЕВ. 1915. № 36.
36. Согласно распоряжению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Архиепископа Платона, Кишиневская духовная консистория к неукоснительному исполнению предлагает духовенству Бессарабской епархии нижеследующее // КЕВ. 1914. № 29-30.

37. Съезд о.о. благочинных и наблюдателей церковных школ Кишиневской епархии 31 июля 1914 года // КЕВ. 1914. № 32-33.

38. Фирсов С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002.

39. Церковные известия // ХЕВ. 1917. № 9.

40. Церковь и большевики // ХЕВ. 1918. № 2-3.

41. Шорников П.М. Бессарабский фронт. Кишинев, 2010.

42. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Тирасполь, 2018.

УДК 271.2(47+478) “1914/1918”

Л.П. АЛФЕРЬЕВА
(г. Тирасполь)

С КРЕСТОМ И МОЛИТВОЙ: УЧАСТИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: Статья посвящена характеристике деятельности русского военного духовенства, освещению его роли в поднятии боевого духа российского воинства в период Первой мировой войны. Рассмотрена предыстория организации института военных священников и их деятельности в Российской армии, дана характеристика организационной структуры этой категории духовенства и выполняемым ею обязанностям. Особое внимание сконцентрировано на участии российского православного военного духовенства в операциях Первой мировой войны, приведены описания подвигов наиболее заслуженных его представителей. Подробно раскрыты биографии и эпизоды участия в боевых действиях Первой мировой войны священнослужителей – уроженцев Приднестровья или когда-либо служивших в местных храмах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кишиневская епархия, протопресвитер, военное духовенство, полковой священник, морской священник, госпитальный священник.

Когда речь заходит о Первой мировой войне, чаще всего вспоминаются различные военные операции или биографии военачальников Русской Императорской армии. Однако среди тех, кто вел русских солдат к победам либо помогал преодолеть горечь поражений, обязательно следует упомянуть военных священников. На войне не только стреляют, но и спасают других. Неоценим подвиг врачей в рядах Русской армии. Что касается священнослужителей, которые всецело разделяли с солдатами и офицерами тяготы боевых действий, то о них известно гораздо меньше. При этом многие представители военного духовенства были неоднократно отмечены государственными наградами, некоторые из них получили боевые ранения, были и те, кто попал в плен либо пал смертью храбрых.

Прежде чем приступить к рассказу об участии священников в боевых действиях в 1914–1918 гг., необходимо совершить небольшой экскурс в историю русского военного духовенства в целом и осветить его роль в поднятии боевого духа российского воинства.

С момента рождения регулярной Русской армии о духовном здоровье ее воинов заботились военные священники. Они постоянно находились со своим полком. И когда священная обязанность ставила их лицом к лицу со смертельной опасностью, представители духовенства находили в себе достаточно душевных сил, чтобы быть на высоте своего ответственного служения, смело смотреть в лицо смерти на поле битвы, ободрять слабых и утешать умирающих. Вооруженные только твердой верой, со святым крестом в руке, военные пастыри шли против врагов в моменты чрезвычайной опасности, в критические минуты упорного боя силой своего воодушевления увлекали за собой к победе и славе дрогнувших. По церковным канонам, священнику не подобает держать в руках оружия, но он может держать над собой крест и вести за ним, как за знаменем, русское воинство.

На первое место среди многих задач, решаемых военным духовенством, выступало стремление сделать русского воина человеком, исполняющим свои обязанности не из-за страха угроз и наказания, а по совести и глубокому убеждению в святости своего долга. Священники заботились о воспитании в войсках духа веры и воинской дисциплины, терпения, мужества и самопожертвования.

РПЦ поддерживала русских воинов в самые тяжкие мгновения, она внушала им геройское самоотвержение и презрение к опасностям. Поэтому каждый командир части старался поддерживать высокие религиозные чувства, требовал от подчиненных строгого выполнения всех обрядов Церкви и сам подавал в том пример.

Военные священники в армии и на флоте были особой группой людей, обладавших непререкаемым авторитетом и уважением. В утвержденном в 1890 г. «Положении об управлении церквами и духовенством военного ведомства» одна из статей гласила: *«Военные священники, по долгу своего звания, обязаны вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным»* [16].

Согласно штатному расписанию, на полк или корабль полагался один священник, а всего в мирное время в ведомстве военного протопресвитера (главного священника Русской Императорской армии и флота – **Л. А.**) состояло 730 священников и 150 диаконов [13].

Когда началась Первая мировая война, помимо ранее имевшихся воинских подразделений, было сформировано значительное количество новых. Соответственно, возникла необходимость пополнить

Богослужение в походной церкви *(из коллекции Л.П. Алферьевой)*

штат военного духовенства. В соответствии с мобилизационным расписанием, на фронт в том числе направлялись священнослужители из епархий. К середине 1915 г. численность военного духовенства дошла до 1800 священников [3, с. 347]. На начало 1918 г. в действующей армии находилось около 700 священно- и церковнослужителей постоянного состава и около 3000 священников, призванных из епархий [36].

Каким образом происходило назначение приходских священников в боевые части или в военные лазареты? В качестве примера рассмотрим Кишиневскую епархию.

Архиепископ Кишиневский и Хотинский Платон (Рождественский) после начала Первой мировой войны учредил духовный отряд из священников епархии, *«по одному от округа, для выполнения пастырских обязанностей в тех местах военных действий, где штатных военных священников нет и где, по этой причине, весьма нередко, как показал опыт прошлого, приходится доблестным защитникам Родины оставлять сей бренный мир даже без исполнения обязательного христианского долга – Исповеди и св. Причащения, не говоря уже об утолении душеспасительными беседами и соответствующими наставлениями духовного голода, во время передвижений и более или менее продолжительных стоянок»* [19, с. 1375–1379].

О том, как осуществлялся отбор духовенства в действующую армию и в духовные отряды, можно судить на основании слов последнего протопресвитера Русской Императорской армии и флота Георгия Шавельского. *«Если служение священника вообще высоко и трудно,* – отмечал он, – *то на войне оно еще выше и труднее. ... Обстановка боевого времени сурова, жизнь на войне сопряжена с большими физическими лишениями и нравственными страданиями, для перенесения которых у священника должно быть много сил и бодрости. Престарелым и болезненным – не место тут. Паства на войне более, чем в другое время, ... нуждается в живом и вдохновенно мощном и действенном слове, в примере высоком и увлекающем; священник, раз он прибыл на войну, должен внести свою ценную лепту в великое дело воспитания доброго духа армии, подготовления ее к победе. Сильные словом и делом пастыри нужны на войне»* [43, с. 104-105].

После начала боевых действий для военного духовенства была разработана и принята инструкция, которая твердо определяла место и род занятий всем разновидностям священников – полковому, госпитальному, судовому. К примеру, полковому и бригадно-артиллерийскому было указано, что их место во время боя – передовой перевязочный пункт, а ни в коем случае не тыл. Однако, если потребует обстановка, священник был обязан пойти даже в окопы первой линии.

Помимо общеизвестных обязанностей – совершения богослужений, напутствий, погребений, наставлений и ободрений, проведения с солдатами бесед духовно-нравственного содержания, руководства полковой или судовой церковью (в том числе походной), инструкция возлагала на священников и ряд обязанностей, о которых не помышляли их предшественники. В частности, строевому священнику было вменено в обязанность помогать врачам в перевязке раненых, руководить уборкой с поля боя убитых и раненых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, писать обстоятельные извещения родственникам убитых, организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов, развивать походные библиотеки. Госпитальный священник был обязан возможно чаще совершать богослужения для больных, ежедневно обходить палаты, беседовать, утешать, писать письма от больных на родину, извещать родственников умерших, погребать покойников с возможно большей торжественностью, заботиться о кладбищах, устраивать госпитальные библиотеки и т.д. Помимо всего, священ-

ники собирали для докладов протопресвитеру сведения о подвигах воинов, врачей и священнослужителей.

Необходимо особо отметить еще одну важнейшую обязанность всех строевых священников – приведение к присяге. В Русской Императорской армии и флоте солдат приводили к присяге обязательно духовные лица одного с ними вероисповедания [41].

Хотя солдаты и офицеры полка старались уберечь священника в бою, тот всегда оставался со своей паствой. Зачастую он с помощью одного креста поднимал солдат в бой и вместе с ними кидался в самую гущу врагов. Один из замечательных русских полководцев генерал А.А. Брусилов, вспоминая о тяжелых боях Русской армии на австрийском фронте 1915 г., так писал о военных священниках: *«В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастерок мелькали черные фигуры – полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой»* [17].

В Первую мировую войну убитых, пропавших без вести и умерших от ран священников, было около 40, а раненых и контуженых – более 400. Более сотни попали в плен, но и там они продолжали исполнять свои пастырские обязанности. По состоянию на 1 августа 1918 г., в германском плену томилось 36 военных священников, а еще полтора десятка были разбросаны по австро-венгерским лагерям для военнопленных [6, с. 406]. Пленение священника свидетельствовало, что он находился на своем посту, а не в тылу, где не угрожает опасность.

В связи с многочисленными случаями проявления героизма полковыми священниками, еще с 1797 г. Высочайшим Указом представителей военного духовенства за особые заслуги стали награждать орденами св. Анны, св. Владимира, св. Георгия и золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте. При этом две последние награды давались только за боевые заслуги. Примечательно, что представления на награждения проходили не по епархиальному, а по военному ведомству.

Необходимо особо подчеркнуть следующее. За все время существования Георгиевского креста, от императрицы Екатерины II до Первой мировой войны, данной награды было удостоено всего четверо священников, а во время этой войны – 14. Каждый из них совершил какой-либо исключительный подвиг. Кроме того, более 100 священников были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте, которые вручались также за боевые заслуги [13].

Подвиги духовенства во время сражений отмечались наградами в тех случаях, когда священник напутствовал и причащал раненых воинов, благословлял их на поле боя с большим риском для жизни, выполнял определенную военную задачу (например, спасал знамя полка), помогал медицинской службе, выносил раненых из-под обстрела и т.п. Не раз военные священники, особенно после гибели офицеров, брали на себя несвойственную им роль военного руководителя и поднимали роты, батальоны и полки в победные атаки, шли впереди солдат в бой со Святым Крестом в руке, самим своим присутствием и спокойствием поднимали дух и способствовали выполнению боевых задач. Некоторые священники погибали во время совершения треб и проповеди на передовых позициях. Нелегким и опасным было также и служение пастырей на перевязочных пунктах и в госпиталях [17].

Как видим, представление о подвигах военного духовенства не должно сводиться только к стереотипу, что священнослужители в случае необходимости вели воинов в атаку. Следует отметить, что военный протопресвитер Георгий Шавельский был против того, чтобы вводить подобный подвиг в обязанность, ибо это превратило бы служение пастыря в воинское служение. Однако патриотический подъем был столь велик, что таких случаев было немало.

Священник впереди атакующей части *(из коллекции Л.П. Алферьевой)*

За четырехлетний период Первой мировой войны 2 500 священников были отмечены наградами Российской империи за проявленные ими героизм и отвагу на полях сражений.

До марта 1917 г. военные священники получили: орденов св. Анны 1-й степени с мечами (все ордена с мечами давались только за боевые заслуги – **Л. А.**) и без мечей – около 10, 2-й степени с мечами – более 300, без мечей – более 200, 3-й степени с мечами – более 300, без мечей – около 500; св. Владимира 3-й степени с мечами – более 20, без мечей – около 20, 4-й степени с мечами – более 150, без мечей – около 100. Орденом св. Георгия с начала XIX в. по март 1917 г. были награждены 16 человек. Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте получили с 1914 г. по март 1917 г. 244 человека. Около 10 священнослужителей были награждены орденом св. Георгия и солдатским Георгиевским крестом с марта 1917 г. по март 1918 г. [38].

Среди священнослужителей, которые приняли участие в Первой мировой войне и отличились на полях сражений, были также и священники приднестровского края. О некоторых из них хотелось бы рассказать отдельно.

Протоиерей Феодор Муравьев с декабря 1913 г. по 1917 г. выполнял обязанности священника 8-го драгунского Астраханского полка и, кроме того, был благочинным 8-й кавалерийской дивизии [28, л. 143 (об.), 144]. В ходе военных действий он был трижды ранен, последний раз – с потерей кисти правой руки. Один раз после получения ранения остался в строю до конца [15, с. 343-344]. За свою доблесть о. Феодор был удостоен ордена св. Анны 2-й степени с мечами, а орден св. Анны 3-й степени он получил ранее, за участие в боевых действиях против японцев [7, с. 616].

Военный священник 42-го пехотного Якутского полка и благочинный 11-й пехотной дивизии Захария Ендасов ранее, с 8 августа 1900 г. до 1910 г., служил настоятелем Бендерской крепостной Александро-Невской церкви [35, л. 2 (об.)]. На фронте за короткое время в 1915 г. его удостоили следующих высоких наград: ордена св. Анны 2-й степени с мечами, ордена св. Владимира 4-й степени с мечами и золотого наперсного креста на Георгиевской ленте [15, с. 224].

В Александро-Невской крепостной церкви о. Захарию сменил священник Виктор Кашубский, который был там настоятелем в 1911–1913 гг. В декабре 1913 г. его перевели в 42-ю артиллерийскую бригаду, в составе которой он принимал участие в Первой мировой войне. В 1915-1916 гг. о. Виктор был удостоен золотого наперсного

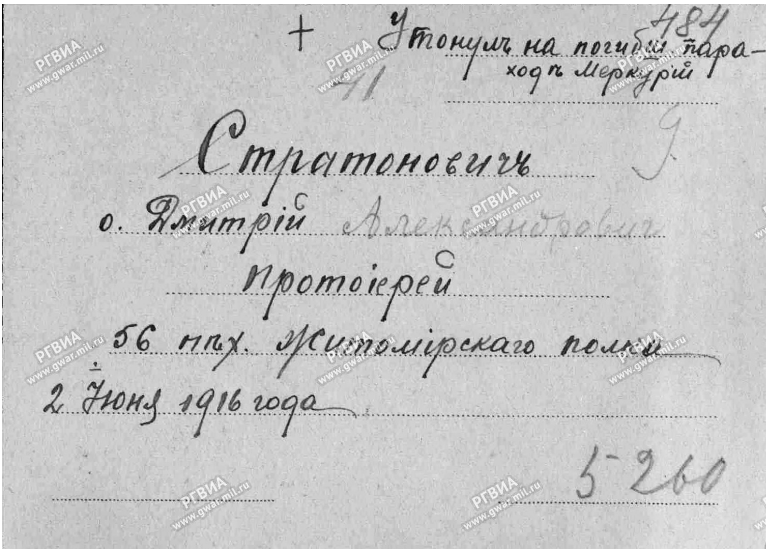
Священник на передовой *(из коллекции Л.П. Алферьевой)*

креста на Георгиевской ленте, орденов св. Анны 3-й и 2-й степени с мечами, ордена св. Георгия 4-й степени [15, с. 375]. О его подвигах известно следующее: «*Во время боя произошел разрыв телефонной связи и стало невозможным корректировать огонь батарей. Чтобы найти и устранить разрыв, надо было пройти по открытой местности, хорошо простреливаемой противником. Охотников на такое дело не находилось. Тогда священник 42-й артиллерийской бригады о. Виктор Кашубский вызвался идти и устранить разрыв. Телефонист, ободренный примером священника, пошел вместе с ним. Линия была ими исправлена, и бой успешно продолжен. 19 мая 1915 г. в бою у деревень Раславица и Волина (в низовьях реки Сан) при отступлении нашей 3-й армии из Галиции о. Виктор отличился вновь. В самом разгаре боя он пришел на позиции Луцкого пехотного полка, чтобы пастырским словом воодушевить солдат, готовящихся к атаке. После того как началась атака Луцкого полка, о. Виктор неожиданно с крестом в руке появился среди солдат 3-го батальона Белевского полка и увлек их тоже в атаку на поддержку своих товарищей. При этом священник бежал в первой шеренге атакующих, на ходу благословляя солдат крестом. Противник был сломлен и отброшен с огромными для него потерями, а угроза для наших войск ликвидирована*» [1, с. 178-179].

Священник Сергий Соколовский с 1903 г. по 1906 г. служил в 56-м пехотном Житомирском полку. Далее был переведен в 7-й Финляндский стрелковый полк, в составе которого участвовал в Первой мировой войне. Еще ранее, за участие в русско-японской войне, он был удостоен ордена св. Анны 3-й степени с мечами и ордена св. Владимира 4-й степени с мечами [15, с. 314-315]. За самоотверженное исполнение пастырских обязанностей, помощь раненым на полях сражения под огнем противника и за отлично-усердную службу во время военных действий 1914–1918 гг. был удостоен следующих высоких наград: золотого наперсного креста на Георгиевской ленте, ордена св. Георгия 4-й степени [13], ордена св. Анны 2-й степени с мечами, ордена св. Владимира 3-й степени с мечами, золотого наперсного креста с украшениями «за отлично-усердную службу и отличия во время военных действий» [15, с. 315]. О том, за какой подвиг о. Сергей Соколовский был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, рассказывается следующее. В течение 7 месяцев войны он проявлял бесстрашие во время боя, находился в самых опасных местах, так что даже офицеры изумлялись: «Как это только Господь милует нашего батюшку». Утром 1 марта 1915 г. немцы перешли в наступление. Узнав об этом, священник собрал санитаров и повел их к месту боя. Когда один из офицеров был убит, о. Сергий бросился выносить тело с поля боя и был ранен ружейной пулей в бедро. Наскоро перевязанный, он отказался от носилок ради других бойцов [24, с. 307-308]. Вот как описывали очевидцы еще один из его подвигов: *«7-му Финляндскому полку на австрийском фронте нужно было разрушить неприятельское проволочное заграждение. Было сделано несколько попыток, с большими потерями, но успеха не было. Охотников не находилось на новые попытки. Тогда вызвался о. Сергий. «Кто со мной рвать заграждения?» – обратился он к солдатам. Вызвалось несколько десятков человек. Он облек их в белые саваны, т.к. дело было зимой, и, двинувшись под покровом ночи, повел свой маленький отряд на вражеские позиции. Хотя сам о. Сергий в этой вылазке был ранен пулей в бедро, но проволочные заграждения все же были уничтожены. Это позволило полку провести успешную атаку и разгромить противника»*. Протоиерей Сергий Соколовский вторую половину войны провел на французском фронте, где был дважды ранен, и во второй раз – с потерей кисти правой руки. Французы, которых трудно удивить военной доблестью, прозвали его «легендарным священником». Он был удостоен французского ордена Почетного легиона и французского Военного креста [1, с. 159–162].

Священник Алексий Илларионов с 1906 г. до декабря 1913 г. служил в 56-м пехотном Житомирском полку, а затем был переведен в 1-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. В ее составе он принимал участие в Первой мировой войне и за три месяца 1915 г. был удостоен следующих наград: золотого наперсного креста на Георгиевской ленте и в тот же день – ордена св. Владимира 4-й степени с мечами, далее – ордена св. Анны 3-й степени с мечами и в тот же день – ордена св. Анны 2-й степени с мечами [15, с. 368].

В 56-м пехотном Житомирском полку о. Алексия Илларионова в декабре 1913 г. сменил священник Димитрий Стратонович. Ранее, в 1904-1905 гг., в составе 152-го пехотного Владикавказского полка он принимал участие в боевых действиях против японцев. 31 октября 1905 г. был удостоен ордена св. Анны 3-й степени [15, с. 229]. В годы Первой мировой войны о. Димитрий совершал свое служение столь же достойно. В апреле 1915 г. его наградили орденом св. Анны 2-й степени с мечами [8, с. 514; 9, с. 546], а 2 июля 1915 г. – орденом св. Владимира 4-й степени с мечами [7, с. 613]. 2 июня 1916 г. о. Димитрий Стратонович утонул при гибели парохода «Меркурий», который шел из Очакова в Одессу и подорвался на мине, поставленной немецкой подводной лодкой [4, с. 576; 38, л. 6].


+ Утонулъ на погибшемъ пароходѣ Меркурій
484
41
Стратоновичъ
о. Димитрій Алексѣевичъ
протоіерей
56 пѣх. Житомірскаго полка
2 Іюня 1916 года
5-260

Карточка о. Димитрия Стратоновича *(из коллекции Л.П. Алферьевой)*

Еще один священник, о котором хотелось бы упомянуть, – о. Михаил Шефирцы, который в начале XX в. некоторое время служил в Николаевском соборе г. Тирасполь [11, л. 10 (об.); 5, с. 19]. 20 июля 1914 г. он был назначен военным священником в 252-й пехотный Хотинский полк [15, с. 524], а в 1915 г. стал также и дивизионным священником. 10 июня 1915 г. его наградили орденом св. Анны 3-й степени с мечами [10, с. 582]. 19 августа 1915 г. о. Михаил был тяжело контужен под г. Брест-Литовск и взят в плен немцами [21, с. 548].

Священник Петр Доминик (другое написание фамилии – Думиника) с 1905 г. был настоятелем Васильевской церкви с. Андриановка Тираспольского уезда Херсонской губернии (ныне – с. Старая Андрияшевка Слободзейского района) [39, с. 648-649]. После начала Первой мировой войны он перешел в ведомство военного протопресвитера. Будучи священником 113-й артиллерийской бригады [33, л. 25 (об.)], во время Брусиловского прорыва проявил себя как герой и был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Кроме того, был удостоен ордена св. Анны с мечами и бантом. В ходе боевых действий о. Петр также получил тяжелую контузию [18, р. 58-59].

Не менее достойно вели себя на фронте приходские священнослужители, на время боевых действий прикомандированные к ведомству военного протопресвитера. Остановимся на некоторых из них.

В составе 129-го Бессарабского пехотного полка с февраля 1916 г. воевал священник Георгий Жевченко [37, л. 8; 28, л. 141 (об.), 142]. Ранее он долгие годы служил настоятелем Николаевской церкви с. Шипка Тираспольского уезда Херсонской губернии (ныне – Григориопольский район) [12, с. 158] и зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. На фронте о. Георгий также проявил себя ревностным пастырем. 6 ноября 1917 г. командир полка представил его к награждению наперсным крестом на Георгиевской ленте [32, л. 194-194 (об.)]. В соответствующем рапорте благочинного 33-й пехотной дивизии содержалась такая информация: *«О. Георгий Жевченко ... с первых же дней приобрел всеобщую любовь среди всех чинов полка... В период пребывания полка на позиции неотлучно находился в окопах, в положенные дни совершая богослужения нередко под неприятельским обстрелом и, несмотря на сильную стрельбу артиллерии, богослужения не прекращал..., ободряя солдат, отправлялся в секреты и разведки. Этот пример поднимал дух солдат так, что солдаты охотно шли на опасные места (солдаты говорили: «если наш батюшка пошел, то мы все пойдем за ним» – подлинные слова солдат). ... везде и всюду появлялся отец Георгий, пренебрегая опасностью под сильным огнем,*

ободряя людей, и где замечал малодушие, там оставался и так настраивал, что люди, сознавая свой долг, стойко оставались на своих местах, исполняя возложенные на них задачи. ... О. Георгий был образец для всех, скромный и энергичный работник» [32, л. 198-198 (об.)].

Еще один священник, о котором хотелось бы рассказать, –это о. Симеон Зембицкий, который с февраля 1896 г. по октябрь 1914 г. служил настоятелем Покровской церкви с. Севериновка Ольгопольского уезда Подольской губернии (ныне – Каменский район) [40, с. 222; 42]. 24 октября 1914 г. он был назначен священником в 307-й полевой подвижной госпиталь [25, с. 759], откуда его вскоре перевели в 64-й полевой подвижной госпиталь [26, с. 35]. 5 октября 1915 г. о. Симеона прикомандировали к перевязочному отряду 25-й пехотной дивизии. 12 декабря 1915 г. он был направлен в 179-й пехотный Усть-Двинский полк. За время участия в боевых действиях в качестве военного священника о. Симеон Зембицкий был награжден орденами св. Анны 3-й и 2-й степени, а также орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом [30, л. 363-363 (об.); 28, л. 142 (об.)–143; 37, л. 9 (об.)].

Священник Иоанн Иванов в 1901–1906 гг. служил настоятелем Преображенского собора г. Бендеры [20, л. 724 (об.), 725 (об.)]. 13 февраля 1917 г. он был назначен священником в 641-й пехотный Тавдинский полк и благочинным 161-й пехотной дивизии [31, л. 23-23 (об.)]. В рапорте главного священника армий Румынского фронта протоиерея Петра Лепорского от 6 августа 1917 г. содержится следующая информация: *«... священник 641-го пехотного Тавдинского полка Иоанн Иванов в бытность свою на службе в названной дивизии зарекомендовал себя с наилучшей стороны как деятельный благочинный и достойный пастырь»* [29, л. 52; 32, 46-46 (об.)]. Командующий 161-й пехотной дивизией генерал-майор П.М. Долженков так писал об этом священнике: *«...о. Иоанн Яковлевич Иванов ...все время был в высшей степени достойным своего звания: ... в своем полку был весьма усердным священником, ... во время наступления ходил в окопы и др. опасные места, совершая там молебны и окропления, часто под выстрелами, под выстрелами иногда совершал и погребения»* [32, л. 47-47 (об.)].

Настоятель Успенской церкви с. Незавертайловка Тираспольского уезда Херсонской губернии (ныне – Слободзейский район) священник Алексий Курбет [11, л. 136 (об.)] 27 ноября 1914 г. был командирован в действующую армию для исполнения пастырских обязанностей в 6-м Туркестанском стрелковом полку [27, с. 827]. 22 апре-

ля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля он был награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами [34, л. 886 (об.)], а 6 августа 1915 г. – орденом св. Анны 2-й степени с мечами [23]. Известно также, что за время участия в военных действиях о. Алексий Курбет дважды находился на излечении в госпиталях [14].

Военный протопресвитер Георгий Шавельский писал: «*В конце 1916 года Государь как-то сказал мне: "От всех приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии". Еще решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 году князь Николай Николаевич: "Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии"*» [17].

По словам великих полководцев, патриотическому воодушевлению приписывается три четверти влияния на победу. Священник лейб-гвардии Конного полка Федор Ласкеев в «Исторической записке об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.)» отмечал: «*Обязанность полкового священника во время сражений – быть неотлучно при войске – требует от него чрезвычайного самоотвержения. Стоя в пылу битвы, он должен не только всегда быть готовым положить живот свой на поле брани за веру, царя и отечество, но собственным примером мужества и гласом веры и утешения поддержать и в армии беззаветное самоотвержение, непоколебимую храбрость, бесстрашный героизм и надежду на помощь Божию. И полковые священники, понимая важность такого воодушевления, брали на себя эту святую обязанность*» [16].

В 1902 г., на празднике столетнего юбилея военно-духовного управления, военный министр генерал-лейтенант В.В. Сахаров отмечал следующее: «*Военное духовенство всегда находилось и находится на высоте своего призвания, безупречно исполняя свои обязанности... Мало того, военное духовенство нередко показывало примеры мужества, рыцарской храбрости во время боевых действий, а главное, словом увещания, речью от чистого сердца и добрым личным поведением научало солдата безропотно переносить все тяжести походной службы, а на войне храбро сражаться и побежденного врага щадить*» [2].

Тысячи иностранцев оставили восхищенные воспоминания о стойкости русского солдата и боевом духе Русской армии. А объяснялись эти стойкость и боевой дух упованием на Бога, которое веками воспитывали в русских воинах полковые и флотские священники. Во многом именно их самоотверженному служению русские воины обязаны своими победами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов Николай, прот. Ратные подвиги православного духовенства. М., 2013.

2. Боярский И. Служение военного духовенства в годы Первой мировой войны. Режим доступа: http://pobeda.ru/cluzhenie-voennogo-duhovenstva-v-godyi-pervoy-mirovoy-voynyi.html

3. В ставке Верховного Главнокомандующего // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 11-12.

4. Вестник военного и морского духовенства. 1916. № 19.

5. Вечная память почившим! // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 1.

6. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.

7. Высочайшие награды по ведомству военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 20.

8. Высочайшие награды по ведомству военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 17.

9. Высочайшие награды по ведомству военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 18.

10. Высочайшие награды по ведомству военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 19.

11. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 37. Оп. 2а. Д. 425.

12. Духовенство Одессы. 1794–1925. Одесса, 2012.

13. Зоберн В. Бог и Победа. М., 2014. Режим доступа: http://voynablog.ru/2015/11/24/deyatelnost-voennogo-duxovenstva-v-pervoj-mirovoj-vojne/

14. Именной список раненых и больных офицерских и нижних чинов, помещенных в лечебных заведениях: (по сведениям Справочного отдела Красного Креста). 1915. № 49. Режим доступа: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004413029#?page=330

15. Капков К.Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков: Справочные материалы. М., 2008.

16. Котков В. Военное духовенство России: Страницы истории. СПб., 2003. Режим доступа: http://krotov.info/history/18/bednov/kotkov_5.htm

17. Михалев Д. Подвиг православного духовенства в годы Первой мировой войны // Спас. 2014. № 10. Режим доступа: http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=1317

18. Мой отец (рассказывает Андрей Петрович Думиника, г. Одесса) // Revistă de istorie a Moldovei. 1990. № 1.

19. Мошняга Николай, свящ. Духовный отряд у Архиепископа Платона // Кишиневские епархиальные ведомости (КЕВ). 1914. № 34-35.

20. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 208. Оп. 6. Д. 1611.

21. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.–Париж, 2007.

22. Памяти героев великой войны. Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital2184993/

23. Памяти героев великой войны. Режим доступа: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie57614117/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DКурбет%26first_name%3DАлексей%26groups%3Dawd%3Aptr%3Afrc%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrady%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Afrc_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1

24. Пастырь-герой // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 10.

25. Приказы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 22.

26. Приказы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 2.

27. Приказы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 24.

28. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2044. Оп. 1. Д. 1.

29. РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 8.

30. РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 10.

31. РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 24.

32. РГВИА. Ф. 2044. Оп. 1. Д. 28.

33. РГВИА. Ф. 2082. Оп. 1. Д. 2.

34. РГВИА. Ф. 2106. Оп. 2. Д. 1.

35. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 8. Д. 23.

36. РГИА. Ф. 806. Оп. 20. Д. 474.

37. РГИА. Ф. 806. Оп. 20. Д. 474б.

38. Савва (Молчанов), иером. Военное и морское духовенство в России // Православная энциклопедия. Т. 9. Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/155073.html

39. Справочная книга Херсонской епархии. Одесса, 1905.

40. Справочная книжка Подольской епархии на 1913-1914 годы. Каменец-Подольск, 1913.

41. Царенко М. С крестом в руке на поле брани. Режим доступа: http://cossac-awards.narod.ru/Zametki/Zametka33_Tsarenko_Pole_boya.html

42. Центральный государственный архив (ЦГА) ПМР. Ф. 886. Оп. 1. Д. 20.

43. Шавельский Г. Служение священника на войне // Военный сборник. 1912. № 12. Режим доступа: http://ejournal6.com/journals_n/1526146357.pdf

УДК 271.2(47) “1914/1918”

Т.И. ЦАРАН
(г. Тирасполь)

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена освещению деятельности Русской православной церкви в годы Первой мировой войны. Раскрыты основные вехи формирования института военного духовенства в X – начале XX вв., условия несения службы священниками в армии. Значительное внимание уделено характеристике состояния военного духовенства накануне Первой мировой войны, а также описанию деятельности военных священников, монастырей, церковных иерархов и приходского духовенства РПЦ в годы военного лихолетья.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская православная церковь, военное духовенство, протопресвитер, обер-священник.

Деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны – крупномасштабного международного военного конфликта, в который Российская империя оказалась вовлеченной с 1 августа 1914 г., ее патриотическое служение остается недостаточно изученной исследователями темой. Вопросы, связанные с деятельностью духовенства в годы Великой войны, как ее тогда называли, на территории современного Приднестровья, остаются исследовательской задачей, ждущей своего решения.

Прежде чем обратиться к изложению основной темы, уместно упомянуть о формировании института военного духовенства, ведомства военного и морского духовенства, его структуры. История взаимодействия Русской православной церкви и армии уходит своими корнями в глубину веков. Вспомним, что, согласно наиболее распространенной версии, одними из первых на Руси приняли православие дружинники равноапостольного великого князя Владимира (в крещении Василия), то есть с этого времени русское войско становится православным. Или другой известный пример – на Куликовскую битву Дмитрия Донского благословил преподобный Сергий Радонежский, а первым в схватку вступил схимонах Пересвет (бывший брянский воевода).

С момента создания в России регулярной армии она и Русская православная церковь были неразделимы [2]. Священнослужители создавали и поддерживали в армии православную атмосферу.

Институт военного духовенства был создан в регулярной армии в начале XVIII в. В 1716 г. Петр I утвердил воинский устав («Воинские артикулы»), в который впервые была включена глава «О священнослужителях». В апреле 1717 г. вышло Высочайшее повеление о введении в российском флоте должностей 39 священников. Принятый в 1720 г. Морской устав с главой «О священнослужителях» окончательно определил правовое положение духовных наставников в российской армии. В названных уставах подробно описывались полномочия и обязанности священников, приводился перечень наказаний за преступления против веры, говорилось о совершении ежедневных молитв и праздничного богослужения, о требованиях к нравственному облику солдат, матросов и офицеров. Нововведенными воинскими артикулами военнослужащим предписывалось «в определенное время, трижды в день, молиться». Выделялось и время для молитв – утром, перед обедом и вечером, после объявления наряда [3; 5].

На протяжении XVIII-XIX вв. оформляется структура ведомства военного и морского духовенства. Для руководства военными и морскими священиками в 1730 г. были утверждены должности обер-священника Главного штаба и обер-священника Главного гвардейского корпуса. К 1800 г. введена должность полевого обер-священника, которая позже стала именоваться должностью протопресвитера военного и морского духовенства. Было установлено, что на высший пост ведомства лицо избирается Святейшим Синодом по просьбе командующего Петербургским военным округом и ходатайству военного министра, лишь после чего утверждается царем (первым обер-священником был избран, а затем назначен протоиерей Павел Озерецковский. Последним должность протопресвитера исполнял Григорий Шавельский).

Протоиерей Павел Озерецковский, обер-священник русской армии и флота

К середине XIX в. в структуре органов ведомства военного и морского

духовенства вводится своеобразная «табель о рангах». Во главе – протопресвитер военного и морского духовенства, в духовном звании приравненный к архиепископу, в военном – к генерал-лейтенанту. Далее следовали назначавшиеся на время войны главные священники фронтов и армий, приравненные в воинском звании соответственно к полковнику и подполковнику. На ступеньку ниже стояли дивизионные (бригадные) и гарнизонные благочинные, сан которых соответствовал воинскому званию подполковника. В обязанности благочинных входило посещение подведомственных церквей, отслеживание качества преподавания Закона Божьего, рассмотрение жалоб на полковых священников. Последние являлись основным и потому наиболее многочисленным отрядом, включавшим также госпитальных и тюремных священников. Должности этих лиц приравнивались к капитанским. И, наконец, самую нижнюю ступень занимал штатный или внештатный дьякон, его должность согласно штатам – поручик. Этим же документом было определено, что по отношению к священникам армии существовала особая форма воинского обращения – «Ваше благословение».

Здесь же уместно упомянуть и о системе подчиненности внутри самой структуры. Протопресвитер указания по делам церковного управления получал только от Синода, по делам же военного ведомства – от военного министра. Двойное подчинение означало, что и контроль над исполнением был соответственно двойным.

К «табели» прилагался перечень качеств, которыми обязан обладать военный пастырь: *«Готов со всеми поделиться полнотой своей веры, знаниями, духовной опытностью, и с тем вместе скромный, благоразумно уступчивый и бескорыстный, безо всякого проявления погони за наживой и вполне довольный своим скромным материальным положением»* [5].

С 40-х гг. XVIII в. при воинских частях начали строить церкви, поначалу деревянные; первый из таких армейских храмов – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы – был возведен в 1748 г. для гвардейского Семеновского полка. Каждый армейский полк или гарнизон имел также свою походную церковь. Как правило, это была обычная палатка со складным иконостасом, престолом, антиминсом и иконой-покровительницей. Времени на установку походной церкви уходило около часа, а разбирали ее вдвое быстрее. Гарнизонные или полковые церкви были средоточием духовной жизни солдат и офицеров [3]. Церкви основывались также при госпиталях, крепостях, портах, тюрьмах, на судах и т.д.

Ниже приводим данные по распределению священнослужителей военно-духовного ведомства по функциональному предназначению на 1913 г. [1]:

Место службы священника	Количество священнослужителей, чел.
Военные и морские соборы	142
Домовые церкви	12
Полковые церкви	476
Крепостные церкви	26
Госпитальные церкви	66
Церкви при тюрьмах, госпитальных батальонах и ротах	31
Церкви в портах	24
Церкви при военных учреждениях и местных командах	131
Церкви при благотворительных военных учреждениях	12
Судовые церкви	34
Всего	954

К 1914 г. на каждый военный округ приходилось также по одному мулле, кзендзу и раввину [5].

В мирное время армейские батюшки занимались воспитанием воинов и осуществляли богослужебную деятельность – служили литургию, молебны, панихиды, исповедовали и причащали воинов. В период военных действий священники также должны были совершать богослужения и требы, отпевать погибших и умерших от ран, проводить внебогослужебные беседы, осуществляя пастырское окормление солдат, влиять на свою паству словом и примером.

В годы Первой мировой войны РПЦ, как всегда во времена лихолетья, проявила себя в особой патриотической деятельности. На ее фронтах, исполняя свой пастырский долг, побывало более 5 тыс. священников. По данным на январь 1918 г., в ведомстве военного и морского духовенства числилось 700 священно- и церковнослужителей постоянного состава и около 3 тыс. священников, привлекавшихся в армейские части из епархий на время войны [1].

С первых дней войны Святейший Синод начал разрабатывать программу мер, вызванных нуждами военного времени. Для священников, отправлявшихся на театр боевых действий, была составлена инструкция, одобренная представителями военного ведомства от всех военных округов и флота. Она определяла обязанности каждому священнику, точно разъясняла, где он должен находиться, что делать во время боя и в спокойное время, где и как совершать богослужение, о чем и как проповедовать. Место во время боя для полковых и бригадно-артиллерийских священников – передовой перевязочный пункт, где обычно скапливались раненые. Но к этому пункту священник не должен быть привязан и, если потребуется, пойти вперед, в окопы и даже за окопы, при необходимости. Строевой священник обязан был помогать врачам, ведать вынесением с поля боя раненых и убитых, заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ, извещать родственников погибших, обустраивать и развивать библиотеки.

Госпитальный священник должен был как можно чаще совершать богослужения для раненых и больных, ежедневно обходить палаты, беседовать и утешать раненых и больных, писать от них письма на родину.

В инструкции содержались указания о попечительном отношении к инославным и иноверным воинским чинам, о недопущении распространения в войсках брошюр и листков, оскорбительных для них [8].

Уже во время Первой мировой войны в организацию управления военным и морским духовенством были внесены некоторые изменения. При формировании штаба Верховного Главнокомандующего император повелел на время войны протопресвитеру военного и морского духовенства находиться при штабе. В 1916 г., с высочайшего утверждения, были учреждены особые должности армейских проповедников, по одному на каждую армию. В конце 1916 г. высочайшим повелением были учреждены должности главных священников Балтийского и Черноморского флотов [8].

С началом войны с особой силой зазвучала церковная проповедь – и устная, и печатная. В армию и госпитали отправляли Евангелие, молитвословы, книги и брошюры религиозно-нравственного содержания. Организовывались сборы для фронта вещей, подарков. В епархиях открывались лазареты, в которых прихожане помогали одеждой, бельем, обувью, присматривали за ранеными.

Православная церковь оказывала помощь семьям солдат, воевавших на фронтах, лежащих ранеными в госпиталях, умерших

и погибших. Православному духовенству в епархиях предписывалось наставление и успокоение паствы; напутствие воинов, уходящих на фронт, на славных примерах доблести предков; проведение ежедневных молитв за богослужениями о сражающихся, раненых воинах; установка особых кружек для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семей, пострадавших от войны; отведение свободных помещений под госпитали, лазареты для раненых, приюты для детей-сирот и беженцев; подготовка лиц, способных ухаживать за больными; принятие под свое попечительство детей воинов.

В июле 1914 г. Святейший Синод издал распоряжение «Об учреждении во всех православных приходах Российской империи попечительских советов для организации помощи семьям лиц, находящихся в войсках» [4]. Приходские попечительские советы были созданы почти в каждом приходе. На них были возложены обязанности выявлять и составлять списки семей лиц, призванных на войну, обследовать их имущественное положение, изыскивать средства для помощи, распределять и выдавать материальную помощь, настраивать прихожан к необходимости оказания подобной помощи, оказывать другие виды благотворительности. Приходские советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, доставляли дрова, уголь, чинили постройки, организовывали помощь по уборке и засеву полей, для присмотра за детьми таких семей во время уборочной страды устраивали ясли и приюты [4; 7].

Помощь армии оказывали и монастыри: монашествующие принимали участие в сборе денежных и других материальных средств, иеромонахи поступали в военные священники, многие из монашествующей братии шли в санитарные отряды, послушники призывались в войска, монашествующие сестры помогали в лазаретах, шили белье для солдат, готовили просфоры для исполнения треб армейским духовенством. Монастыри при необходимости предоставляли помещения под лазареты, организовывали обучение ремеслам увечных, давали приют беженцам, солдатским вдовам и детям [4; 7].

Не оставалось в стороне приходское духовенство: оно молилось с уходящими на фронт, с оставшимися дома о даровании победы русскому воинству, заботилось о солдатских семьях, председательствовало в приходских попечительских советах. Священникам помогали их жены – матушки, в некоторых местах объединяясь даже в самостоятельные организации [7].

Наибольшие тяготы войны, конечно, испытали на себе священники, находившиеся в действующей армии. Они личным примером

старались вдохновить воинов, своим участием согревали их души, будили совесть, предохраняли солдат от «столь возможного на войне ожесточения и озверения» [7].

Многие священники покрыли себя немеркнущей славой на фронтах Великой войны, проявляя на полях сражений примеры исключительного героизма. Протоиерей 7-го Финляндского полка о. Сергий Соколовский, прозванный французами (вторую половину войны он провел на Западном фронте) за свою храбрость «легендарным священником», дважды раненый, во второй раз с потерей кисти правой руки, поднял солдат в атаку и под ураганным огнем неприятеля разрушил проволочные заграждения, мешавшие полку выполнять дальнейшую задачу. За этот подвиг он был награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

9-й драгунский Казанский полк должен был двинуться в атаку на австрийцев. Раздалась команда командира, но полк не тронулся с места. Неожиданно полковой священник о. Василий Шпичек вылетел на своей лошаденке и с криком: *«За мной, ребята!»*, – понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а за ними весь полк. Атака была стремительной, противник бежал, полк одержал победу. Отец Василий был также награжден орденом святого Георгия 4-й степени.

16 октября 1914 г. геройски погиб священник линейного заградителя «Прут», иеромонах Бугульминского монастыря, 70-летний старец Антоний (Смирнов). Когда «Прут» во время боя начал погружаться в воду, отец Антоний стоял на палубе и осенял святым крестом свою паству, в волнах боровшуюся со смертью. Ему предлагали сесть в шлюпку, но он, чтобы не отнять место у ближнего, отказался. После этого он спустился внутрь корабля, и, надев ризу, вышел на палубу со святым крестом и Евангелием в руках и еще раз благословил своих духовных чад, осенил их святым крестом. А затем вновь спустился внутрь корабля. Скоро судно скрылось под водой.

Ввсилий Шпичек, священник 9-го драгунского Казанского полка

Священник Павел Иванович Смирнов своим мужеством и спокойствием в трудную минуту так поднял дух полка, что, увлеченный своим пастырем, полк не только преодолел опасность, но и одержал победу. Имя о. Павла после этого стало геройским для всей Кавказской армии, и он был награжден орденом святого Георгия 4-й степени [2].

Священник артиллерийской бригады, о. Константин, находившийся на командном пункте дивизиона, узнав о повреждении телефонной линии, под ружейным и артиллерийским огнем неприятеля направился по линии провода для исправления повреждения. Ободренный его примером телефонист последовал за священником, и благодаря этому связь была восстановлена.

Совсем другим был подвиг иеромонаха Н., священника одного из второочередных полков. В один из воскресных дней 1915 г. на Галицийском фронте, вблизи боевой линии в брошенной униатской церкви, он совершал литургию. Церковь была переполнена. В храме совершалась бескровная жертва, а вблизи шел бой. Беспрерывно громыхали орудия. Литургия приближалась к концу – пели «Тебе поем». Священник читал молитвы. Вдруг снаряд попал в церковь. Батюшка спокойно прервал чтение молитв. *«Будь ты проклята, окаянная!»* – громко произнес он и при этом перекрестил бомбу, начав после этого спокойно читать прерванные молитвы. Снаряд не разорвался, а молившиеся, видя спокойствие священника, остались на местах. После службы снаряд вынесли из церкви. Узнав об этом, государь наградил мужественного священника наперсным крестом на Георгиевской ленте [8].

В ходе тяжелых, упорных боев на Северном фронте в Курляндской губернии 10–12 января 1917 г. отличился полковой священник 439-го пехотного Илецкого полка о. Михаил Дудицкий. Он лично вывел из резерва на позиции роту солдат после того, как в результате понесенных потерь среди офицерского состава не осталось офицеров, которые смогли бы возглавить роту в ее продвижении на боевую линию. Когда прервалась связь полка с командованием одного из флангов, о. Михаил вызвался пойти на занимаемые войсками рубежи, чтобы узнать боевую обстановку, дошел до расположения и вернулся обратно с необходимыми сведениями. Как оказалось, там нуждались в подкреплении, которое было направлено из резерва. Вызванную из резерва роту о. Михаил вновь возглавил и лично повел в бой на передовые рубежи, где в результате попал под артиллерийский обстрел и был ранен разорвавшимся вблизи снарядом [9, с. 37–39].

Не только молитвой, но и личным участием в сражениях, мужеством и подвигами священников поднимался боевой дух воинов. В списках потерь воинских частей действующей армии значились и многие священнослужители, убитые, умершие от болезней, попавшие в плен, пропавшие без вести, раненые и контуженые [6].

Многие священники в годы Первой мировой были отмечены наградами. Специально для военного духовенства в Российской империи были учреждены воинские награды – золотые и серебряные наперсные кресты, два многостепенных ордена.

За время существования Георгиевского креста в мирное время этой награды было удостоено всего четыре священника, а в годы Первой мировой войны – 14. Каждый из них совершил какой-либо исключительный подвиг. Кроме того, более 100 священников были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте. Для получения этой награды также требовался подвиг. Одни были удостоены такой награды за особо мужественное исполнение своих обязанностей под огнем неприятеля, другие – за вынос раненых с линии огня и т.п. [2].

На фронте вместе со священниками служили и архиереи. Епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), викарий Московской епархии, в самом начале войны по собственному желанию отправился на Галицкий фронт, где служил в качестве полкового священника, исполняя одновременно обязанности благочинного дивизии. Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) также в качестве исполняющего обязанности священника служил на одном из линейных кораблей Черноморского флота. Совершали богослужения вблизи передовых позиций архиепископ Варшавский Николай (Зиоров), епископ Минский Митрофан (Краснопольский), экзарх Грузии Питирим (Окнов). Немало потрудились епископ Холмский Анастасий (Грибановский) и архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков) [7].

Димитрий (Абашидзе), архиепископ Таврический и Симферопольский

Религиозное чувство, вера поддерживали солдат и в поражениях, ободряли попавших в плен в годы Первой мировой войны.

Атаман Всевеликого войска Донского, впоследствии деятель Белого движения П.Н. Краснов записал воспоминания сестры милосердия, которая в первый год войны работала на фронте, а затем в 1915 г. была назначена посетить военнопленных в Австро-Венгрии. *«"После всего пережитого мною на фронте, в передовых госпиталях, после того, как повидала я все эти прекрасные смерти наших солдат, – рассказывала сестра, – было у меня преклонение перед русским воином. И я боялась увидать пленных... И увидела ... И мне не стало стыдно за них". В Венгрии, в одном поместье, где работали 400 человек русских пленных, к сестре подошли несколько человек, и один из них сказал: "Сестрица, мы построили часовню. Мы хотели бы, чтобы ты посмотрела ее. Но не суди ее очень строго. Она очень маленькая. Мы хотели, чтобы она была совсем русской, и мы строили ее из русского леса, выросшего в России. Мы собрали доски от тех ящиков, в которых нам посылали посылки из России, и из них построили себе часовню. Мы отдавали последнее, что имели, чтобы построить ее себе"»* [3].

Вклад православного духовенства в годы войны отмечали и некоторые военачальники. Интересна телеграмма главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанта Н.И. Иванова митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Невскому): *«Мои подчиненные и лично я благодарим вас сердечно, Владыка, и духовенство Московской епархии за молитвы о ниспослании нам помощи Божьей, за благословение иконою Святого Николая Чудотворца и за подарки для наших воинов в Галиции. Просим и впредь святых молитв ваших и всего подведомственного вам духовенства о даровании нам победы над жестоким исконным врагом русского народа и о том, чтобы милосердный Бог не допустил из-за наших ошибок и недостатков пострадать тому великому делу, к которому он ныне нас призвал. От души желаю вам, Владыка, и духовенству утешения в трудах на благо паствы и отрады видеть добрые плоды всех забот, трудов и самоотверженных жертв, которые несут все верные подданные нашего царя с ним самим во главе»*. Великий князь Николай Николаевич в 1915 г. дал следующую характеристику службе пастырей: *«Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великую работу в армии»* [8].

Церковь оказывала и материальную помощь, и духовную поддержку армии и населению. Особенно важным было духовное окормле-

ние воюющих солдат, их наставление и укрепление в вере. Известно изречение великого русского полководца А.В. Суворова: *«Безверное войско учить – все равно, что железо перегорелое точить»*. А.Н. Куропаткин, военный министр Российской империи с 1898 г., в своем трехтомном труде «Задачи Русской армии» уделил много внимания духовной составляющей в армии: *«Кто близко видел обнаженные головы тысяч людей перед движением на штурм, видел серьезные лица, губы, шепчущие молитвы, видел затем то спокойствие, которое овладевало массою после молитвы, отдавшей их на волю Божию, тот никогда не забудет этого зрелища и поймет, какую страшную силу мы имеем в религиозности наших войск»* [3].

Роль РПЦ, православных священнослужителей в деле организации помощи армии и семьям солдат трудно переоценить. Именно в годы Первой мировой войны деятельность военного духовенства, проявившего себя во многих войнах предшествующих десятилетий и столетий, достигла апогея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. Режим доступа: http://www/krotov.info/spravki/persons/21person/babkin.htm

2. Бондарев С.С. Церковь и армия: пути сотрудничества. Режим доступа: http://www.nasledie.ru/pravosl/22_7/artikle.php?art=3

3. Буганов А.В. Православие в русской армии XIX – начала XX в. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Buganov_ortodox_armi.php

4. Кижаева Т.А. Социально-карритативная деятельность православных учреждений Томской епархии в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы истории Сибири. Режим доступа: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/70.html

5. Пятков Д. Сим победиши... Роль армии и церкви в духовном воспитании защитников Отечества. Режим доступа: http://www.voskres.ru/army/library/sim-pobed.htm

6. Степченков Л. Безграничная любовь к Родине. Война 1914 г. Режим доступа: http://www.voskres.ru/army/church/stepantshenko.htm

7. Щеглов Г.Э. Церковь и Первая мировая война // Ступени. 2005. № 1. Режим доступа: http://minds.by/stupeny/nomera/17/st17_33.html

8. Военное духовенство Российской империи. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/

9. Херсонские епархиальные ведомости. 1917. № 5.

УДК 27-526.62(478)

Л.Ф. ЧАЩИНА,
канд. ист. наук (г. Кишинев)

ВОИНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «АВГУСТОВСКАЯ» ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (В ХРАМАХ ПРУТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ)

Аннотация: Статья посвящена исследованию исторического, религиозного и культурного аспектов, связанных с воинской иконой Божией Матери «Августовская», относящейся к периоду Первой мировой войны. Подлинных списков иконы, которые были написаны в период 1915–1917 гг., сохранилось очень мало. Автор выявляет и описывает несколько Августовских икон Божией Матери данного периода, которые находятся в храмах Пруто-Днестровских земель.

Ключевые слова: воинские иконы, Августовская икона Божией Матери, Первая мировая война, сражение в районе города Августов, храмы Пруто-Днестровских земель, храм святого апостола Андрея Первозванного в г. Тирасполь, Троицкая церковь при военном лазарете апостола Андрея Первозванного.

Августовская икона Божией Матери, иначе называемая «Августовская победа» или «Августово явление Божией Матери на войне» является последней воинской иконой дореволюционной России.

К числу воинских икон Русской православной церкви относятся несколько десятков святынь. Среди них – Владимирская икона Божией Матери, привезенная из Византии в Киев в XII в. Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский тайно перевез ее во Владимир. Он брал икону с собой в походы, уповая на помощь Божией Матери: *«Всяк уповай на Тя, Владычице, не погибнет»*. Отражая события формирования политического центра Руси, икона в XIV в. была перевезена в Москву. 26 августа 1395 г., в день, когда святыню торжественно переносили из Владимира в Москву, войско тюрко-монгольского хана Тамерлана, уже подступавшего к стенам Москвы, неожиданно отказалось от взятия города и повернуло назад [6, с. 44-45]. С тех пор икона считается охранительницей русского народа, перед ней молились в самые тяжелые дни военных и политических потрясений.

К числу воинских относится также Донская икона Божией Матери, написанная в мастерской Феофана Грека в XIV в. Ее несли перед русским войском в день Куликовской битвы 1380 г., завершившейся первой победой русских воинов в сражении с татаро-монголами [5, с. 13-14].

Одной из последних воинских икон является Порт-Артурская «Торжество Пресвятой Богородицы», ставшая покровительницей русских воинов во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Ее принес в 1903 г. в Киево-Печерскую лавру уже состарившийся к тому времени один из последних участников Крымской войны и обороны Севастополя, герой этой войны, награжденный крестом на Георгиевской ленте моряк, пришедший из Бессарабии. Ему было видение, что икона поможет русским воинам в их тяжелых испытаниях [4].

История же написания иконы «Августовская» связана с одним из тяжелейших сражений начального этапа Первой мировой войны в районе города Августов (в составе Сувалкской губернии Царства Польского Российской империи) во время сражений русских войск за Восточную Пруссию в сентябре-октябре 1914 г. Поздним вечером, в ночь с 7 на 8 сентября, перед решающим боем, воины Гатчинского и Царскосельского кирасирских лейб-гвардейских полков, готовясь к предстоящему сражению, стали свидетелями явления в звездном небе над лесом образа Божией Матери. Она правой рукой указывала на предстоящее направление действий русских полков. В трепете воины пали на колени и стали молиться [9]. Есть сведения, что свидетелями этого чудесного явления стали также воинские подразделения донских казаков [7, с. 183].

Икона Божия Матерь Августовская
(церковь с. Бульбоака)
(из коллекции Л.Ф. Чащиной)

Августовская битва являлась частью Варшавско-Ивангородской операции, отличавшейся особенно кровопролитными сражениями, в которых русские войска понесли потери в 150 тыс. человек (32% первоначальной численности группировки) [3].

Однако сражение у города Августов кирасирских полков, ставших свидетелями чудесного явления Богородицы над лесом, завершилось в этих кровопролитных боях блестящей победой. Считается также, что каждый, кто наблюдал чудесное явление Богоматери, уцелел в бою. Согласно рассказу одного из очевидцев, *«7-8 сентября, накануне огромного и весьма кровопролитного сражения нашего с немцами, окончившегося разгромом нами германской армии, мы удостоились особого небесного видения. Наш отряд только что расположился на бивуаке. Было 11 часов ночи; прибегает к поручику Р. рядовой солдат и говорит: «Ваше высокоблагородие, идите». Поручик пошел и вдруг увидел Божию Матерь на небе с Иисусом Христом на руках, одною рукою указывающую на запад. Все нижние чины видели это, упали на колени и молятся. Видевшие еще долгое время любовались этим чудным видением, которое изменилось затем в большой крест и исчезло»* [1]. Эти слова в дальнейшем были полностью воспроизведены на обратной стороне Августовской иконы Божией Матери.

О чудесном событии стало известно в русской армии, оно укрепляло дух русских воинов перед тяжелейшими сражениями. О нем доложили также императору. Николай II дал указание распечатать армейские листовки с изображением явления Божией Матери и рассказом об этом событии. Были изучены сведения о чудесном явлении, представленные военными священниками Северо-Западного фронта. Митрополит Московский Макарий (Невский) для сохранения памяти об этом событии благословил написание иконы Божией Матери «Августовская». Святейший Синод РПЦ в марте 1916 г. принял решение благословить чествование в храмах Августовских икон Божией Матери [7, с. 182–184].

В 1915–1917 гг. было написано несколько десятков списков (по некоторым данным, около 50) с изображением увиденного под Августовом явления Богородицы. Иконы были розданы в различные воинские части. Однако до 1917 г. икона не успела распространиться в большом количестве списков, а после революции они повсеместно уничтожались. Поэтому особенно ценным представляется тот факт, что в храмах, расположенных на территории Пруто-Днестровских земель, хранится несколько Августовских икон Божией Матери. Одна

из них находится в церкви Архангелов Михаила и Гавриила с. Бульбоака Новоаненского района. Еще один список – в Речульском монастыре Рождества Пресвятой Богородицы в Кэлэрашском районе [10, с. 31]. С 2003 г. Августовская икона Божией Матери есть и в храме святого апостола Андрея Первозванного г. Тирасполь. Она была привезена в Приднестровье в 2002 г. из Чечни и передана командованием Оперативной группы российских войск епископу Тираспольскому и Дубоссарскому Юстиниану (Овчинникову). Икона имеет повреждения, особенно заметные в тех местах, где изображены воины, с благоговением смотрящие на чудесное явление Божией Матери над лесом, недалеко от города Августов. В Чечне икона служила у боевиков мишенью для метания ножей.

Икона Божией Матери «Августовская» (церковь Речульского монастыря) *(из коллекции Л.Ф. Чащиной)*

Икона Богоматери «Августовская» является одной из наиболее почитаемых святынь Тираспольско-Дубоссарской епархии. В день ее памяти 14 сентября в храме св. апостола Андрея Первозванного проходит служба и торжественные мероприятия, посвященные Августовскому явлению Божией Матери [2]. Ее нахождение именно в этом приднестровском храме не случайно, поскольку он расположен на территории военного городка Оперативной группы российских войск. Хотя ныне существующая церковь строилась в 1997 г., возведена она поблизости от места, где ранее находилась разрушенная в 50-х гг. прошлого века Троицкая церковь. Так что традиция почитания Августовской иконы Божией Матери при воинских частях и лазаретах возрождается в настоящее время [8].

Августовская икона Божией Матери, находящаяся в настоящее время в храме святого апостола Андрея Первозванного в Тирасполе,

относится к периоду Первой мировой войны, то есть это подлинный список. На обратной ее стороне написаны и очень хорошо сохранились слова о чудесном явлении Богородицы воинам Первой мировой войны. Особенностью иконы является и то, что она написана в стиле русского модерна, в одном из его лучших исполнений. Так что эта иконописная святыня является важнейшим памятником духовного, исторического и художественного содержания начала XX в., переломного и трагического периода в русской и мировой истории.

Икона Божией Матери «Августовская» (церковь св. апостола Андрея Первозванного) *(из коллекции Л.Ф. Чащиной)*

Ценность святыни состоит также в том, что к настоящему времени дошло ничтожно мало списков Августовской иконы Божией Матери, и часть из них, относящаяся к периоду 1915–1917 гг., находится в храмах Пруто-Днестровского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августовская икона Божией Матери. Режим доступа: https://drevo-info.ru/articles/10043.html

2. Были неоднократно засвидетельствованы явления помощи. Режим доступа: http://ruskline.ru/.../byli_neodnokratno_zasvidetelstvovany_yavleniya_pomowi_bozhiej_ru...9

3. Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.) М., 1938. Режим доступа: http://www.august-1914.ru/varsh_vved.html

4. Иконы, связанные с воинскими событиями. Икона Божией Матери Порт-Артурская «Торжество Пресвятой Богородицы» (29 августа). Режим доступа: http://Pobeda.Rupobeda.ru/category/ikonyi-svyazannyie-s-voinskimi-sobyitiyami

5. Лазарев В.Н. Московская школа иконописи. М., 1971.

6. Любимов Л. Искусство Древней Руси. М., 1981.

7. Рудзиевская С. Православные иконы. Б.и., 2012.

8. Тирасполь. Церковь Андрея Первозванного при военно-местном лазарете. Режим доступа: http://shpl.dlibrary.org/ru/nodes/167-t-14-novorossiya-i-krym-bessarabskaya-hersonskaya-tavricheskaya-i-ekaterinoslavskaya-gub-obl-voyska-donskogo-stavropolskaya-gub-1910#page/1/mode/grid/zoom/1

9. Установлено празднование в честь Августовской иконы Божией Матери // Православие и современность. Режим доступа: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_4844

10. Чащина Л.Ф. Русская культура в архитектуре Речульского монастыря // Славянские чтения. Вып. 4/10. Кишинэу, 2015.

УДК 614.885(47+478)

Н.В. МЯСНИКОВА,
канд. полит. наук (г. Тирасполь)

ДВИЖЕНИЕ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена изучению деятельности женских организаций Российской империи в сфере благотворительности и милосердия в годы Первой мировой войны. Раскрыты основные вехи истории зарождения и становления женского служения в лазаретах, организации Общества попечения о раненых и больных воинах (будущего Российского общества Красного Креста). Особое внимание уделено характеристике формирования и деятельности общин сестер милосердия в годы Первой мировой войны, движению сестер милосердия на левобережье Днестра.

Ключевые слова: Первая мировая война, сестры милосердия, Общество попечения о раненых и больных воинах, Российское общество Красного Креста.

Исследования исторических и общественно-политических процессов в период Первой мировой войны настоятельно требуют изучения деятельности женских организаций в областях благотворительности и милосердия. История женского служения в лазаретах берет свое начало от Указа Петра I об организации ухода за больными и ранеными. В 1803 г. в Московском и Санкт-Петербургском вдовьих домах появляются женщины, чья деятельность трактовалась как «сердоболие» [9].

Впервые на театр военных действий сестры милосердия выехали в период Крымской войны 1853–1856 гг. Во время обороны Севастополя под руководством известного хирурга Н.И. Пирогова сестры Никольской и Крестовоздвиженской общин в непосредственной близости от мест боевых действий оказывали помощь раненым [2].

К концу XIX в. общины сестер милосердия появляются во всех губерниях России. Во многом тому способствовала ратификация Россией Женевской конвенции 1867 г. и организация императором Александром II Общества попечения о раненых и больных воинах. В 1876 г. оно было переименовано в Российское общество Красного Креста (далее – РОКК) [2] и стало в начале XX в. одним из самых мощных в мире. С 1880 г. общество, а значит, и подготовка сес-тер милосердия находились под патронажем императрицы Марии Фе-

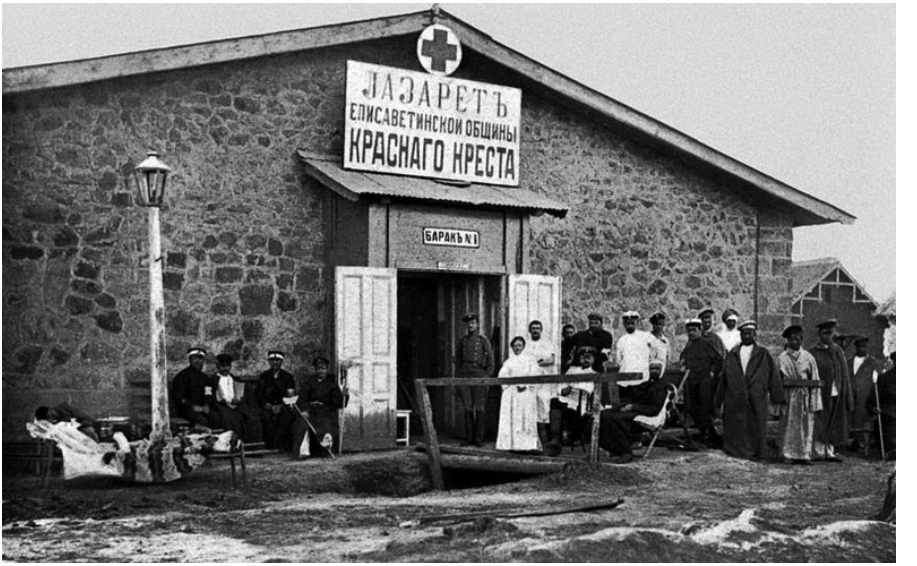
Мария Федоровна,
супруга Александра III

доровны – супруги императора Александра III [9].

На рубеже XIX–XX вв. сестринские общины под началом РОКК участвовали во всех российских военных кампаниях. Сестры милосердия добровольно отправились в 1870-х гг. на освободительную войну в Сербию, организовывали помощь раненым во время войны России с Османской империей (1877-1878), оказывали помощь и туркам, и грекам в греко-турецкой войне (1897), лечили раненых Ихэтуаньского восстания в Китае (1900), развернули масштабную работу на Дальнем Востоке во время русско-японской войны (1904-1905) [3, с. 148-149].

В годы Первой мировой войны движение сестер милосердия приобретает особую популярность. Пример патриотизма и подвиг служения Отечеству показали сестры Никольской, Иверской, Павловской, Крестовоздвиженской, Свято-Троицкой, Александринской, Владычне-Покровской, Марфо-Мариинской общин, общины святого Георгия, святой Евгении, им. генерал-лейтенанта М.П. фон Кауфмана и др. [6]. Многие из общин действовали под началом РОКК. С их помощью уже в начале войны РОКК подготовил и отправил в распоряжение лечебных учреждений военного ведомства 10 тыс. сестер милосердия, сформировал 150 пунктов питания, более 20 санитарных судов, оборудовал 360 санитарных поездов. В районах скопления раненых работало 65 противоэпидемиологических отрядов. Под началом РОКК в Петрограде действовало справочное бюро по делам военнопленных. Кроме того, общество организовало в Москве и Петрограде предприятия по изготовлению и доставке на фронт так необходимых защитных повязок против химического оружия [2].

В 1916 г. официальные списки отмечают факт отправки на фронт уже 17 436 сестер, которые обслуживали более двух тысяч полевых и тыловых учреждений Красного Креста, в т.ч.: 71 госпиталь, этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пунк-



Лазарет Елисаветинской общины Красного Креста

ты, дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории, шесть полевых складов [6].

Следует отметить, что сестринское дело находило отклик у представительниц всех слоев населения и в том числе широко было представлено членами императорской фамилии. Например, великая княгиня Елена Павловна основала Крестовоздвиженскую общину, великая княгиня Елизавета Федоровна создала и управляла Марфо-Мариинской обителью милосердия, сестра Николая II в 1914 г. ушла на фронт сестрой милосердия. Высочайший пример милосердия показывали супруга и дочери царя. Александра Федоровна и великие княжны прошли курс сестер милосердия военного времени и поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при дворцовом госпитале. При этом их рабо-

Елизавета Федоровна, основательница Марфо-Мариинской обители милосердия

та ничем не отличалась от деятельности рядовых сестер. Они выполняли перевязки, подавали хирургам инструменты при операциях, лечили гноящиеся раны, меняли постельное белье у лежачих больных [7].

Александра Федоровна, супруга Николая II, обрабатывает рану

В целом царская семья внесла огромный вклад в дело движения сестер милосердия. С самого начала войны императрица Александра Федоровна организовала особый эвакуационный пункт, куда входило 85 лазаретов для раненых воинов в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Саблине и других местах. Многие из лазаретов были сооружены на собственные средства императрицы [7]. Также она организовывала санитарные поезда для перевозки раненых с мест военных действий. Ею же в Екатерининском дворце был открыт склад, снабжавший армию бельем и перевязочными материалами.

Для помощи мирному населению император учредил Верховный Совет под председательством Александры Федоровны, а его дочери возглавили Комитет помощи солдатским семьям (Ольга) и Беженский комитет (Татьяна).

Младшие сестры не работали в госпитале постоянно, но по-своему приносили пользу выздоравливающим солдатам, играли и беседовали с ними [4]. Для духовного утешения тяжелораненых императрицей была организована передвижная походная церковь, а выздоравливающим предоставлена пещерная Цареконстантиновская (церковь дворцового госпиталя) [8].

На территории Приднестровья в период Первой мировой войны также действовали отряды сестер милосердия. Свою деятельность они осуществляли в лазаретах Бендер, Тирасполя, Каменки. В Каменке военный госпиталь был развернут потомками князя П.Х. Витгенштейна. Не менее значимый госпиталь действовал в Тирасполе на базе женской гимназии [5, с. 132]. После вступления Тирасполя в Союз городов для оказания помощи больным и раненым воинам в 1914 г., когда Приднестровье стало ближайшей

тыловой зоной [5, с. 132], движение сестер милосердия получило широкое распространение на левобережье Днестра.

Известно, что представительницам слабого пола Георгиевских наград не давали. По этой причине женщины, награжденные Георгиевским крестом, как правило, воевали под мужскими фамилиями. Например, сестра милосердия З.Ф. Смирнова удостоена Георгиевского креста 4-й степени как унтер-офицер Евгений Макаров. За самоотверженную помощь раненым орденом св. Георгия 4-й степени была награждена сестра милосердия Крестовоздвиженской общины А.Е. Гиренкова, а также сестра милосердия Р.М. Иванова, остановившая отступление солдат и поднявшая их в атаку [1, с. 94].

Таким образом, во время Первой мировой войны деятельность сестер милосердия приобрела огромный размах. Этому способствовали широкие социальные и культурные тенденции того времени: присоединение России к конвенциям Международного общества Красного Креста, развитие женского образования и начало более активного участия женщин в общественной жизни. Вместе с тем, в годы Первой мировой войны сестры милосердия стали примером мужества и патриотизма как для солдат, так и для общественности военных лет, способствовали поднятию воинского духа русских воинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Ю.Н. Прекраснейшие из храбрых // Военно-исторический журнал. 1994. № 3.

2. История Российского Красного Креста. Режим доступа: http://www.spbredcross.org/about/history_ru

3. Козловцева Е.Н. Деятельность московских общин сестер милосердия во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ПСЕГУ. 2004. № 3.

4. Образцова Л. Августейшие сестры милосердия // Голос Рамони. 2008. 12 марта. Режим доступа: http://istram.ucoz.ru

5. Паламарь А. Приднестровье: история в иллюстрациях. Бендеры, 2010.

6. Пастернак А. Очерки по истории общин сестер милосердия. Режим доступа: http://usefulnurse.ucos.ru/

7. Последняя царская семья. Режим доступа: http://romanove.beon.ru/9993-072-sestry-miloserdija.zhtml

8. Сестры милосердия. Режим доступа: http://romanove.beon.ru/9993-072-sestry-miloserdija.zhtml

9. Яфасова Д. Истоки сестринского дела в России. Режим доступа: http://www.sygeplejersken.dk/nh/manuel/CHARTER7.htm

Раздел III.

АННЕКСИЯ БЕССАРАБИИ И НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

УДК 94(478+498) “1917/1918”

П.М. ШОРНИКОВ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

ПОДГОТОВКА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РУМЫНИИ АННЕКСИИ БЕССАРАБИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена характеристике предыстории аннексии Бессарабии королевской Румынией в 1917 – начале 1918 гг. Раскрыта деятельность Молдавской национальной партии, Молдавской прогрессивной партии, Сфатул Цэрий, румынской резидентуры по подготовке вооруженной интервенции румынских войск в Бессарабскую губернию и дальнейшей ее аннексии королевской Румынией.

Ключевые слова: Молдавская национальная партия, Молдавская прогрессивная партия, Сфатул Цэрий, аннексия, Румыния.

Распространенным методологическим пороком современной историографии Молдавии является рассмотрение событий переломных 1917-1918 гг. вне исторического контекста, как обусловленных только внутренними социально-экономическими причинами. Между тем, в научном обороте находится достаточное количество источников, свидетельствующих об активном вмешательстве в политическую борьбу, развернувшуюся в Бессарабии после падения царской власти, королевского правительства Румынии. Иностранное влияние на ход событий заслуживает специального рассмотрения.

У политического класса Румынского королевства уже в конце XIX в. имелись территориальные претензии к соседним странам, в том числе к России. В первые годы XX в. секретная служба Бухареста пыталась инициировать среди молдаван, составлявших

половину населения Бессарабии, движение за ее присоединение к Румынии. Накануне и в период революции 1905–1907 гг. центральную роль в подрывной операции сыграл молдаванин-эмигрант, писатель Константин Стере. Ему удалось привлечь к прорумынской «национально-культурной» деятельности нескольких лиц и выпустить шесть номеров газеты «Басарабия», в которой он огласил идею автономизации области.

В период Первой мировой войны на страницах финансируемой из Румынии кишиневской газеты «Кувынт молдовеническ» публиковались явно антироссийские материалы [12, с. 202–215; 13, с. 28–44]. Однако молдавское национально-культурное движение стояло на позициях российского патриотизма, а его деятели, подобно поэту и историку Алексею Матеевичу, с начала войны находились в действующей армии.

Алексей Матеевич,
военный священник
Русской императорской армии

Губерния являлась тылом войск русского Юго-Западного фронта. Значительная часть мужского населения была призвана в армию. Общая численность мобилизованных в 1914–1917 гг. достигла 256 тыс. человек, 10,4% всего населения губернии. Участвуя в боевых действиях, уроженцы Бессарабии проявляли храбрость и мужество, преданность Российскому государству; дезертиров было немного [6, с. 105; 2, с. 286–289]. Массовый характер носили также трудовые мобилизации.

Население оставалось лояльным существующей власти. В политическом обзоре за октябрь 1915 – февраль 1916 гг., составленном губернским жандармским управлением, отмечено: «*...ввиду постройки в северной части губернии целого ряда укреплений военным начальством требуется значительное количество в несколько десятков тысяч рабочих и тысячи подвод со всей территории губернии. Не было случая отклонения от исполнения сего или сопротивления при нарядах и отправлении этой массы, часто следующей на места работы по железной дороге в полном порядке и почти без надзора. Плохая организация этого дела на месте работы, когда тысячи людей по два-три дня ждут нарядов под открытым небом,*

в степи, вызывает лишь пассивный протест путем бегства на место жительства, но, возвращаемые полицией обратно, беглецы безропотно являются на места работы даже одиночным порядком» [6, с. 105–107].

Военные нужды стимулировали подъем ряда отраслей промышленности. Было проложено до 400 верст железнодорожных линий, общая протяженность железнодорожных путей удвоилась. Быстро развивался Бендерский железнодорожный узел. К лету 1917 г. Бендерский участок тяги располагал 253 паровозами, его паровозный парк почти равнялся Киевскому и Одесскому, вместе взятым. Большое развитие получила ремонтная база. В Килии и Бендерах были построены или реконструированы судоремонтные мастерские. В мастерских Килии работало 600 рабочих и солдат, а в Рени при мастерских возник целый рабочий поселок. Подъем переживали мукомольная промышленность, винокурение и переработка табака, кожевенное и обувное производства, деревообработка. Однако половина крупных предприятий закрылась из-за нехватки сырья и топлива [6, с. 103-104]. Социальная напряженность в губернии, как и в стране в целом, возрастала.

Угроза превращения Бессарабии в театр военных действий возникла осенью 1916 г., когда в войну на стороне Антанты вступила Румыния. Австро-венгерская армия, в июле-августе потерпевшая поражение на полях Галиции от русских войск под командованием генерала А.А. Брусилова, отыгралась на более слабом противнике. В течение 100 дней она разгромила румынскую армию, захватила Бухарест и большую часть Румынии [16, p. 296-297]. Бессарабию наводнили румынские беженцы. Спешно создав Румынский фронт, российское командование остановило наступление противника в Пруто-Карпатской Молдавии. На фронте продолжалась позиционная война, а королевское правительство обосновалось в Яссах и, опираясь на помощь России, приступило к воссозданию румынской армии. То обстоятельство, что русские войска спасли румынскую государственность, не помешало правящим кругам страны вспомнить о территориальных притязаниях к России. В феврале 1917 г., когда в России началась революция, королевское правительство вмешалось во внутренние дела союзного государства.

К этому времени 80% территории Румынии были оккупированы австро-германскими войсками, а румынская армия разгромлена. Королевское правительство всецело зависело от России. *«Если мы имеем кусок хлеба на столе,* – говорил премьер-министр Братиану, –

он идет к нам из России! Если есть у нас оружие, которым мы еще удерживаем фронт, – оно поступает к нам из России! Если есть еще в госпиталях для раненых какие-то медикаменты или пакет ваты – все они идут из России. К несчастью, мы сегодня живем из милости России!». Тем не менее уже в декабре 1916 г. по поручению премьера была проведена политическая рекогносцировка. Из Ясс выехал в Бессарабию участник румынского национального движения в Трансильвании Онисифор Гибу. *«Я не отправился в Бессарабию в качестве беженца,* – вспоминает он, – *а поехал с точно разработанным планом... Нельзя было заниматься национальной политикой в Бессарабии,* – пишет далее мемуарист, – *без директив тех, кто отвечает за саму судьбу нации»*. Перед отъездом в Бессарабию О. Гибу принимали в Яссах премьер-министр И. Братиану, начальник генштаба румынской армии генерал К. Презан, министры Т. Ионеску, О. Гога, Н. Иорга и др.

О. Гибу, секретарь для заседаний Молдавской национальной партии

К моменту падения царской власти молдавских националистических организаций с фиксированным членством и политической программой в Бессарабии не существовало. Отсутствовали и сепаратистские тенденции. *«Революция,* – признал в 1930-е гг. историк Шт. Чобану, – *застала бессарабских молдаван еще менее подготовленными к ней, чем другие народы России»*. *«Молдавский народ,* – отметил другой деятель того времени, Г. Пынтя, – *не был готов к этим великим переменам и национальным реформам»* [4, с. 9]. Крестьянство Бессарабии стремилось к переделу земли. Правительство Румынии попыталось использовать в своих интересах провозглашенный революцией лозунг права наций на самоопределение «вплоть до отделения». *«Великая русская революция, провозгласившая принцип права народов самим решать свою судьбу,* – полагал О. Гибу, – *логически вела к идее присоединения Бессарабии к румынскому стволу»* [14, p. 40-41]. Нарастающая в России революционная смута внушила правящим кругам Румынии уверенность в успехе операции по политической подготовке аннексии Бессарабии.

Вторично О. Гибу, отметим эту странность – подданный Австро-Венгрии, с которой Россия и Румыния вели войну, – прибыл в Кишинев 12 марта 1917 г., после свержения царя, в качестве «делегата» Министерства культов Румынии. 5 апреля при содействии редактора газеты «Кувынт молдовеняск» Пантелеймона Халиппы эмиссар собрал полтора десятка небезызвестных в городе лиц: отставного генерала Донича, помещиков П. Горе и В. Херцу (немца), юристов И. Пеливана, Т. Ионку, С. Мурафу, священнослужителей Гурия и К. Партение и др., по его словам, «бессарабских интеллигентов, думавших воспользоваться новой революцией» в личных целях, и объявил об учреждении Молдавской национальной партии (далее – МНП). Румынский резидент снабдил «молдавскую» партию проектом программы. Увязывая деятельность МНП с интересами текущей политики Румынии, он обязывал партию поддержать лозунг войны до победного конца. Другим лозунгом, подлежавшим продвижению, стал лозунг автономизации Бессарабии; в ее осуществлении румынская сторона усматривала прелюдию отделения области от России [14, p. 95, 111]. Обеспечивая румынскому правительству организационный контроль над МНП, ключевой пост «секретаря для заседаний» занял сам О. Гибу. Председателем МНП участники заседания заочно провозгласили уроженца Трансильвании помещика Василе Строеску, проживавшего в Одессе, старого и больного человека. Пост «генерального секретаря» МНП получил П. Халиппа. В ноябре 1917 г. румынский министр Г. Мырзеску квалифицировал Халиппу как «агента Стере», который выполнял задания румынской разведки. Другим агентом К. Стере была, по утверждению министра, активистка МНП Елена Алистар.

П. Халиппа, генеральный секретарь Молдавской национальной партии

«Команда МНП» была не единственной ставкой румынской спецслужбы. В марте 1917 г. в Петроград были вызваны с фронта несколько десятков солдат и офицеров-молдаван. После двухмесячной политической подготовки «Петроградская группа» (47 человек), руководимая преподавателем коммерческого училища, членом Петроградского Совета Иваном Инкульцом, а

также приват-доцентами Пантелеймоном Ерханом и Александром Болдуром, была направлена в Бессарабию с задачей «углублять революцию». За ее спиной, по утверждению Инкульца, стояли румынский посол в России К. Диаманди и сам глава Временного правительства А.Ф. Керенский [15, p. 9-10]. Если Ерхана и Болдура румынская спецслужба, похоже, использовала втемную, то Инкулец свою революционную карьеру, несомненно, делал по ее заданию. Иначе он не был бы спустя всего несколько месяцев включен в состав румынского правительства. В Севастополе, где проходили службу несколько тысяч солдат, матросов и офицеров-молдаван, не без влияния офицеров стоявших там румынских кораблей образовалась еще одна молдавская националистическая группа. И, наконец, в середине марта 1917 г. в Одессе, на курсах переводчиков при разведывательном отделе штаба военного округа, где обучались около 100 солдат-молдаван, был учрежден Организационный комитет Молдавской прогрессивной партии (далее – МПП) во главе с начальником курсов штабс-капитаном Эммануилом Кателе [4, с. 19, 52].

Э. Кателе, председатель Молдавского национального комитета

О. Гога, основатель Национального совета румынского объединения во Франции, румынский резидент в Бессарабии

Органы политического сыска были в России разгромлены, но военная контрразведка сохранилась и, несомненно, была в курсе румынских происков. Однако установившееся в России двоевластие гарантировало исполнителям подрывной работы безопасность, а сотрудничество с О. Гибу – легкий заработок. Деньги у резидента имелись. Октавиан Гога, прибыв по заданию генерального штаба румынской армии в Кишинев, передал ему огром-

ную сумму в 20 тыс. руб. Кроме того, деньги поступали через В. Строеску. На эти средства О. Гибу учредил ряд печатных органов. Центральным органом МНП стала выходившая с 1915 г. газета «Кувынт молдовенеск». При посредстве группы румынских беженцев Гибу учредил в Кишиневе «панрумынский» еженедельник «Ардялул» и журнал «Школа молдовеняскэ», а для распространения в русских войсках – газету «Солдатул молдован». В Киеве был налажен выпуск газеты «Ромыния Маре», а в Одессе – двух газет: для солдат-молдаван – «Депеша», для румынских беженцев – «Лупта». Вся эта пресса пыталась направить критику царского режима в антирусское русло, пропагандировала латинскую графику, а главное, формировала актив, ориентированный на Румынию. На проходивших весной и летом 1917 г. в Кишиневе съездах, конференциях, собраниях, а также в печати члены «команды МНП» пропагандировали лишь идею автономии Бессарабии. На учительском съезде 10 апреля 1917 г. учитель И. Буздыга (впоследствии – Буздуган) озвучил доклад, написанный О. Гибу и выдержанный в антирусском духе. Подобным образом выступил на съезде и П. Халиппа. Однако отклика среди учителей их тезисы не нашли.

На съезде молдавских учителей 25–28 мая румынский резидент устами того же Буздыги поставил вопрос о переводе молдавской письменности на латинскую графику. Несмотря на поддержку Халиппы и других членов МНП, предложение было встречено протестами. Против этой идеи высказались и участники курсов повышения квалификации учителей. И только Молдавская школьная комиссия при губернском земстве, состоявшая из членов МНП, проголосовала за латинскую графику. Из активистов МНП Гибу учредил «Ассоциацию бессарабских учителей» и – практически из тех же лиц – «Общество за культуру румын в Бессарабии». С целью привития учителям-молдаванам румынского национального сознания он от имени «Ассоциации» организовал в Кишиневе курсы румынского языка. Из их участников преподаватели-румыны и сам резидент вербовали подручных. «Обществу» резидент передал доставленную из Румынии типографию с латинским шрифтом, и подручные резидента начали печатать латиницей учебники для молдавских школ. Однако учительство не приняло смены графики. В 1917-1918 учебном году обучение письму и преподавание в молдавских школах велось на кириллице.

Опасаясь отрыва Бессарабии от России, молдавское крестьянство отвергало идею автономизации края. *«Самым мощным их оружием,* – сообщали о своих противниках – молдавских патриотах эмиссары

МНП в Бельцком уезде, – *является убеждение крестьян, что мы (молдавская партия) куплены боярами и желаем вновь навязать им [крестьянам] королей или присоединить Бессарабию к Румынии»*. Крестьяне-молдаване срывали принятие выдвигаемых членами МНП предложений автономистского толка и добивались принятия антиавтономистских резолюций. На съезде аграриев в Оргееве крестьяне произносили *«речи о недоверии к Молдавской национальной партии, отказывались от автономии, видя в ней желание отделиться от России»*. В пределах Российской демократической республики, записано в резолюции крестьянского съезда в Бельцах, Бессарабии не нужно никакой автономии. *«Молдавское население,* – говорилось в телеграмме, направленной Временному правительству крестьянами села Устье Криулянской волости, – *считает гибельным для Бессарабии выделение ее в особую политическую единицу, признавая, что только полное слияние Бессарабии с демократически управляемой великой Россией поможет процветанию нашего края и всего его населения, без различия национальностей»* [1, с. 43]. Политический эффект деятельности МНП, как вскоре показали выборы в Учредительное собрание, был близок к нулю.

Результативнее действовали члены «Петроградской группы», политически более подготовленные, чем провинциалы из «команды МНП». Выступая с позиций интернационализма и российского патриотизма, поддерживая требования крестьянства, Ерхан, Инкулец и некоторые из их спутников уже летом 1917 г. стали играть ведущие роли в губернском исполнительном комитете, исполкоме Совета крестьянских депутатов Бессарабии, в губернском земстве и других организациях. Казалось, они захватили руководство молдавским национальным движением. Но связывать свою политическую судьбу с вопросом об автономизации Бессарабии они не желали. Сдвиг в общественном мнении по этому вопросу произошел под влиянием Киева. 10 июня 1917 г. Центральная Рада приняла декларацию об автономии Украины. 6 июля Рада потребовала включения в состав Украины Бессарабской губернии. Прекрасно уживаясь с русинами и малороссами, молдаване и другие национальные сообщества Бессарабии не желали оказаться под властью украинских националистов. Кишиневский Совет рабочих и солдатских депутатов, Советы крестьянских депутатов, губернский исполнительный комитет, земские организации, бессарабские организации кадетов, трудовой народно-социалистической партии, МНП, молдавские организации в армии и представители общественных организаций национальных

меньшинств, даже лица, выступавшие от имени местных украинцев, осудили притязания Рады на Бессарабию [4, с. 93, 110]. Спасением от диктата Рады представлялась автономизация Бессарабии.

В июле 1917 г., после провала «наступления Керенского» в районе Луцка, австро-венгерские войска заняли Черновцы. Угроза оккупации нависла над севером Бессарабии. Однако в сражении при селе Мэрэшть в Южной Буковине войска 4-й русской и 2-й румынской армий, предприняв контрнаступление, добились тактического успеха и сорвали подготовленное к этому времени наступление противника. В августе в боях, вошедших в румынскую историю как сражение при Мэрэшешть, румынские и русские войска отразили наступление 12 германских и австро-венгерских дивизий. Попытка противника завершить оккупацию Румынии и вывести королевство из войны была сорвана [16, р. 300]. В конце августа–сентябре 1917 г. на Румынском фронте продолжались кровопролитные бои, тем не менее стойкость, проявленная румынами под Мэрэшть и Мэрэшешть, показала, что румынская армия обрела боеспособность. Осознание этого обстоятельства побудило королевское правительство к активизации операции в Бессарабии.

В ее проведении были задействованы пять министерств и Генеральный штаб румынской армии. «Пятую колонну» Румынии в Бессарабии составляли в основном не молдаване, а румыны. К августу 1917 г. от имени МНП идеологию румынизма насаждали в Бессарабии более 800 беженцев из Румынии – учителей, священников и других интеллигентов, в основном трансильванцы. Они сознавали, что участвуют в заговоре. *«Я уже давно нахожусь в Бессарабии, вместе с другими, местными, мы готовим важные события, которые произойдут в ближайшем будущем»*, – сообщал своему другу в Румынию профессор Мургоч. *«Ардяльские интеллигенты,* – подчеркнул Гибу в своих воспоминаниях, – *выступили инициаторами и участниками движения за отделение Бессарабии от*

К. Арджетояну,
министр юстиции Румынии

России и ее объединение с Румынией». Это было не только его мнение. Трансильванцы, отмечал в 1918 г. румынский министр Константин Арджетояну, были единственными сеятелями румынизма в Бессарабии [14, с. 247, 588].

Действительно, антироссийский сепаратизм в Бессарабии отсутствовал. В ходе общественной дискуссии, спровоцированной конфликтом с Киевом, в обществе было достигнуто согласие о создании автономии; о решении этого вопроса без плебисцита, по согласию «авторитетных общественных групп»; о представительстве в ее законодательном собрании всех национальных сообществ Бессарабии. Продолжались споры по вопросу о форме автономии, пределах компетенции ее органов и т.п. Однако автономистское движение все же не приобрело характера движения народного. Даже бессарабские приверженцы «свободного устройства наций» полагали, что «движение к автономии носит в Бессарабии интеллигентский характер, что молдаване в массе своей чужды ему». В дни наступления австро-германских войск на Румынском фронте, начатого в июле 1917 г., молдавские военные организации обратились к солдатам и офицерам-молдаванам с призывом не слушать тех, кто разлагает армию, стойко защищать Свободную Россию и Бессарабию [4, с. 128]. Таким образом, общественное согласие на автономизацию губернии не означало принятия курса на отрыв губернии от России.

Осенью 1917 г. в России развернулось крестьянское движение. В Бессарабии крестьяне вопреки протестам и угрозам властей, призывам МНП и других партий и организаций также громили имения помещиков, делили помещичью землю и собственность; чтобы предотвратить возвращение владельцев, сжигали жилые и хозяйственные постройки. Под предлогом необходимости пресечь анархию Временное правительство приступило к формированию национальных воинских частей – латышских, польских, украинских, молдавских и др. Эта мера создавала для целостности страны гораздо большую угрозу, чем подрывная работа противника и «союзников». Поскольку личный состав таких частей получал возможность неопределенно долгое время избегать участия в боевых действиях, отзыв «национальных» солдат и офицеров с фронта разжигал в армии национальный антагонизм, ускорял ее разложение. В съезде, состоявшемся в Кишиневе 20–27 октября 1917 г. с согласия А.Ф. Керенского и при содействии начальника штаба Румынского фронта генерала Д.Г. Щербачева, приняли участие около 600 солдат и офицеров-молдаван. Они поддержали требования о «национализации»

армии и «автономизации» Бессарабии, а также решение об образовании Краевого Совета (Сфатул Цэрий), приняли резолюцию о признании федерации единственно приемлемой формой государственного устройства России. Кишиневский съезд был звеном общероссийской операции по развалу армии и государства. В те же дни с подобной повесткой дня в Киеве был проведен Всероссийский военно-украинский съезд, принявший сходные решения [14, p. 417–419].

25 октября власть в Петрограде взяли большевики. Одним из первых они приняли декрет «О праве наций на самоопределение». Препятствий воссозданию молдавской государственности не предвиделось. Стремясь расставить в ее руководстве своих людей, румынская агентура законспирировала работу по выполнению решений военно-молдавского съезда, поручив эту работу комиссии в составе И. Инкульца, П. Ерхана, П. Халиппы и двоих политически малоопытных военных. Однако и в этом составе комиссия не принимала мер по сепарации Бессарабии. Учредительный съезд Сфатул Цэрий был назначен на 21 ноября 1917 г. по инициативе О. Гибу. Извещение об этом было опубликовано только в органе трансильванских беженцев газете «Ардялул». 20 ноября резидент провел в комиссии решение о том, что к избранию председателем Сфатул Цэрий будет рекомендован член «команды МНП» И.В. Пеливан, шовинист и русофоб. *«Я ушел с заседания,* – признал О. Гибу в мемуарах, – *будучи доволен тем, что Сфатул Цэрий будет иметь соответствующего председателя»*. Однако после его ухода пришли представители национальных меньшинств и запротестовали. Деятели «Петроградской группы» охотно пересмотрели принятое решение. На первом же заседании Краевого Совета по предложению П.В. Ерхана председателем Сфатул Цэрий был избран И.К. Инкулец [14, p. 436]. Члены Краевого Совета, представлявшие 29 общественных организаций, предпочли члена Петроградского Совета. «Генерального секретаря» МНП П. Халиппу избрали всего лишь вице-председателем Сфатул Цэрий. Вероятно, О. Гибу был не главным закулисным дирижером подрывной операции.

И. Инкулец,
председатель Сфатул Цэрий

28 ноября Сфатул Цэрий объявил себя «верховной властью в Бессарабии до созыва Бессарабского народного собрания». Его исполнительным органом стал Совет генеральных директоров. Таким образом, к концу ноября 1917 г. Бессарабия располагала законодательным собранием (Сфатул Цэрий), правительством (Совет генеральных директоров), вооруженными силами (молдавские полки). 13–15 ноября в Бессарабии, как и во всей России, состоялись выборы в Учредительное собрание. Набрав всего 2,2% голосов, МНП не смогла провести в Учредительное собрание ни одного своего кандидата. Однако по списку Совета крестьянских депутатов мандаты завоевали молдаване И.К. Инкулец, П.В. Ерхан, Т.В. Которос, В.М. Рудьев и, возможно, Ф.П. Кожухарь [3, с. 51-52]. Для Халиппы и других деятелей МНП единственный шанс удержаться на политической арене заключался в образовании молдавской государственности. 2 декабря Сфатул Цэрий провозгласил создание Молдавской Народной Республики (далее – МНР) в составе федеративной России. По предложению И.К. Инкульца ее правительство возглавил П.В. Ерхан. Таким образом, власть оказалась в руках лиц, направленных в Бессарабию при участии А.Ф. Керенского. Однако Временное правительство уже было свергнуто, а главное, у И. Инкульца имелись и другие хозяева, в Яссах. По этой причине политический инструмент в его лице обрело правительство Румынии.

Стремясь рассорить молдаван с украинцами и создать рычаг давления на Киев, румынская агентура предъявила от имени Сфатул Цэрий территориальные претензии Украине. В составе Краевого Совета для «заднестровских» молдаван были зарезервированы 10 мест. 17 декабря 1917 г. О. Гибу, П. Халиппа и еще двое активистов МНП выехали в Тирасполь и вместе с несколькими военными и учителями, прошедшими в июне-июле в Кишиневе курсы «языковой» и политической переподготовки, инсценировали съезд «заднестровских» молдаван. Участвовали примерно 50 человек: крестьяне из ближних сел, 15 солдат-трансильванцев, несколько интеллигентов. Проект резолюции, составленный О. Гибу, включал требования об обеспечении школьного обучения, богослужения, судопроизводства и медицинского обслуживания на молдавском языке. Резидент подсказал участникам «съезда» также пункт о переводе молдавской письменности на латинскую (не румынскую!) графику [14, p. 467–485].

Правительство большевиков пыталось вывести Россию из войны, а в Яссах зрело решение спасти румынскую монархию путем капитуляции; 26 ноября 1917 г. румынское правительство заключило

Д.Г. Щербачев, генерал, помощник командующего армиями Румынского фронта

в Фокшанах перемирие со странами германского блока. Представители Франции и Англии, взявших курс на разжигание гражданской войны в России, поддержали намерение королевского двора удалить русские войска, сражавшиеся на Румынском фронте. Выступление Румынии против русских войск, напомнил на Парижской мирной конференции 1 февраля 1919 г. Ион Братиану, было предпринято *«по предложению правительств Антанты, в письменной форме заявивших, что эта операция будет последним военным сотрудничеством, которое мы вправе ожидать от Румынии...»*. Генерал Д.Г. Щербачев возглавил заговор. 3-4 декабря 1917 г., когда большевики объявили о признании фронтом власти Совета народных комиссаров, Щербачев арестовал некоторых членов Военно-революционного комитета Румынского фронта. При содействии румынских войск Щербачеву удалось разгромить на фронте большевиков. Лишенные снабжения, преданные союзниками и собственным командованием, русские солдаты начали массами покидать окопы. 7 декабря, захватив бессарабское местечко Леово, румынские войска расстреляли Ивана Нестрата и еще четверых членов местного Совета [8, с. 279; 10, с. 29]. Тем самым Румыния первой из 14 государств начала интервенцию против России.

По вопросу о том, как обойтись с самой Румынией, согласия между Веной и Берлином не было. Австрийцы намеревались раздробить страну, но командующий германскими войсками в Румынии генерал А. фон Макензен полагал необходимым румынское государство сохранить, а чтобы окончательно рассорить румын с русскими – передать Румынии Бессарабию. 11 декабря 1917 г. до сведения румынского правительства в Яссах были доведены «рекомендации» Макензена: *«Сохраните армию и, если можете, оккупируйте Бессарабию!»*. 26 декабря 1917 г. немцы и румынские коллаборационисты в Бухаресте «отредактировали проекты оккупации Бессарабии». Таким образом, вопрос об оккупации был решен в

оккупированной врагом столице Румынии [8, с. 278]. Румынской агентуре в Кишиневе оставалось обеспечить агрессии пропагандистское прикрытие. Однако даже выполнение этой вспомогательной задачи встретило непреодолимые трудности.

19 декабря 1917 г., когда в Сфатул Цэрий был поставлен вопрос о «приглашении» в Молдавскую республику румынских войск с целью «пресечения анархии», разразился скандал. В Совете директоров, правительстве Молдавской республики, дело доходило чуть «не до бросания чернильниц друг в друга». На молдавские полки, находившиеся в стадии формирования, «пятая колонна» не рассчитывала, их солдаты были настроены патриотически и поддерживали социальные требования крестьянства. *«На молдавские части, которые мы имеем,* – признал П.В. Ерхан, – *мы не можем полагаться, они большевизированы». «Молдавская армия,* – доложил в конце декабря 1917 г. в Яссы О. Гибу, – *более не может противостоять анархии».* Видимо, по совету лиц, связанных с Румынией, Ерхан попросил румынское правительство перебросить в Кишинев полк, сформированный к этому времени в Киеве из военнопленных – подданных Австро-Венгрии. Однако текст секретной телеграммы попал в газеты. В народе вспыхнула ненависть к Сфатул Цэрий. Члены правительства МНР – представители Молдавского блока подали в отставку. Инкульцу пришлось выступить с публичным заверением, что *«большинство членов Сфатул Цэрий стоят за единство с Российской федеративной республикой»*, а *«свои взгляды за Прут направляет только кучка людей».* Надеемся, заверял румынский агент, *«что Сфатул Цэрий удастся защитить Бессарабию от поползновений со стороны Румынии».* Кризис был преодолен с помощью «демократов» – меньшевиков, бундовцев, эсеров.

Однако в ночь на 1 января 1918 г. власть в Кишиневе взяли большевики. В тот же день румынское правительство приняло решение о вводе своих войск в Бессарабию. Роль ударной силы переворота была отведена трансильванскому полку. Было принято решение о переброске из Киева на ближайшую к Кишиневу железнодорожную станцию румынского полка численностью в 1 тыс. солдат и офицеров. Это были уроженцы Трансильвании, яростные румынские националисты. Они имели фронтовой опыт и сохраняли дисциплину. Резиденту генерал Презан поручил политическое руководство действиями полка: *«Даем Вам, господин Гибу, трансильванских волонтеров, используйте их, как сочтете нужным».* В ночь с 5 на 6 января 1918 г. эшелон с трансильванцами прибыл в Кишинев, якобы *«не*

для того, чтобы оккупировать его в политическом смысле, а чтобы восстановить порядок». Однако революционные власти Кишинева получили сведения о продвижении полка по железной дороге и его задачах. На объединенном заседании Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов, Центрального молдавского военного исполнительного комитета, губернского исполкома Совета крестьянских депутатов, проходившем под председательством Т.В. Котороса, была принята резолюция: «*Принимая во внимание интересы революции, родного края и его трудовых масс, мы категорически протестуем против ввода в пределы края чужеземных войск...»*. Далее содержалось решение об «установлении немедленной связи» с правительством В.И. Ленина, т.е. о признании Советской власти [7]. У станции Гидигич к северу от Кишинева эшелон трансильванцев встретили подразделения 1-го Молдавского и 5-го Заамурского кавалерийского полков. После короткой перестрелки несостоявшиеся каратели сложили оружие. Переворот был сорван.

Однако революционные силы Бессарабии не располагали ни армией, ни временем, необходимым для ее формирования. Анархия, наступившая после переворота Щербачева в русских войсках Румынского фронта, не позволяла привлечь их к обороне Бессарабии. Центральная Рада нарушила связь Бессарабии с Центральной Россией. 13 января румынские части с боями заняли Кишинев. Оккупацию не приняли не только крестьяне и рабочие, но и буржуазные круги. Сфатул Цэрий, собравшись ночью на экстренное заседание, постановил не участвовать в торжественной встрече интервентов. 14 января «от имени Бессарабии» командующего румынских войск генерала Э. Броштяну приветствовал только О. Гибу, румынский резидент и подданный Австро-Венгрии. Революционные силы Бессарабии организовали вооруженное сопротивление румынским войскам в районе Бельц, под Бендерами, на юге Бессарабии. Бои с интервентами продолжались около двух месяцев [10, с. 29–33; 17, p. 222]. Террор и грабеж, проводимые румынской армией и полицией в оккупиро-

Э. Броштяну, командующий 11-й пехотной дивизией румынской армии

ванной Бессарабии, уничтожили в народе любые иллюзии о возможности цивилизованных отношений с властями Румынии [5; 9].

Население Бессарабии не смирилось с ее аннексией румынским государством. Как заключил позднее О. Гибу, насильственное, идеологически не подготовленное «объединение», осуществленное вопреки воле молдаван (русских, украинцев, евреев, болгар, гагаузов, составлявших половину населения Бессарабии, он вообще не брал в расчет), вызвало отчуждение между ними и румынами. Способ, каким было осуществлено «объединение», «форсировал события, которые, будь они предоставлены своему естественному ходу, имели бы лучшее окончание...». Того же мнения придерживался и участник интервенции генерал Михаил Скина. Ввод румынских войск, признавал и бывший премьер-министр Румынии Константин Арджетояну, покончил с надеждами бессарабского крестьянства, связанными с русской революцией, и крестьяне не простили румынам этого [11, с. 73–79]. Таким образом, операция по политической подготовке захвата Бессарабии Румынией, проведенная королевским правительством против союзной России в годы войны, провалилась.

Сам факт проведения этой операции в разгар Первой мировой войны свидетельствует о безответственности и авантюризме правящих кругов Румынии, наглядно характеризует их политическую безнравственность. Однако то обстоятельство, что одну из центральных ролей в ее осуществлении сыграл подданный Австро-Венгрии О. Гибу, а кадры румынской «пятой колонны» составили уроженцы Трансильвании, наводит на мысль о том, что в действительности ее инициировала австрийская секретная служба. Втягивание румынского правительства в подрывную работу в Бессарабии должно было привести к столкновению Румынии с Россией. Неужели О. Гибу, О. Гога, Таке Ионеску и другие румынские деятели, причастные к Бессарабской операции, не понимали ее провокационного не только антироссийского, но потенциально и антирумынского смысла? Считать их глупцами оснований нет. Потерпев провал в качестве миссионера румынизма, Гибу успешно сыграл свою роль в подготовке конфликта между Румынией и Россией. Вероятно, только капитуляция королевского правительства в конце 1917 г. помешала австрийской разведке разоблачить его происки в Бессарабии и спровоцировать российско-румынский конфликт. В конце 1917 г. Румыния была выведена из войны и до поражения Германии и Австро-Венгрии превратилась в их колонию. После окончания Первой мировой войны Франция и Англия постарались закрепить

Бессарабию, коварный дар Берлина, в составе Румынии и обрели мощный рычаг давления на ее правительство. По вине Бухареста расчет А. фон Макензена оправдался: с момента вторжения румынских войск в Бессарабию Бессарабский вопрос более двух десятилетий отравлял отношения между Румынией и Россией/СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есауленко А.С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма. Кишинев, 1977.

2. История и культура гагаузов. Очерки. Комрат–Кишинэу, 2006.

3. Левит И. Молдавская республика. Ноябрь 1917 – ноябрь 1918. Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской республики до ликвидации автономии Бессарабии. Кишинев, 2000.

4. Левит И.Э. Движение за автономию Молдавской республики. 1917. Кишинев, 1997.

5. Лунгу В. Политика террора и грабежа в Бессарабии. Кишинев, 1979.

6. Репида Л.Е. Суверенная Молдова. История и современность. Кишинев, 2008.

7. Свободная Бессарабия. 1917. 29 декабря.

8. Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.

9. Фьодоров Г.К. Режим де репрессий сынжероасе (Ку привире ла политика репресивэ дусэ де Ромыния регалэ ын Басарабия ын аний 1918–1940). Кишинэу, 1973.

10. Шорников П. Бессарабский фронт. Кишинев, 2010.

11. Шорников П. Трансильванская колонна, или Секретная миссия Онисифора Гибу // Мысль. 2000. № 1.

12. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

13. Шорников П.М. Секретная миссия Константина Стере // Вестник Славянского университета. 2003. Вып. 8.

14. Ghibu O. Pe baricadele vieţii: On Basarabia revoluţionară. (1917-1918). Amintiri. Chişinău, 1992.

15. Inculeţ I. O revoluţie trăită. Chişinău, 1994.

16. Istoria Romaniei on date. Chişinău, 1992.

17. Levit I. An de răspontie: de la proclamarea Republicii Moldoveneşti pînă la desfiinţarea autonomiei Basarabiei (noiembrie 1917 – noiembrie 1919). Chişinău, 2003.

УДК [271.2:94](478) “1918/1919”

В.А. СОДОЛЬ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

ОККУПАЦИЯ БЕССАРАБИИ КОРОЛЕВСКОЙ РУМЫНИЕЙ И ПОЗИЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА КРАЯ (1918-1919 ГОДЫ)

Аннотация: Статья посвящена освещению реакции православного духовенства Бессарабии на аннексию края Румынией. Выделено несколько моделей поведения священнослужителей РПЦ на начальном этапе оккупации Бессарабии. Охарактеризованы действия румынской оккупационной администрации по отторжению православной церкви Бессарабии от Русской православной церкви и попытки церковного руководства края противостоять им. Освещены действия бессарабских священнослужителей по противодействию мероприятиям оккупационной администрации – от пассивного сопротивления до руководства антирумынским восстанием.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Румынская православная церковь, Кишиневская епархия, Хотинское восстание, аннексия, Комитет освобождения Бессарабии.

Отношение православного духовенства к румынской оккупации Бессарабии на ее начальном этапе до сих пор остается одной из малоисследованных страниц нашей истории. Если в последние годы появились работы П.М. Шорникова [29; 30; 31] и протоиерея Николая Флоринского [27], проясняющие суть внутрицерковных процессов в Бессарабии в течение 22 лет оккупации, то специальных работ, раскрывающих позицию местного духовенства по отношению к румынским агрессорам в 1918-1919 гг., пока не появилось. Обходят молчанием интересующие нас проблемы и авторы работ, посвященных антирумынским восстаниям 1918-1919 гг. Одной из причин такого положения дел нам видится крайне ограниченная база источников, введенных в научный оборот. Сборники документов, посвященные истории борьбы населения нашего края с румынскими и иными интервентами, опубликованные в советское время, содержат крайне незначительное число источников, освещающих отношение православного духовенства к румынским оккупантам. Причины такого положения дел видятся, во-первых, в том, что Румыния во время

составления этих сборников входила в блок европейских социалистических государств и являлась союзником Советского Союза; во-вторых, даже немногие опубликованные документы свидетельствуют, что духовенство Бессарабии выступало против румынских захватчиков, а значит, пропагандистский тезис о союзе бессарабских помещиков, реакционного духовенства и румынского боярства не мог быть подтвержден документально. В свою очередь, издававшиеся в период 1918–1940 гг. бессарабские газеты и журналы также обходят своим вниманием антирумынские восстания, поскольку они не вписывались в концепцию «всеобщего одобрения» населением Бессарабии присоединения края к Румынскому королевству.

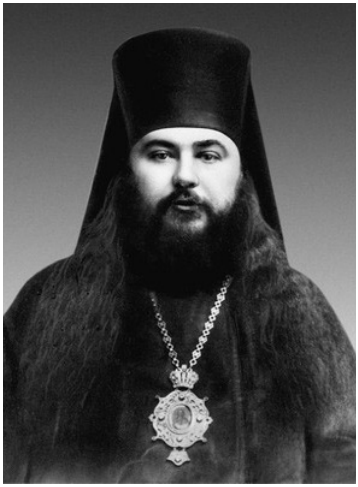
Настоящая статья не ставит своей целью подробно раскрыть позицию и деятельность духовенства края по отношению к оккупантам, скорее, она представляет собой попытку обозначить ряд вопросов, требующих более детального изучения.

Уже в первые недели румынской оккупации края бессарабское православное духовенство оказалось разделено на противников и сторонников оккупации. Своеобразное «освящение» вторжения румынских частей в Пруто-Днестровское междуречье уже в январе 1918 г. состоялось со страниц официальной газеты «Голос Бессарабской церкви»: *«Твердо верим, что бог управляет судьбою отдельных народов и государств; и не без воли божьей Бессарабия восприяла право на самостоятельное бытие и национальное самоопределение. ... Невозможность борьбы собственными силами с ужасами гражданской войны, перенесенной из глубины России в мирную доселе Бессарабию, заставила правительство Молдавской республики пригласить ... войска союзной и дружественной единомышленной нам Румынии...»* [13, с. 35]. 18 февраля со словами благодарности «за мир и тихую жизнь, которую принесли румыны и которые несут службу для пользы нашей республики и Церкви» в адрес генерала Броштяну обратились члены Комиссии по подготовке Бессарабского церковного собора [5, п. 79]. Газета «Голос революции» сообщала, что в некоторых местах, занятых румынами, духовенство выдавало политических деятелей [25, с. 36]. В частности, на сторону оккупантов стал священник церкви св. Архангела Михаила с. Киркаешты протоиерей Феодор Иванов [1, p. 205]. Одной из наиболее вероятных причин подобных действий бессарабского духовенства нам видится учащение земельных захватов крестьянами зимой 1917–1918 гг. Как отмечал в своей работе И.Э. Левит, *«крестьяне захватывали помещичьи, монастырские и церковные земли и лесные угодья, отнимали и делили между собой*

скот и сельскохозяйственный инвентарь, увозили из хранилищ зерно и другие продовольственные запасы, разбирали даже предметы домашнего обихода» [17, с. 162]. В частности, в Оргеевском уезде крестьяне заняли участки монастырской земли в районе с. Киперчены, в Кишиневском уезде захватили и разделили между собой церковные земли жители сс. Слободзея, Буда, Пыржолтены, Городище. В Сорокском уезде так же повели себя жители села Унгры. Имели место захваты земельных участков в районах Сорокской, Лозовской и Реденской лесных дач Управления монастырскими имениями. Самочинно проводили порубки монастырского леса крестьяне сс. Чучулены и Коножены. 15 декабря на сходе с. Жапка Сорокского уезда после обсуждения Декларации Сфатул Цэрий от 2 декабря 1917 г. крестьяне постановили: *«Монастырская земля переходит в ведение народа»* [17, с. 168]. На захваты крестьянами церковной земли жаловался священник с. Фунду Галбен Хынчештской волости Мелентий Ерхан (замечу, что этот священник своими действиями фактически спровоцировал крестьян, поскольку нерадиво относился к своим обязанностям и взимал с них за требы завышенную плату) [18, с. 135]. У отдельных священнослужителей (с. Кодряны Сорокского уезда, священник М. Полянский из с. Динкоуцы Хотинского уезда) земля отнималась под предлогом того, что крестьянский съезд якобы запретил обработку надела исполу, а священники нарушали это решение [17, с. 167-168].

Однако в то же время набирала популярность прямо противоположная позиция – общее собрание Союза учителей г. Бендеры и уезда 14-15 января 1918 г. выразило протест против ввода румынских королевских войск в Бессарабию и недоверие Сфатул Цэрий. Учителя, за исключением вышеупомянутого священника Иванова и капитана Сысоевича, отказались от принятия присяги на верность Румынскому королевству, за что были уволены со службы и лишились тем самым средств к существованию [9, с. 19].

Бессарабская церковь вместе с земством в январе-феврале 1918 г. приняла участие в создании патриотического Комитета освобождения Бессарабии, а ее глава архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский) осудил акт оккупации. В связи с этим, подчинение церковных структур Молдавской Демократической Республики (далее – МДР) румынский Синод начал с предъявления архиепископу Анастасию и епископам Гавриилу (Чепуру) и Дионисию (Сосновскому) требования отложиться от Всероссийской Православной церкви. Одновременно владыке Анастасию было обещано



Гавриил (Чепур), епископ Аккерманский, викарий Кишиневской епархии

Дионисий (Сосновский), епископ Измаильский, викарий Кишиневской епархии

место в Синоде РумПЦ. Однако названные иерархи отказались сделать требуемое, после чего румынские военные власти их арестовали и выслали за Днестр, а архиепископа Анастасия, стремившегося вернуться из Москвы (где он принимал участие во Всероссийском Поместном Соборе), на территорию епархии даже не допустили. Синод же объяснил верующим, что владыка Анастасий «добровольно» покинул епархию [31, с. 64].

С принятым в Кишиневе решением Сфатул Цэрий были в корне не согласны жители края, которые всячески демонстрировали свое негативное отношение к акту «унири» во время организованных оккупантами молебнов. Бывший начальник 5-го участка Кишиневской уездной милиции С.И. Лебедев в письме на имя бывшего бессарабского губернского предводителя дворянства А.Н. Крупенского сообщал о случае, произошедшем 14 апреля 1918 г. в с. Будешты: *«На состоявшемся здесь молебствии по случаю «воссоединения Бессарабии с Румынией» при всем народе (на открытом воздухе) в присутствии прибывших представителей румынских властей, гостей, духовенства после речей о желательности и пользе воссоединения под властью высокого покровителя – короля румынского из среды крестьян выступил ... некий Дану и, обращаясь к присутствующим, громогласно заявил, что никакого воссоединения*

Бессарабии с Румынией они не желают и никакого короля... им не надобно...» [17, с. 378]. В Миклеушенах, когда священник служил молебен по поводу присоединения, один крестьянин крикнул из толпы: *«Лучше бы отслужили панихиду»* [7, с. 250]. В донесении Кишиневской сигуранцы Генеральной дирекции полиции и сигуранцы Румынии содержалось и сообщение (опущенное при издании 1967 г.) о том, что оккупацией также недовольны коммерсанты и духовенство [12, с. 172]. В 1918-1919 гг. сторонники «Великой Румынии» сетовали, что *«еще находятся священники, которые не только не хотят упоминать во время святой литургии короля, королевскую семью и Священный Синод, но и подстрекают народ к избавлению»* от румынской власти [10, с. 78].

Вероятно, священники-бессарабцы не желали приводить к присяге румынскому королю местное население, поэтому были задействованы выходцы из Старого королевства. Например, в Оргееве в день окончания работы курсов румынского языка 1 августа 1918 г. от их слушателей-учителей потребовали принести присягу на верность румынскому королю. Поскольку учителя, несмотря на давление, отказались это сделать, румынский полковник Ильеско заявил, что хочет сам разобраться в этом деле и просит пригласить всех учителей в собор. По сообщению очевидца, тех, кто пошел, в соборе встретили офицеры и румынский священник, который прочел вслух текст присяги и потребовал, чтобы присутствующие в знак ее принятия подняли руки. Офицеры ходили по рядам и насильно поднимали руки у тех, кто этого не желал сам сделать. Церковь и земская управа в то время были оцеплены войсками [3, с. 163].

Пимен (Жеоржеску), митрополит Молдавский и Сучавский

После организованного румынским правительством и проведенного при помощи Сфатул Цэрий «условного» присоединения Бессарабии к Румынии начался процесс аннексии Бессарабской церкви. В апреле 1918 г. митрополит Молдавский и Сучавский Пимен (Жеоржеску) телеграммой уведомил патриарха Московского и всея России Тихона (Белавина) о том, что *«вследствие состоявшегося политического присоединения*

Бессарабии к Румынии местная Церковь введена в подчинение Румынской Православной Церкви» [15, с. 21]. Патриарх Тихон в ответном послании заявил, что вопрос о юрисдикции над Кишиневской епархией должен быть рассмотрен посредством канонических отношений между Русской и Румынской православными церквами, при участии клира и церковного народа Кишиневской епархии. Однако митрополит Пимен и Священный Синод РумПЦ прервали всякие сношения с патриархом Тихоном и административным путем установили свою власть над Кишиневской епархией. Решение об этом было принято на заседании Священного Синода РумПЦ 14 июня 1918 г. и утверждено декретом короля Фердинанда 16 июня [4, п. 29]. Новым предстоятелем Бессарабской церкви был назначен епископ Хушский Никодим (Мунтяну) [4, п. 29].

По свидетельству румынского юриста В. Ербичану, работавшего в Бессарабии в 1918–1923 гг., *«в церковной сфере ... борьба выражалась в явной тенденции клира к независимости Бессарабской Церкви от румынской, за сохранение славянского языка, церковных обрядов, за сохранение русского языка и русской истории в качестве главных предметов в духовных семинариях, за использование всех богатств епархии лишь в бессарабских интересах»* [10, с. 78]. В связи с этим, пожилые прихожане Преображенского собора г. Бендеры вспоминали, что во время румынской оккупации один из соборных священников собирал часть прихожан в подвалах или погребах, и там тайно звучали молитвословия на церковнославянском языке [24, с. 343]. К сожалению, установить, кто именно был этим священником, не удалось, но в то время в соборе служили: настоятелем – протоиерей Афанасий Усиневич (52 года, на приходе с 1912 г.) и второй священник протоиерей Феодор Болдыр (62 года, на приходе с 1904 г.) [1, p. 203].

На заседании Синода РумПЦ 14 июня 1918 г. перед Бессарабской церковью был поставлен ряд задач, которые должны были, видимо, привлечь местное духовенство на сторону оккупантов. Так, провозглашалось: 1) проведение выборов глав Бессарабской церкви, которые должна была провести большая Выборная Коллегия (Большой Совет выборов всей Румынии) с участием выборных бессарабцев; 2) сохранение церковного имущества во владении церквей, церковных культурных и благотворительных учреждений; 3) улучшение материального положения клира; 4) сохранение полноты власти духовенства в церковных общинах. При этом оговаривалось, что православная церковь в крае должна стать национальной, неотъемлемой ча-

М. Скина, генерал, командующий 1-й кавалерийской дивизей румынской армии

стью автокефальной восточно-православной церкви Румынского королевства [4, п. 27-28].

Однако повседневная практика оккупационных властей свидетельствовала об их прямо противоположных намерениях. Особенно обострилась обстановка после окончания Первой мировой войны и провозглашения «безусловного» присоединения Бессарабии к Румынии. Бессарабская церковь стала использоваться оккупантами в качестве инструмента пропаганды. В частности, местные власти предписывали наклеивать их распоряжения на видных местах около церквей, а также требовали от священников зачитывать приказы в церквях [14, с. 59-60]. Один из представителей оккупационных властей, генерал М. Скина, обещал, что крестьяне получат землю и что цены на соль, керосин, сахар, муку, сукно и другие товары будут снижены. Он же призывал священников и учителей вести агитацию против большевиков и отговаривать жителей Хотинщины от участия в восстании против оккупационных войск и администрации [19, с. 94].

Особенно напряженная ситуация сложилась зимой 1918-1919 гг. в Хотинском уезде. Как вспоминал один из руководителей вспыхнувшего там восстания, уже при первом известии о революции в Австрии *«группа помещиков, духовенства, чиновников, возглавляемая крупным помещиком Крупенским, настоятелем хотинского собора Гримальским, председателем хотинского земства Гачкевичем, поспешила ... направить румынскому правительству просьбу о введении румынских войск в уезд для предотвращения, как они говорили, анархии»* [26, с. 358]. Духовенство было принуждено поминать в церквах королевскую семью, правительство и армию. Под видом поисков оружия оккупанты грабили население, захватывали лучшие помещения, требовали бесплатно пищу и транспорт, заставляли крестьян им прислуживать, учителей – вести преподавание, а священников – совершать богослужение на румынском языке [6, с. 101-102]. При этом сами представители местного духовенства не были застрахованы от издевательств со стороны румынской солдатни. Так, в воскресенье 6 декабря 1918 г. после традиционной

попойки румынское офицерство в Хотине устроило утром торжественное пьяное шествие по городу. Встретив на улице священника Мараневича, шедшего в церковь на богослужение, офицеры насильно взяли его в круг и заставили танцевать «болгаряску» до тех пор, пока он не свалился с ног [11, с. 91-92].

Духовенство Хотинского уезда по долгу службы оказалось свидетелем многих зверств оккупантов. Так, священник с. Ломачинцы Даниил Корней был вынужден совершить погребение убитого в начале января 1919 г. крестьянами с. Мендынкоуцы румынского солдата, причем во время обряда жителей села оккупанты заставили стоять на коленях в грязи, после чего перепороли большинство из них [6, с. 101-102]. Священник с. Данковцы сообщил об «ошибке» румынской карательной экспедиции, перепоровшей более 360 жителей сел Диновцы и Данковцы [6, с. 101-102]. Священник с. Недобоевцы Хотинского уезда вспоминал, что ему пришлось хоронить 43 убитых проходившими румынскими войсками жителя этого села, причем часть убитых он похоронить не успел [21, с. 115].

Зверства румынских оккупантов способствовали сплочению местного населения, начавшего подготовку к восстанию. Заметную роль в этом сыграло и духовенство уезда, один из представителей которого, Л.Я. Токан, вошел в состав руководящего органа восстания – Бессарабской Директории [2, с. 186].

Как вспоминал один из участников восстания, Т.И. Рашковский, *«я поддерживал связь между подпольным ревкомом с. Недобоевцы и уездным ревкомом. Часто ходил в Хотин к Леониду Токану, который расспрашивал меня о положении на местах и давал указания по подготовке к восстанию. Он известил меня о дате и часе начала восстания»* [22, с. 338]. В ночь на 23 января повстанцы Хотина и окрестных сел под руководством И. Волошенко-Мардарьева, Н. Адажия, Л. Токана, В. Кандыба и других разгромили охрану румынских оккупантов у с. Атаки на мосту через Днестр и выбили оккупантов из Хотина [28, с. 7]. Утром того же дня в город стали прибывать группы крестьян из прилегающих сел. Все они требовали

Л.Я. Токан, священник, член Бессарабской Директории

И.С. Дунгер, войсковой комиссар Бессарабской народной армии

оружия, а его было мало. Как вспоминал Ф.И. Карпишен, *«неожиданно возле штаба остановилась автомашина с оружием. Его стал раздавать священник Леонид Токан, который принимал активное участие в восстании»* [16, с. 264]. Члены повстанческого комитета И. Дунгер и Л. Токан сразу же подготовили обращение к населению, приказы о мобилизации и о прибытии на сборные пункты. По распоряжению повстанческого комитета была открыта городская тюрьма, из которой вышли все заключенные. Вместо них посадили в тюрьму взятых в плен румынских солдат и офицеров, а также городского голову Гачкевича, настоятеля собора Сосипатра Гримальского и других румынских агентов [26, с. 361].

После подавления восстания Л. Токан принял участие в формировании и работе Бессарабского комитета помощи беженцам в Каменец-Подольске. Вот что вспоминал о его деятельности в эти сложные дни Г.М. Журавец: *«Во главе этого комитета стали Мардарьев и Токан. Комендантскую бричку, которую я дал Токану, когда он подвозил оружие и амуницию на фронт, они взяли в свое распоряжение. В первую очередь сахар, муку, крупы и другое, что мы вывезли из Хотина, они разделили между беженцами»* [8, с. 246].

Правдивую информацию о происходивших в Хотинском уезде событиях пыталась донести до иностранных дипломатов в Бухаресте делегация уполномоченных от крестьян Рукшинской, Данкоуцкой, Клишковской и Грозинской волостей. Как было отмечено в подготовленной ими Декларации, *«крестьяне названных волостей Хотинского уезда уполномочили священника с. Рукшин Иоанна Ксенофонтовича Холдевича и жителя того же села Семена Андреевича Громыку добиваться от их имени принятия мер к прекращению беспощадных грабежей, убийств и насилий, чинимых румынами над мирными жителями – стариками, оставшимися в селениях волостей Хотинского уезда без всякой помощи и защиты, и выводу румынских войск из пределов Хотинского уезда на том основании, что никто из крестьян уезда не дал своего согласия на присоединение к Румынии»* [11, с. 92].

После подавления восстания определенные представители духовенства пошли на соглашение с румынскими властями и приняли участие в «успокоении» жителей уезда. Как вспоминал житель с. Наславча И.Н. Палков, *«после трехдневных насилий и грабежей поп того же с. Наславча начал звонить в церкви, а «прихожан» сгоняли к церкви румынские солдаты. Поп стал говорить проповедь, убеждая, что румынская власть от бога и что бог карает за то, что пошли против власти и т.д., да и всюду попы усердно помогали оккупантам справлять кровавый пир на костях убитых и замученных»* [20, с. 318]. Часть священников стала румынскими осведомителями, как показал, например, случай с русским моряком Х.С. Руснаком: *«...через несколько дней румыны были великолепно осведомлены, что я матрос и что мое поведение в отношении их не в их пользу, но зацепиться было не за что... Позже я убедился, что информация исходила от нашего сельского попа (кажется, Григория Чекана), который умело подошел и выявил мои взгляды политического характера. Кстати, этот контрреволюционный поп в 1921 г. нашел смерть у себя дома за шпионство, провокацию и работу в контрразведке»* [23, с. 346].

Таким образом, на начальном этапе румынской оккупации Бессарабии местное духовенство оказалось разделено на несколько групп. Первую составили лица, согласившиеся стать орудием в руках оккупантов; вторую – оказывавшие пассивное или же активное сопротивление оккупационным властям; третью – занявшие выжидательную позицию. Под давлением прихожан доля последних сокращалась в пользу противников оккупации. Бессарабские священники в силу своего сана оказывали оккупантам прежде всего пассивное сопротивление, из-под палки выполняя распоряжения румынских военных и гражданских оккупационных властей. Однако в ходе Хотинского восстания часть местного духовенства встала и на путь активного сопротивления захватчикам по примеру архиепископа Анастасия (Грибановского), ставшего одним из руководителей «Союза спасения Бессарабии», и Л. Токана, вошедшего в состав хотинской

М.И. Холдевич, священник церкви с. Гвоздовцы, поддержавший Хотинское восстание

Директории. Об отсутствии доверия местному духовенству со стороны румынских оккупантов свидетельствует и массовая кампания по ротации настоятелей церквей, проведенная ими в 1920-1921 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anuarul Eparhiei Chişinăului şi Hotinului (Basarabia). Chişinău, 1922.

2. Адажий Н.Л. (с. Ставчаны. Род. в 1883 г. в семье крестьянина-бедняка. Служил в старой русской армии). Не ранее 1955 – не позднее 1956 гг. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

3. Березняков Н.В. Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинев, 1957.

4. Декрет Регал де нумире а П.С.С. архиепископулуй Никодем, ка локціитор ал Архиепископіей Басрабіей // Луминаторул. 1918. № 6.

5. Дескидеря Комисіей прегэтитоаре пентру соборул де лок а ностру // Луминаторул. 1918. № 2.

6. Докладная записка уполномоченных волостей Хотинского уезда представителям стран Антанты в Одессе о Хотинском восстании и о злодеяниях румынских оккупантов при его подавлении. 11 февраля (29 января) 1919 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

7. Донесение Кишиневского уездного сельскохозяйственного советника уездной префектуре о выступлениях крестьян против присоединения Бессарабии к королевской Румынии 14 (1) февраля 1919 г. В сб.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

8. Журавец Г.М. (г. Хотин. Род. в 1894 г., учитель. Служил в старой русской армии). 5 июля 1962 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

9. Зайцев А.В. Бендерское вооруженное... Кишинев, 1971.

10. Заявление Службы коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского патриархата об аргументах представителей Румынской Православной Церкви, оправдывающих решение об учреждении епархий «Бессарабской митрополии». В сб.: Восстановить единство. Позиция Русской Православной Церкви по вопросу «Бессарабской митрополии». Кишинев, 2012.

11. Из докладной записки Одесского комитета освобождения Бессарабии о насилиях румынских жандармов в Хотинском уезде. Январь 1919 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

12. Из донесения Кишиневской сигуранцы Генеральной дирекции полиции и сигуранцы Румынии о непризнании населением Бессарабии насильственного присоединения к Румынии и отказе подчиняться оккупантам. В сб.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

13. Из официальной статьи представителя бессарабского духовенства, одобрившего контрреволюционную политику Сфатул Цэрий и приветствовавшего боярско-румынскую оккупацию Бессарабии 28 января 1918 г. В сб.: Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев, 1969.

14. Из перечня приказов начальника румынского гарнизона м. Секуряны, устанавливающих оккупационный режим не ранее 18 (5) декабря 1918 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

15. Из письма Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Блаженнейшему Патриарху Румынской православной церкви Феоктисту с изложением позиции Московского Патриархата по некоторым историческим и церковно-каноническим вопросам. В сб.: Восстановить единство. Позиция Русской Православной Церкви по вопросу «Бессарабской митрополии». Кишинев, 2012.

16. Карпишен Ф.И. (г. Хотин) 10 января 1969 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

17. Левит И.Э. Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.). Кишинев, 2000.

18. Мирской приговор крестьян села Фунду-Галбина Кишиневского уезда с ходатайством перед консисторией о переводе местного священника, вымогавшего высокую плату за обряды 11 февраля 1918 г. В сб.: Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев, 1969.

19. Обращение командира 1-й румынской кавалерийской дивизии генерала Скины к населению Хотинского уезда с призывом подчиниться оккупационным властям и угрозой репрессиями за попытки к сопротивлению. 1 февраля (19 января) 1919 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

20. Палков И.Н. (с. Наславча) 1932 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

21. Показания священника с. Недобоевцы Хотинского уезда о злодеяниях румынских оккупантов во время подавления Хотинского восстания. 19 февраля 1919 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

22. Рашковский Т.И. (с. Недобоевцы. Род. в 1897 г., крестьянин. Служил в старой русской армии. Член КПСС) 15 февраля 1957 г. В сб.:

Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

23. Руснак Х.С. (с. Сталинешты. Служил в старой русской армии, во флоте. Член КПСС) 1928 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

24. Святыни русского Православия юга Украины и Молдавии: историко-документальный фотоальбом. Тирасполь, 2016.

25. Сообщение газеты «Голос революции» о контрреволюционной деятельности духовенства 19 (6) февраля 1918 г. В сб.: Реакционная роль религии и церкви в Молдавии. Кишинев, 1969.

26. Токан Л.Я. (г. Хотин. Род. в. 1889 г.) 14 октября 1948 г. В сб.: Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

27. Флоринский Н. Памяти архиепископа Венедикта (Полякова). Кишинев, 2014.

28. Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

29. Шорников П.М. Бессарабский фронт (1918–1940 гг.). Кишинев, 2010.

30. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

31. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Тирасполь, 2018.

УДК 94(478-21) “1918”

А.А. МЕЛЬНИЧУК,
(г. Тирасполь)

ТИРАСПОЛЬ И РУМЫНСКАЯ ОККУПАЦИЯ БЕССАРАБИИ

Аннотация: В статье рассматривается политическая обстановка, сложившаяся в Тирасполе после Октябрьской революции и начала румынской оккупации Бессарабии. Особое внимание уделено освещению процесса создания в городе советских вооруженных формирований, а также организации тираспольчанами вооруженного отпора румынским оккупантам, стремившимся захватить Бендеры, Тирасполь и Одессу в начале 1918 г.

Ключевые слова: Тирасполь, Бессарабия, Румыния, Революционный комитет спасения, оккупация.

1918 г. был одним из самых динамичных и политически сложных периодов истории Тирасполя – провинциального уездного городка, оказавшегося вовлеченным в круговорот острейшей политической борьбы больших и малых держав, вызванный геополитическими сдвигами, порожденными Октябрьской революцией 1917 г. и завершающим этапом Первой мировой войны. Как известно, накануне наступления нового, 1918 г. Румыния начала оккупацию Бессарабской губернии, вследствие чего советское правительство во главе с В.И. Лениным разорвало дипломатические отношения с этой страной. Положение самой советской власти в стране было легитимизировано решениями III Всероссийского съезда Советов, одобрившего «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также постановление «О федеральных учреждениях Российской Республики». В них РСФСР позиционировалась как свободный союз республик, были зафиксированы структура государственной власти и взаимоотношения центральных и местных органов власти. Вслед за этим событием Центральная Рада провозгласила полную независимость Украинской Народной Республики и выход ее из состава РСФСР, что было поддержано Германией, немедленно признавшей независимость УНР.

Реакцией на решение Центральной Рады стало провозглашение Одесской Советской Республики, включившей в свой состав как Херсонскую, так и Бессарабскую губернии. Возглавил это государство Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы (Румчерод), который для его

Г.И. Старый (Борисов), глава штаба обороны г. Бендеры

повседневного руководства создал Одесский Совнарком. Тираспольчане также негативно отреагировали на решение Центральной Рады – ими была разогнана городская рада, а власть в городе передана в руки созданного в ночь на 10 января Военно-революционного комитета (ВРК) во главе с Андреенко.

Как известно, Румыния проигнорировала протесты советского правительства по поводу начавшейся оккупации Бессарабии, и в середине января ее войска подошли к Бендерам, оборону которых возглавил Фронтотдел Румчерода совместно со штабом обороны города, которым руководил Г.И. Борисов (Старый). Тирасполь на некоторое время оказался в прифронтовой полосе, помогая оборонявшимся бендерчанам. Вот что сообщала местная пресса о начале обороны Бендер: *«Орудийный гул был ... слышен в Тирасполе, расположенном по ту сторону Днестра. ... Население в паническом ужасе бросилось за город и частью через мост, частью через Кицканский лес на лодках бежало в Тирасполь. ... Начались взрывы на артиллерийских складах, находящихся в крепости и вне ее. Огонь от взрывавшихся снарядов был так силен, что заамурцы не выдержали и отступили к Тирасполю. 19-го днем из Бендер прибыл последний поезд в Тирасполь с некоторыми железнодорожными служащими»* [10, с. 33-34]. По плану румынских военных, которые были озвучены генералом Броштяну, вслед за Бендерами должны были быть заняты румынскими частями Тирасполь и Одесса [2, с. 35]. Однако 23 января в 7 часов утра энергичным натиском советских войск румыны были прогнаны из Бендер и отошли от города на несколько верст. В Тирасполе были организованы два сравнительно крупных отряда, один из которых должен был продолжать бороться с румынским отрядом, занявшим Бендеры, а другой – предпри-

Г.И. Котовский, командир Тираспольского отряда

нять обходной маневр к Дубоссарам [13, с. 35]. Один из добровольческих отрядов, действовавших против румын, возглавил хорошо знакомый с местностью Г.И. Котовский, направившийся к Дубоссарам.

23 января 1918 г. Румчерод издал Постановление об объявлении состояния войны с королевской Румынией, в котором, в частности, предписывалось *«... в связи с открытием официальных военных действий ... немедленно объявить добровольческую мобилизацию в Одессе, уездах Одесском, Аккерманском, Тираспольском и Бендерском»* [7, с. 53].

Несмотря на предпринятые усилия, в начале февраля Бендеры были захвачены румынскими оккупантами, начались массовые расстрелы жителей города. Находившиеся в 8-ми верстах от Тирасполя румынские оккупанты приступили к обстрелу города дальнобойной артиллерией (правда, снаряды ущерба городу не нанесли, поскольку не долетали до целей). Учитывая это, а также продолжавшиеся стычки советских войск с оккупантами в районе города и обстрел последними Тирасполя, здесь был создан Революционный комитет спасения Молдавской республики. В его состав вошли представители исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, съехавшиеся из Кишинева, Бендер и других городов. Своей целью комитет провозгласил *«объединить вокруг себя все революционные элементы Бессарабии для совместной борьбы за свободную Бессарабскую республику вплоть до изгнания румын и восстановления новой, истинно демократической власти»* [11, с. 94-95]. Этот комитет организовал агитационную работу для создания добровольческих дружин самообороны. Обороняющими город войсками было взято в плен несколько румын-разведчиков. Пленные показывали, что их заставляли идти в бой офицеры, причем для этого в рядах румынской армии была усилена дисциплина. При этом «языки» сообщали, что *«... в обращении к румынским войскам, сражающимся в Бессарабии, говорится, что Тирасполь будет границей румынского наступления, так как в задачу румын входит только оккупация Бессарабии»* [12, с. 56].

Действительно, газета «Одесские новости» сообщала, что *«...румынские отряды пока дальше Бендерского железнодорожного моста, перекинутого через Днестр, не идут. Русские войска, отступившие за мост, на Херсонский берег, дальше не отходят, и ныне оба лагеря разделяются лишь рекой. Но в это же время румыны вздумали приблизиться к Тирасполю обходным путем через Кицканский лес, примыкающий непосредственно к Тирасполю. И ныне они*

уже находятся в селе Кицканы – в трех верстах от Тирасполя. Единственной опорой Тирасполя может быть лишь живая сила. Полагают, что последней будет достаточно для отражения румын. Готовится к встрече врага и мирное население. Приезжие передают, что молодежь сейчас занята организацией самообороны» [12, с. 56].

Представитель полевого штаба Каменский телеграфировал из Тирасполя в Румчерод: *«Здесь масса требует оружия и является из деревень, но для этого необходимы организаторские силы и средства передвижения. Того и другого здесь очень мало. Оружие пока есть в достаточном количестве, но, вооружая без всякого разбора и подготовительной работы, получается вместо помощи – помеха»* [14, с. 97]. 24 января состоялось заседание Исполнительного бюро Румчерода, на котором были заслушаны доклады представителей Бендерского Совета и Революционного комитета Молдавской республики о ситуации, сложившейся после переправы румынских отрядов через Днестр в с. Парканы. Было принято решение о выделении 5 тыс. руб. каждой из организаций на формирование отрядов [3, с. 60]. На следующий день к Парканам был выдвинут отряд, командир которого П.Е. Княгницкий сообщал: *«Застава к мосту прибыла. Необходимо прислать две роты пехоты и поставить артиллерию сзади Паркан для возможности обстреливать крепость и площадь перед нею. Сосредоточить артиллерию. Неприятель нас обстрелял из крепости пулеметом и артиллерией»* [1, с. 62-63]. 27 января при поддержке «украинизированного» артиллерийского дивизиона пехотные и кавалерийские части Тираспольского гарнизона и прибывшие им на подмогу отряды из Раздельной атаковали румын. В результате произошедшего боя румыны бежали из-под Тирасполя, остановившись в нескольких верстах от Бендер [6, с. 68-69].

П.Е. Княгницкий, начальник инженерной и технической части Тираспольского отряда

В начале февраля румынский Бендерский информационный центр получил информацию о том, что *«на русской окраине Бендер, все население которой состоит из рабочих ... являющихся большевиками, распространяется слух, что в Тирасполь прибывает по-*

мощь из Одессы. Эти войска находятся уже на пути к Тирасполю и везут с собой крупнокалиберные орудия. В Тирасполе большевики будто бы начали возводить укрепления...» [9, с. 105].

В это время в Тирасполе формировалась Особая армия Одесского округа, позже преобразованная в Тираспольский отряд, ставший частью 3-й революционной армии. В составе этой армии были части, отступившие из-за Днестра. В первой половине февраля штаб Особой армии Одесского округа приступил к организации военной операции у с. Кицканы. Участвовать в ней должен был и конно-разведывательный отряд под командованием Г.И. Котовского, дислоцировавшийся в Слободзее [8, с. 119–121].

Противоборствующие стороны заключили между собой на 48 часов перемирие, советские войска прекратили боевые действия, *«но румыны неоднократно пытались обстреливать наши войска. Один из наших революционных отрядов выслал к румынам делегацию с просьбой, ввиду перемирия, прекратить стрельбу. Румыны исполнили просьбу нашей делегации. Но за 2 часа до окончания срока перемирия румыны открыли по Тирасполю огонь»* [5, с. 87].

В середине февраля революционные силы Приднестровья вместе с подошедшими украинскими советскими войсками совершили несколько успешных военных операций в районе Рыбницы и южного Приднестровья. Успехи Красной Армии вынудили Румынию и ее союзников по Антанте искать мирные пути разрешения сложившейся ситуации.

15 февраля правительство России предъявило румынской стороне ультиматум, требованиями которого были, во-первых, эвакуация из Бессарабии всех румынских войск; во-вторых, возврат русского военного имущества, захваченного румынскими оккупантами. Третий пункт предполагал разгон всех контрреволюционных отрядов, как русских, так и иных, выдачу генерала Д.Г. Щербачева. Отдельно Россия настаивала на требовании наказания тех, кто был виновен в убийствах и расстрелах русских военнослужащих. Переговоры завершились подписанием 5 марта в Яссах и 9 марта в Одессе мирного соглашения между РСФСР и Румынией, в котором предусматривался вывод румынских войск с территории Бессарабии в двухмесячный срок. Румынское правительство брало на себя обязательство *«не предпринимать никаких военных, неприятельских и других действий против Всероссийской Федеративной Советской Республики рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринятые другими государствами»* [4, с. 34-35].

Однако этому соглашению не суждено было стать реализованным – после подписания 3 марта в Бресте мирного договора с Россией Германия и Австро-Венгрия продолжили захватнический поход на Украину, причем румынское правительство разрешило перебросить часть австро-германских войск через территорию Северной Бессарабии по направлению к железнодорожным линиям Рыбница–Бирзула–Одесса и Тирасполь–Одесса. Это означало начало нового эпизода борьбы тираспольчан с оккупантами, на этот раз – с австро-германскими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донесение П.Е. Княгницкого в штаб Тираспольского отряда о расположении военных подразделений у Днестра в районе Тирасполя. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

2. Из корреспонденции «Мы пойдем на Одессу» в газете «Голос революции» о намерениях румынских интервентов захватить Бендеры, Тирасполь, Одессу и оказать поддержку Украинской центральной раде. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

3. Из протокола заседания Исполнительного бюро Румчерода об ассигновании средств Бендерскому Совету и Революционному комитету спасения Молдавской республики и о борьбе с гайдамаками и румынскими интервентами. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

4. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 1. Тирасполь, 2001.

5. Корреспонденция в газете «Голос революции» о военных действиях революционных отрядов в районе города Тирасполя. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

6. Корреспонденция в газете «Известия Совета солдатских депутатов 8-ой армии» о положении советских войск на бендерско-тираспольском участке фронта. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

7. Постановление Румчерода об объявлении состояния войны с королевской Румынией. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся

Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

8. Приказы помощника начальника штаба Особой армии Одесского округа Е.М. Венедиктова об организации военной операции у Кицкан. В кн.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

9. Сводка агентурных донесений о деятельности коммунистов и их сторонников в районе Бендер, сообщенная Бендерским информационным центром Кишиневской префектуре. В кн.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

10. Сообщение о начале боев с румынскими интервенционистскими войсками под Бендерами. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

11. Сообщение об организации Революционного комитета спасения Молдавской республики. В кн.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

12. Сообщение о стычках советских войск с румынскими оккупантами в районе Тирасполя и обстреле последними Тирасполя. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

13. Сообщения об изгнании румынских интервентов из Бендер. В кн.: За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

14. Телеграмма полевого штаба из Тирасполя в Румчерод о положении в городе. В кн.: Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

Раздел IV.

БЕНДЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ: ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ

УДК 94(478) “1918/1920”

П.М. ШОРНИКОВ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ НА ДНЕСТРЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1918-1920

Аннотация: Термин «Бессарабский фронт» времен гражданской войны отражал не только положение на Днестре, где не прекращались перестрелки между румынскими войсками и местными партизанами, но и деятельность формирований Бессарабского освободительного движения. Статья раскрывает многочисленные факты взаимодействия «белых» и «красных» воинских частей на Днестре по вопросу об освобождении Бессарабии, оккупированной румынскими войсками в период 1918–1920 гг. Особое внимание уделено деятельности Союза освобождения Бессарабии, Национального союза бессарабцев, комитета «В защиту Бессарабии», Революционного комитета спасения Молдавской Республики.

Ключевые слова: аннексия, Румыния, Союз освобождения Бессарабии, Национальный союз бессарабцев, Революционный комитет спасения Молдавской Республики.

Термин «Бессарабский фронт» получил распространение в одесских газетах времен гражданской войны и отражал не только положение на Днестре, где не прекращались перестрелки между румынскими войсками и местными партизанами, но и деятельность формирований Бессарабского освободительного движения. Признавая закономерный характер его бытования, бывший резидент румынской спецслужбы в Кишиневе Онисифор Гибу выпустил в 1927 г. книгу «Три года на бессарабском фронте» [53, p. 17], посвященную попыткам румынских властей средствами пропаганды подавить оппозицию населения Бессарабии румынскому государству.

Одним из малоизученных сюжетов истории борьбы на Бессарабском фронте остается Бендерское восстание. Причиной тому и бед-

ность документальной базы по истории этого события, и политически неоднородный состав его участников, во времена СССР затруднявший трактовку восстания как чисто большевистской инициативы. Прояснению сути событий способствовал обнаруженный нами доклад румынской политической полиции (сигуранцы) «Деятельность Центра «Спасение Бессарабии» в Бессарабии» [23, л. 2–9], свидетельствующий о том, что в годы гражданской войны изгнания румынских войск и администрации из российской губернии добивались не только красные, но и белые.

Об участии в Бендерском восстании 27 мая 1919 г. сотен офицеров воинской части, сформированной русскими офицерами в Тирасполе, нами опубликована статья «Тираспольская база офицерской организации “Спасение Бессарабии”» [47, с. 3–10]. Это восстание, как показало изучение вопроса, следует рассматривать в связи с другим вооруженным выступлением народа против румынской оккупации – Хотинским восстанием, охватившим в январе 1919 г. север Бессарабии, и с деятельностью подпольной организации «Спасение Бессарабии», учрежденной в Кишиневе. В советской историографии это восстание трактовалось как подготовленное при участии большевиков, но поднятое преждевременно [3, с. 5–7; 40]. Нами высказано предположение, что Хотинское восстание являлось звеном общего замысла противоборствующих сил – красных и белых [49, с. 31, 35]. Логика исследования привела нас к парадоксальному выводу: с августа 1919 г., когда войска генерала А.И. Деникина заняли Одессу, белые и красные оказались едины по вопросу об освобождении Бессарабии, оккупированной румынскими войсками [48, с. 78–98].

А.И. Деникин, главнокомандующий Вооруженными силами юга России

Документальную основу исследований, посвященных режиму, установленному в Бессарабии в первые годы румынской оккупации, обогатило издание в Кишиневе сборника «“Объединение” и события 1918 года в Республике Молдова в документах службы безопасности Румынской Армии» [54].

В 1918–1920 гг., когда в России шла гражданская война, главным некоммунистическим формированием Бессарабского освободительного движения являлся подпольный «Союз освобождения Бессарабии». В документах он фигурирует также как Комитет «Спасение Бессарабии» и «Союз спасения Бессарабии». Так именовали организацию ее участники и спецслужбы Румынии на различных этапах ее деятельности. Военно-организационная работа «Союза» рассмотрена нами в ряде научных публикаций [15, с. 80–97; 50, с. 117–131]. Итак, какими же были отношения белых и красных на Днестре в годы гражданской войны?

Румынские войска вторглись в Бессарабию 5 января 1918 г. 13 января они вступили в Кишинев. При исследовании румынской политики в Бессарабии трудно выявить классовый подход. Солдаты, полицейские и жандармы – выходцы из семей нищих крестьян Румынии – независимо от их социального статуса и национальной принадлежности повсеместно грабили собственников и неимущих, крестьян и городских жителей, избивали прохожих, насиловали женщин. Такой же произвол творили и имевшие какое-то образование офицеры и гражданские чиновники румынской администрации. Судя по фамилиям, приведенным в документах упомянутого сборника «“Объединение” и события 1918 года в Республике Молдова...», большинство их жертв составляли молдаване, второе место занимали евреи, затем шли русские и украинцы [44].

20 января румынские военные расстреляли в Кишиневе 45 делегатов съезда крестьян Бессарабии, осудившего оккупацию. В их числе были казнены один из организаторов вооруженного отпора интервентам Т. Которос и члены самозванного законодательного собрания – Сфатул Цэрий В. Рудьев, В. Прахницкий, И. Панцырь, П. Чумаченко. Затем были убиты еще два «сфатулиста» – лидер кишиневских социал-демократов (меньшевиков) Надежда Гринфельд и редактор газеты «Свободная Бессарабия» народный социалист Н.Г. Ковсан. Опасаясь за свою жизнь, более 50 (из 120) членов законодательного органа скрылись. После захвата города Бендеры ру-

В. Рудьев,
член Сфатул Цэрий

мынские войска расстреляли более 250 рабочих. В Измаиле они казнили 14 моряков, в Бельцах взяли под стражу более тысячи жителей, 20 из них расстреляли. 24 января 1918 г. румынские политики и военные заставили 36 явившихся на заседание членов Сфатул Цэрий провозгласить «независимость» Молдавской Народной Республики, учрежденной в декабре 1917 г. [15, с. 42, 45].

Оккупанты творили произвол повсеместно. В Единцах, читаем в одной из жалоб, *«в течение 10, 11 марта по распоряжению* [коменданта местечка] *Думитриу румынские солдаты хватали всех встречных и тащили в комендатуру. Здесь без всякого повода арестованных подвергали наказанию розгами. [...] К концу второго дня комендант пригласил к себе представителей русского населения А. Климовецкого и Яловского, молдавского населения – В. Чебана и В. Заима, еврейского населения – А. Мильграма и Д. Блошка, и старообряд[че]ского населения – Лисицу и Селезнева. Явившимся было предложено под угрозой возобновления экзекуции, чтобы все население утром следующего дня 12 марта явилось на площадь. На следующий день на площади собралось почти все население местечка. Комендант, заняв центральное место, произнес речь, в которой, между прочим, сказал, что еще 100 лет тому назад "Бессарабия принадлежала Румынии и теперь во имя справедливости должна вернуться к прежней матери"»*. На следующий день румынские военные без всякого повода расстреляли троих евреев, а еще 13 выпороли. А затем капитан Думитриу издал приказ жителям «с улыбкой и поклоном до земли» приветствовать свою фуражку, носимую по местечку [26, с. 144].

Уже в первые недели оккупации тюрьмы Бессарабии оказались переполнены, и сигуранца изобрела новый вид наказания – «депортацию» за Днестр. 11 февраля 1918 г. командир штурмового батальона Смэрэндеску доложил о поступлении из сигуранцы документов о казненных (127 страниц) и поименного списка расстрелянных и «высланных» за Днестр. Однако сами «дела» и списки убитых и якобы депортированных «чистильщики» архивов сигуранцы изъяли. «Депортация» использовалась политической полицией как способ сокрытия бессудных убийств тех арестованных, у кого не нашлось денег на уплату «выкупа» [54; 44].

Однако на юге, севере Бессарабии и в районе Бендер бои продолжались. Среди первых уходили за Днестр бойцы, желавшие сражаться. *«В ночь на 23* [января 1918 года], – отмечено в одном из донесений сигуранцы, – *из Кишинева убыли примерно 50 повозок с*

солдатами и офицерами-молдаванами по пути на Бендеры, чтобы воевать против румынских войск. ... Нам сообщают, что между Дубоссарами, Григориополем и Тирасполем большевики собирают войска и принимают молодых бессарабских румын, которых проводят через Дубоссары. При их посредстве они намерены атаковать наши войска и вызвать восстание в Бессарабии ... Катэрэу и Котовский в настоящее время находятся в Дубоссарах на расстоянии 30 верст от Кишинева. В названном местечке они создали центр вооружения, занимаясь пропагандой и вооружая население местечка и соседних сел для борьбы против Румынии. Все солдаты вооружены, а тех, кто отказывается вооружаться, отправляют обратно в Кишинев» [54, p. 47].

А.К. Шмидт,
градоначальник г. Кишинев

Спасаясь от террора, на восточный берег Днестра бежали тысячи граждан, в том числе многие известные общественные деятели, далекие от большевизма. В Одессу уехали градоначальник Кишинева А.К. Шмидт [36], бывший депутат Государственной думы Российской империи, предводитель Бессарабского дворянства (в 1908–1913 гг.) А.Н. Крупенский, глава Губернской земской управы крупный земельный собственник В.В. Яновский, сотни возвратившихся с фронта офицеров русской армии. Использовать ситуацию в Бессарабии для пополнения своих войск пыталось командование формирующейся на Дону Добровольческой армии. В начале 1918 г. бывший командир кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Е.А. Леонтович организовал в Одессе ее вербовочный центр [19].

Русская армия, государственная администрация, промышленность, финансовая система страны были разрушены в период правления Временного правительства, и Россия не могла далее участвовать в Первой мировой войне. 3 марта 1918 г. правительство В.И. Ленина заключило с Центральными державами Брестский мир (по оценке самого Ленина, «похабный»). Тем не менее, Бессарабия не была забыта Москвой. 5 марта в Одессе, а 9-го – в Яссах было подписано российско-румынское соглашение об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев [33]. Однако в мар-

те австро-германские войска приступили к оккупации Украины, и румынское правительство не стало выполнять условий Соглашения [15, с. 177]. 27 марта дом кишиневского купца Пронина, где заседал Сфатул Цэрий, был оцеплен румынскими войсками. Солдаты, введенные в зал заседаний, угрожали членам законодательного собрания штыками. Под страхом смерти оккупанты вырвали у большинства присутствовавших согласие на «условное» присоединение Бессарабии к Румынии [34, с. 299–309, 322–326].

Утрата надежд на скорое освобождение Родины политически активизировала также некоммунистические круги. А.К. Шмидт и А.Н. Крупенский приступили к созданию нелегальной политической организации (другой член рода Крупенских, помещик Хотинского уезда М.М. Крупенский, возглавил группу помещиков, духовенства и чиновников, которые в ноябре 1918 г., уже при первом известии о революции в Австрии, направили румынскому правительству просьбу о введении румынских войск в уезд для предотвращения, как они говорили, анархии [5]). Архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский), находясь в Москве, составил политический документ, определяющий позицию Русской православной церкви по Бессарабскому вопросу, – протест патриарха Тихона (Белавина) против захвата Кишиневской епархии Румынской митрополией, направленный Синоду Румынской православной церкви 10 июля 1918 г. [42; 49, с. 182–184; 51, с. 214–217].

И. Чекан, священник, член Комитета освобождения Бессарабии

Патриотическую позицию заняли и другие церковные иерархи Бессарабии. Епископ Гавриил (Чепур), которому было поручено временное управление Кишиневской епархией, и епископ Измаильский Дионисий (Сосновский) отказались исполнить канонически незаконное требование Румынской церкви о переводе Кишиневской и Хотинской епархии в ее подчинение, и румынские власти выслали их из Бессарабии. 20 июня 1918 г. владыка Гавриил прибыл в Одессу [6]. Епископ Дионисий попытался выехать в Центральную Россию, но на станции Вятка под Киевом был убит (в 1981 г.

был канонизирован Русской Православной Церковью Зарубежом). Уже летом 1918 г. в работу Комитета «Освобождение Бессарабии» включился известный в Бессарабии священнослужитель и публицист, бывший полковой священник русской армии Иеремия Чекан. Приведем сведения о его патриотической работе, собранные румынской политической полицией: *«Когда граница [еще] была открыта, священник Еремия Чекан совершал частые поездки на Украину, доставляя в Бессарабию антирумынские газеты и корреспонденцию ... За свои деяния он должен был быть выслан из Бессарабии, однако он, чувствуя это, в ноябре 1918 года бежал на Украину»* [25, л. 63 (об.)]. Там священник продолжил работу, направленную на подготовку освобождения Бессарабии от румынской оккупации. *«С ноября 1918 до 31 мая 1920 года,* – доложил в Бухарест шеф кишиневской бригады сигуранцы, – *священник Чекан жил на Украине, большей частью в Одессе, занимался пропагандой против объединения Бессарабии с Родиной-матерью и имел задание, частично им выполненное, собирать подписи под протестом бессарабского духовенства и мирян против румынского правительства и церкви. ... Находясь в Одессе, проповедовал с алтаря борьбу за «спасение Бессарабии», активно участвуя в одноименном комитете. В марте 1919 г. его сын Николай Чекан был схвачен при перевозке писем и антирумынских газет своего отца из Одессы»* [25, л. 16].

Осенью 1918 г. мировая война явно шла к концу. 15 сентября войска стран Антанты начали наступление на Балканах. 29 сентября из войны вышла Болгария, 30 октября – Турция. В октябре началось общее наступление войск Антанты на Западном фронте. Патриарх Тихон ожидал скорого освобождения Бессарабии. В Одессу прибыл архиепископ Анастасий. По указанию патриарха ему предстояло восстановить связи с Кишиневской епархией, прерванные ввиду оккупации губернии румынскими войсками. Однако 10 ноября 1918 г., за несколько часов до капитуляции Германии, Румыния успела объявить ей войну и оказалась среди победителей. Контакты с Румынской православной церковью архиепископ все же установил, но провозгласить отложение Бессарабской митрополии от Всероссийской Церкви, несмотря на предложение румынского Синода войти в его состав, отказался, и румыны не пропустили его в Бессарабию [20]. В Одессе владыка Анастасий, надо полагать, общался с лично знакомыми ему А.К. Шмидтом и А.Н. Крупенским, В.В. Яновским, другими беженцами из Бессарабии, однако сведений о его участии в работе «Союза освобождения Бессарабии» нами не обнаружено.

16–23 ноября 1918 г. в Яссах, где находились правительство и королевский двор Румынии, посольства, штабы румынской и русской армий, миссии союзных держав, состоялось совещание представителей ряда антибольшевистских политических формирований России. Были представлены Совет земств и городов Юга России, Совет государственного объединения России, Всероссийский национальный центр, Союз возрождения России. Ясское совещание высказалось за восстановление «единой и неделимой России» в границах 1914 г. (но без Польши), за непризнание странами Антанты всех государственных новообразований, учрежденных на территории бывшей Российской империи при содействии Германии и Австро-Венгрии. Основные пункты внешнеполитической программы белого движения были, таким образом, сформулированы [52].

Несмотря на поражение Четверного союза, Бухарест по-прежнему рассчитывал аннексировать Бессарабию, тем более что 10 ноября 1918 г. президент США Вудро Вильсон обещал Румынии за участие в интервенции против России поддержать на предстоящей мирной конференции ее притязания на российскую территорию [21, с. 172]. Под давлением румынских властей 26 ноября 36 членов Сфатул Цэрий аннулировали акт от 27 марта, проголосовав за «безусловное» присоединение области к Румынии. Сам этот орган был упразднен королевским декретом [34].

Правительства Советской России и Украинской Народной Республики, заключившие в 1918 г. с Четверным союзом сепаратные мирные договоры, рассматривались странами Антанты как предатели [52]. Однако такой же договор заключило с Центральными державами и правительство Румынии. По мере отвода австро-германских войск в области, ранее оккупированные ими, вступали части Красной армии. Начиналась также союзническая интервенция. Флоты Франции и Великобритании вошли в Черное море. Они высадили десанты в Новороссийске, Севастополе, а 17 декабря 1918 г. – в Одессе. В России наступал новый этап гражданской войны, ее исход известен не был. По этой причине правительства стран Антанты с согласием на аннексию Румынией российской губернии не спешили. У

А.Н. Крупенский, тайный советник, посол России в Риме

белых имелись иллюзии о возможности добиться поддержки «союзников».

В.В. Яновский, глава Губернской земской управы

Зная о том, что конференция, призванная подвести итоги Первой мировой войны, состоится в Париже, руководители «Союза освобождения Бессарабии» А.К. Шмидт и А.Н. Крупенский в конце 1918 г. выехали во Францию. Там они развернули в прессе кампанию разоблачения террористической политики Румынии в Бессарабии, призванную предотвратить признание державами-победительницами аннексии области Бухарестом. Бессарабские кадеты попытались использовать зарубежные связи лидера российской Партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, в ноябре 1918 г. выехавшего через Одессу в Турцию, а оттуда – в Западную Европу [20]. В январе 1919 г. глава Бессарабского земства В.В. Яновский, деятель «Союза освобождения Бессарабии», обратился к нему со следующим письмом: *«В общих перспективах огромного вопроса о судьбах России бессарабский вопрос должен занять свое определенное место, и, чтобы это место не осталось пустым, упраздненная Румынским Правительством Губернская земская управа, избранная всеобщим голосованием и которую я возглавляю, поручила мне, во исполнение долга, лежащего на ней перед населением, всесторонне осветить бессарабскую проблему и тем самым включить ее в общероссийский вопрос. Нигде, может быть, так ярко не отразилось влияние распада Российской Государственной Власти, как на судьбах Бессарабии, которая в течение целого года была ареной жадного посягательства на нее со стороны Румынского Королевства. И ни в одной окраине не сказалось так сильно тяготение к центру, своему Великому Отечеству – России. Объяснение этому факту надо искать в историческом прошлом этого края, в котором культурные условия жизни только и зародились при слиянии его с Россией»* [37].

Надежды, возложенные на него кадетами Бессарабии, П.Н. Милюков оправдал. Он способствовал озвучиванию Бессарабского вопроса для европейской и мировой общественности и организовал срочный перевод на английский язык и публикацию материалов о положении в Бессарабии, полученных от В.В. Яновского и других коррес-

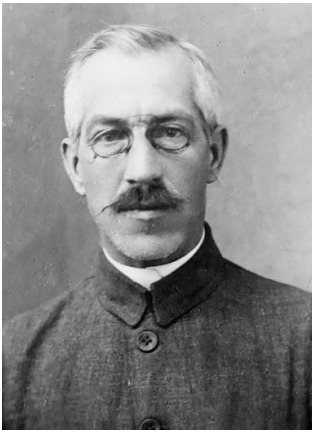
пондентов. Уже в 1919 г. лидер Партии народной свободы издал со своим предисловием книгу «В защиту Бессарабии: Сборник документов о румынской оккупации». В том же году она вышла вторым изданием. Другой сборник документов – «Румынская оккупация Бессарабии: Документы», тоже на английском, был им издан в Париже в 1920 г. [37]. Это был весомый вклад в дело борьбы против признания Западом аннексии Бессарабии Румынией.

Однако в конце 1918 г. места для иллюзий по поводу возможности освобождения Бессарабии от оккупации мирным путем оставалось все меньше. Согласно сведениям, собранным сигуранцей к началу 1920 г., военный Комитет «Спасение Бессарабии» был создан в Кишиневе в начале декабря 1918 г., когда генерал-лейтенант А.И. Евреинов, бывший начальник 14-й пехотной дивизии, созвал на совещание старших офицеров, в прошлом служивших в этой дивизии. Это совещание ветеранов было явно не первым. Его участники полковники Зеленицкий, Лысенко, Журьяри, Сатмалов, Куш, Гагауз и Цепушелов представляли уже существующие нелегальные группы офицеров, а генерал Евреинов был для них признанным руководителем. Судя по фамилиям участников совещания, основателями организации являлись четверо велико- или малороссов, трое молдаван и гагауз. Возможно, они входили еще в состав тайной организации офицеров, созданной в русских войсках Румынского фронта в ноябре 1917 г. полковником М.Г. Дроздовским.

А.И. Евреинов, бывший командир 14-й пехотной дивизии

Об участниках декабрьского совещания 1918 г. известно немногое. Александр Иоасафович Евреинов (Иевреинов) в 1907–1913 гг. командовал дислоцированной в Бессарабии 14-й пехотной дивизией. В 1918 г. ему исполнилось 67 лет, однако в нелегальной организации он был фигурой не только символической. Его руководство признавали бывшие подчиненные, сражавшиеся на фронтах Первой мировой войны и награжденные боевыми орденами.

За доблесть, проявленную в боях, бывший командир 54-го пехотного Минского полка полковник Георгий Александрович Журьяри был награжден Георгиевским оружием. Он происходил из семьи



Н.А. Зеленецкий, полковник, начальник штаба 14-й пехотной дивизии

бессарабской знати, его фамилию находим в дворянской родословной книге.

Полковник Куш принадлежал к роду Чекуруль-Куш, также внесенному в Алфавитный список дворянских родов Бессарабской губернии [1].

Полковники Николай Александрович Зеленецкий, а затем Василий Федорович Цепушелов в 1917 г. командовали 55-м Подольским пехотным полком [29]. Кадровым офицером русской армии являлся и полковник Федор Иванович Гагауз. В 1909 г. он был штабс-капитаном [7].

Вполне доверяя созванным им офицерам, генерал Евреинов доложил о своей договоренности со многими бессарабскими собственниками, которые пообещали офицерской организации материальную помощь. Евреинов запросил денег также у командования. Добро-вольческой армии. Участники совещания приняли продуманную программу вооруженной борьбы за освобождение Бессарабии. Было решено:

«1) Проводить яростную пропаганду против румын в Бессарабии и распространять среди населения юга России сведения, что румыны обращаются варварски с населением Бессарабии.

2) Проводить яростную пропаганду среди молодых людей и особенно среди офицеров за временное оставление территории Бессарабии и их отправку в Россию для включения в особые части.

3) При помощи комитета сформировать на территории России специальные ударные части, состоящие только из бессарабцев.

4) Учредить агитационные пункты на территории Бессарабии, которые при появлении Добровольческой армии на границе Бессарабии произведут восстание в тылу (румынского) фронта.

5) Поиск [денежных] средств на месте, дабы изыскать возможность осуществления этого плана».

Добровольцев предполагалось вербовать в Бессарабии среди солдат и офицеров – уроженцев Бессарабской губернии, возвращавшихся из австро-германского плена через Киев. Местом формирования добровольческой части был определен Тирасполь, свободный от румынской оккупации. Возглавить вербовочное «бюро» в Кишиневе было поручено полковнику Лысенко. Формирование воинской части

в Тирасполе было возложено на полковника Журьяри – возможно, потому, что в 1918 г. он послужил в армии УНР в качестве помощника командира Тираспольского полка [12] и лучше других членов Комитета знал расстановку политических сил в городе и регионе.

Создание Комитета «Спасение Бессарабии» сигуранца считала «плодом собственной инициативы вышеуказанных лиц». Однако есть основания полагать, что в декабре 1918 г. организация Евреинова лишь оформилась как военное подразделение Бессарабского Сопротивления, подчиненное Комитету «Спасение Бессарабии», ранее учрежденному в Одессе [45, с. 142–153].

Бессарабские собственники не подвели, они действительно предоставили Комитету значительные финансовые средства. Результативной оказалась и вербовочная работа белого подполья. Наличие денег и, главное, добровольцев позволило полковнику Г.А. Журьяри быстро, уже в январе 1919 г., сформировать в Тирасполе полк численностью до 1 тыс. бойцов при 4 орудиях и 24 пулеметах. Большинство их составляли офицеры, обладавшие фронтовым опытом, однако было организовано их обучение также тактике партизанских действий.

В серьезности офицерской организации, созданной в Кишиневе, не имелось сомнений и у командования Добровольческой армии. Вероятно, за Евреинова и других руководителей Комитета поручились офицеры из окружения М.Г. Дроздовского, умершего от раны 1 января 1919 г. Финансовая помощь от Добровольческой армии, также в январе, была получена на имя Евреинова в достаточном объеме. Генерал, как выяснила впоследствии румынская разведка, передал деньги полковнику Лысенко на нужды вербовочной работы. Другая их часть была использована на содержание и вооружение полка Журьяри и покрытие иных расходов подполья. Быстрота и четкость выполнения принятых решений свидетельствуют об эффективности заблаговременно проведенной Комитетом организационной и агитационной работы.

А.В. Геруа, генерал-лейтенант, представитель Добровольческой армии при руководителе французской военной миссии в Румынии

У белого подполья нашлись высокие связи. Бывший командир Подольского полка генерал-лейтенант А.В. Геруа, дея-

А.П. Греков, наказной атаман армии УНР

тель нелегальной антибольшевистской организации «Союз возрождения России» с центром в Москве, летом 1918 г. бежавший на Юг России, в октябре 1918 г. стал представителем Добровольческой армии при руководителе французской военной миссии в Румынии генерале Анри Бертело [9]. А в ноябре 1918 г. Бертело был назначен главнокомандующим войсками союзников на Балканах и на Юге России [2]. 18 декабря 1918 г. командующим Южной группой войск Директории УНР, образованной после краха режима гетмана П.П. Скоропадского, стал бывший генерал-майор российской армии А.П. Греков. 1 января 1919 г. он был утвержден в должности военного министра УНР [10]. Как выяснила впоследствии сигуранца, подпольные пропагандистские группы («бюро») Комитета «Освобождение Бессарабии», созданные на железнодорожных станциях между Киевом и Тирасполем, перешли в негласное подчинение министра УНР и продолжили свою работу по политической подготовке военнопленных, возвращавшихся из Германии и Австро-Венгрии, к участию в вооруженной борьбе за освобождение Бессарабии. Надо полагать, именно генерал Греков организовал снабжение полка Журьяри вооружением и снаряжением.

Сотрудничество А.П. Грекова с российскими государственниками не было случайностью. Летом 1919 г. генерал стал командующим Галицийской армией, сражавшейся с польскими легионами [10]. Впоследствии армия присоединилась к Вооруженным силам юга России, а затем перешла на сторону красных.

Восстание в Бессарабии готовили также большевики. В конце декабря 1918 г. коммунистическое подполье Подольской и Херсонской губерний провело ряд совещаний, в которых приняли участие представители Кишиневской, Бендерской и Хотинской подпольных организаций [40, с. 5]. В Бессарабии большевики вели патриотическую пропаганду и собирали оружие, а на восточном берегу Днестра формировали партизанские отряды. Залогом успеха этой работы являлось нарастание в области народного сопротивления.

«Инициативная группа, проводившая некоторую работу еще до прихода румын в Хотинский уезд, – засвидетельствовал один из руководителей Хотинского восстания Л.Я. Токан, – *состояла из людей разных по социальному положению, разных по политическим убеждениям, но единых в своей ненависти к румынам. Это были учителя хотинских школ Мардарьев И.И. и Борлам, служащие земской управы Пудин П.М., Волькенштейн С.М., Токан Л.Я., крестьяне-фронтовики Поперечный А.Я. из Данковцев, Долинюк из Рукшина, [Д.Т.] Чекмак — учитель из с. Малинцы и др. Среди них не было лиц, непосредственно принадлежавших к какой-нибудь политической партии. Это были люди, всем своим существом возмутившиеся произволом, который установили румыны в Бессарабии, той бесцеремонностью, нахальством, с которыми вели свою агитацию румынские агенты. Все они были объединены одной мыслью: не допустить присоединения уезда к Румынии»* [5].

Несколько иной список организаторов Хотинского восстания и версию формирования повстанческого руководства дал бывший командир одного из отрядов повстанцев Н.Л. Адажий: *«В последних числах ноября 1918 г. на обширном совещании в с. Дарабаны, на котором присутствовали из г. Хотина товарищи Латий, Кандыба, Токан и Дидык, из с. Рукшин – Шестобуз и Довганюк, из с. Атаки – Дунгер, из с. Каплевка – Дралюк, из с. Кельменцы – Раренко, Воробьевский и Крючков, из с. Долиняны – Диков, из с. Дарабаны – Просвирин, из с. Ставчаны – Адажий, было решено разойтись по селам и подготовить население к восстанию, что и было сделано. На следующем совещании была избрана Бессарабская Директория, куда вошли Дунгер, Латий, Токан. Шестобузу было поручено организовать Рукшинский отряд. Мне было поручено организовать Ставчанский отряд. Раренко, Воробьевскому и Крючкову – проводить работу среди железнодорожников станций Ларга и Окница. Просвирину, Дидыку и Кандыбе поручили переправиться на левый берег Днестра, установить связь с петлюровскими солдатами и с младшим комсоставом с тем, чтобы они нам помогли оружием и живой силой. Довганюку, Дикову и Дралюку – отправиться в те села, где были жандармские посты, организовать отряды, которые должны будут напасть на посты после начала восстания. Когда эта работа была проделана, в первых числах января 1919 г. в Дарабанах было созвано третье совещание, на котором было принято решение начать восстание»* [41].

Утверждение мемуаристов об отсутствии у их групп связей с политическими партиями означает, что о тайных связях коллег они не

Г.И. Барбуца, руководитель отряда бессарабских красных партизан

знали либо не желали упоминать о контактах, в советские времена сомнительных. Однако только участник совещания, связанный с подпольем, мог предложить начать восстание 18 января; по соображениям конспирации он был не вправе разъяснять, что это – день открытия мирной конференции в Париже. Хотинское восстание, указано в некоторых интернет-публикациях, начали готовить две организации – «Национальный союз бессарабцев» и Комитет «В защиту Бессарабии» [39]. Речь явно идет об одесском Союзе освобождения Бессарабии либо о Комитете «Спасение Бессарабии», учрежденном в Кишиневе бывшими командирами 14-й пехотной дивизии.

Напрямую был связан с подпольем не упомянутый Л.Я. Токаном и Н.Л. Адажием большевик (с января 1918 г.) Г.И. Барбуца, деятель крестьянского движения 1917-1918 гг. в Сорокском уезде. Из бессарабских беженцев, большей частью молдаван, он сформировал в Подолии самый большой (600 штыков) отряд, предназначенный для партизанских действий в Бессарабии. На вооружение и содержание воинского подразделения требовались немалые средства, и командир мог их получить только от мощной нелегальной организации.

Поддержки большевистских властей искали и другие командиры повстанцев. Адажий ради установления связи с руководством большевиков в Киеве прошел тылами противника 500 километров и перешел линию фронта. На большевиков как центральную власть России ориентировалась и масса повстанцев. Отступив на восточный берег Днестра, они отказались присоединиться к петлюровским войскам, а затем составили ударные части Красной армии.

И красные, и белые приурочили начало восстания ко дню открытия Парижской мирной конференции. Накануне 18 января 1919 г. «Союз освобождения Бессарабии» выпустил в Одессе печатную листовку-воззвание «К народам всего мира». В ней говорилось: *«Мы, Центральный Комитет Союза Освобождения Бессарабии, поднявшего знамя защиты попранных чужестранцами прав свободы нашей родины, – вследствие катастрофического положения, создавшегося в Бессарабии в связи с насильственным захватом ее румынскими узурпаторами, пренебрегшими нормами международного права и гуманитарной этики, терроризировавшими личность и подавившими*

голос общественности за стенами бесчисленных казематов, – мы здесь, за пределами нашей родины, поднимаем голос угнетенного бессарабского народа и взываем к чувству справедливости всех культурных народов во имя его священных человеческих прав» [37].

Восстание было начато в намеченный срок. 19 января 1919 г. отряд Григория Барбуцы перешел по мосту Днестр и разгромил румынский гарнизон в местечке Атаки. Командир группы повстанцев рабочий Г.М. Леурда убил в перестрелке румынского генерала Стана Поеташа [40, с. 300]. К партизанам присоединились тысячи крестьян и рабочих – жителей 100 населенных пунктов северных волостей Сорокского и всего Хотинского уезда Бессарабии. Повстанцы были недавними солдатами русской армии – участниками Первой мировой войны и воевать умели. Изгнав оккупантов, 23 января они вступили в город Хотин. Сформированная ими днем ранее Директория выступила как временное правительство освобождаемой Бессарабии. Уже 22 января Директория обратилась к Англии, Франции, Италии, Германии, США, Австрии, Украинской Народной Республике и РСФСР с нотой, в которой «от имени всего пострадавшего бессарабского народа» доводила до сведения, что: *«Румынское правительство произвело над всем бессарабским народом небывалое насилие. ... В то время, когда свобода сделалась неотъемлемым достоянием всех народов, когда оставалось воспользоваться плодами свободы, соседнее Бессарабии империалистическое государство Румыния наложило на Бессарабию тяжелое иго, присоединив [ее к] себе, по выражению правительства Румынии, «на вечные времена», не имея на это абсолютно никакого права и основания, и помимо воли бессарабского народа. Это иго в настоящее время скидывается самим народом...»*. Директория просила помочь бессарабцам *«провести у себя референдум и только тогда, когда воля народа выяснится, присоединиться к тому или другому народу государства»* [40, с. 190].

В качестве связного с европейскими странами Директория использовала офицера британского флота М. Макларена, прибывшего в Хотин 22 января. Привлеченный повстанцами к расследованию злодеяний оккупантов в селе Недобоуцы, где румынские войска убили 53 крестьянина, Макларен заявил: *«Теперь я вижу и могу засвидетельствовать, как население присоединилось к Румынии и что оно вынесло, если решилось восстать»* [40, с. 103].

Лозунги российского патриотизма находили отклик и в администрации, и в войсках УНР. Отряды бессарабских партизан формиро-

вались в Подолии явно с ведома местных властей УНР. В первые часы восстания некоторые подразделения «петлюровцев» переправились через Днестр и приняли участие в боях с оккупантами. К восставшим присоединилась команда стоявшего в Могилеве-Подольском бронепоезда под командой уроженца бессарабского с. Каларашовка матроса Георгия Муллера. Бронепоезд переехал по мосту на бессарабский берег и принял участие в боевых операциях повстанцев. На складах армии УНР в Могилеве-Подольском партизаны получали боеприпасы и снаряжение [40, с. 75].

И все же раскол патриотических сил на белых и красных скверно отразился на общей борьбе против интервентов. Отряд Журьяри не оказался в нужное время в нужном месте, а его бойцы не смогли пополнить ряды восставших, которым остро не хватало офицеров. Быстро перебросить в Хотин находившийся в Тирасполе полк, сформированный Журьяри, не представлялось возможным. Однако руководство большевистского подполья Одессы все же изыскало возможность использовать тысячу белых добровольцев в интересах красных повстанцев.

Патриотическим силам следовало предотвратить переброску на подавление восстания румынских войск, находившихся на юге Бессарабии. 29 января 1919 г. по решению Военно-революционного штаба при Одесском подпольном губернском комитете большевиков в с. Маяки бывшие унтер-офицеры А. Гончаров и Г. Тарасенко сформировали партизанский отряд численностью 150 бойцов (100 пехотинцев и 50 кавалеристов) при одной пушке и четырех пулеметах. Против интервентов выступили также крестьяне сс. Беляевка и Ясское, где был размещен французский гарнизон (он охранял водопроводную станцию, снабжавшую водой Одессу). 30 января Приднестровский отряд, совершив 80-верстный марш, подступил к Тирасполю. Ранее в город проник взвод боевиков дружины имени Петра Старостина, состоявший из молодых рабочих Одессы. Петлюровцы обнаружили его присутствие, но глава уездной администрации «гражданский комиссар» И.Н. Колесников, связанный с большевистским подпольем, заверил их, что «отряд прибыл для охраны города» [14, с. 29].

И.Н. Колесников, руководитель отряда красных партизан с. Плоское

Одесский ревком, вне сомнений, достиг негласной договоренности с администрацией УНР и штабом Г.А. Журьяри. Когда партизаны, подступив к Тирасполю, выстрелили из пушки, охранная рота войска УНР и отряд «варты» (полиции), всего – 120 штыков, отбыли специальным поездом на станцию Раздельная, без опаски проехав мимо партизанских пулеметов и пушки. Офицеры французских и румынских войск бежали в Бендеры и Кишинев на автомобилях. Хотя в Тирасполе оставался полк вооруженных белогвардейцев, партизаны вошли в город, освободили из тюрьмы заключенных и восстановили Совет рабочих и крестьянских депутатов. Затем в Тирасполь пришли около 100 крестьян, вооруженных топорами, вилами, обрезами, немецкими и австрийскими винтовками – партизанские отряды, сформированные в сс. Суклея, Плоское, Владимировка, Малаешты и других (утверждение М. Новохатского, биографа легендарного комбрига, о том, что из Одессы – надо полагать, по железной дороге, контролируемой дислоцированным в Раздельной Слободским полком армии УНР, – прибыл также партизанский отряд под командой Г.И. Котовского, пока не нашло документальных подтверждений [27, с. 352-353]). Партизаны сформировали два полка, Тираспольский и Маякский, и разместили их в казармах. Железная дорога, связывающая Одессу с Бессарабией и Румынией, была перерезана [3, с. 248; 16, с. 39-40].

Явно выполняя инструкции Одесского ВРК, в тот же день партизаны организовали гражданскую власть. Был учрежден Революционный комитет спасения Молдавской Республики; тем самым противнику было дано понять, что повстанцы намерены развернуть операции по освобождению Бессарабии. Тираспольский военно-революционный комитет возглавил командир одного из партизанских отрядов, матрос-большевик Андрей Глинка. ВРК издал приказ № 1, который гласил: *«Военно-революционный комитет извещает всех граждан о том, что власть в уезде находится в руках рабочих и крестьян. ...Всем гражданам сохранять полную тишину и спокойствие. Всякое контрреволюционное выступление, а равно и саботаж, и противосоветская агитация будут преследоваться по законам военного времени»*. Был избран совет комиссаров во главе с председателем.

Некоторые мероприятия и упущения партизан могли осложнить им решение военной задачи в союзе с белыми. Были арестованы и заключены в тюрьму известные в Тирасполе чиновники и офицеры. Ревком наложил на «местную буржуазию» контрибуцию в размере 3 млн руб. Из тюрьмы наряду с политическими заключенными сбе-

жали уголовники, и в городе продолжались грабежи домов и граждан. Это вызвало обоснованное недовольство населения, особенно имущих слоев [4, с. 714-715].

В те же дни отряды партизан вошли также в Рыбницу и Дубоссары и вывесили красные флаги. Румынское командование имело основание заключить, что красные заняли весь восточный берег Днестра. Администрация УНР повсеместно занимала по отношению к красным позицию «нейтралитета». На мысль о предварительной договоренности красных и белых наводит и то обстоятельство, что подразделения Добровольческой армии, переброшенные из Одессы, заняв сс. Маяки, Беляевка и Спасское, репрессий чинить не стали.

В Бендерах находились французские и румынские части. Командующий силами Антанты на Юге России генерал д'Ансельм, узнав о занятии Тирасполя партизанами, отдал начальнику 16-й дивизии генералу Коту приказ о захвате города и «обезоруживании большевиков». 4 февраля в 10 часов утра смешанный румынско-французский отряд численностью 400 штыков перешел по мосту Днестр и, пройдя село Парканы, принял боевой порядок. Французы составляли часть 58-го Авиньонского полка 30-й пехотной дивизии, одного из наиболее боеспособных соединений французской армии; ранее оно отличилось в сражении с немцами под Верденом. Однако в России у авиньонцев оказался другой противник. Учитывая наличие у партизан фронтового опыта, их численность, вооружение и боевой дух, сил, выделенных французским командованием для их «разоружения», было явно недостаточно. Однако французы обращались с населением корректно, и партизаны попытались избежать кровопролития.

Навстречу цепям карателей они отправили на автомобиле с белым флагом делегацию в составе партизан Богуна, Карпенко и Черненко. Последний, вероятно, офицер, владел французским языком. *«На автомобиле,* – вспоминал позднее Богун, – *наша делегация приблизилась почти вплотную [к цепи французов и румын]. Навстречу нам выехал французский офицер, командовавший цепью. «Что вам угодно?» – спросил французский офицер. «Что вам угодно?» – переспросил тов. Черненко. – «Вы идете на город Тирасполь боевым порядком, в то время когда мы совершенно не намерены вести с вами войны и просим вас не вмешиваться в наши внутренние дела». «Я послан занять город, – с гонором ответил французский офицер, – и должен восстановить в нем порядок, а потому приказываю вам: идите обратно в казармы, оставьте ваше оружие и разойдитесь по домам. Я обе-*

щаю, что никого не буду преследовать, если вы это сделаете. Если же нет, то помните, что когда я через час займу город, пощады не будет никому» [14, с. 30-31].

И.З. Богун-Добровольский, командир Тираспольского партизанского отряда, с женой

Делегаты, утверждал И.З. Богун, гордо ответили: *«Большевики никогда и никому добровольно оружия не отдают»*. В действительности представители партизан, скорее всего, пообещали передать требование французов своему командованию. Так или иначе, они благополучно возвратились в Тирасполь, но миссия милосердия провалилась. На заснеженном поле перед городом партизаны встретили цепи карателей прицельным огнем. Были убиты 100 солдат противника, о раненых, как и о потерях партизан, мемуарист не упоминает. Атака была отбита, 32 француза попали в плен. Их привели в город на митинг, предусмотрительно назначенный на 12 часов дня, и дали им возможность убедиться в том, что *«рабочие и крестьяне не питают враждебных чувств к французским солдатам и считают их своими братьями»* [14, с. 31]. Вряд ли речи ораторов переводил на французский крестьянин из села Маяки. Конечно, это был офицер из отряда Журьяри. Затем на площадь были доставлены полевые кухни, партизаны накормили пленных обедом, угостили самогоном и освободили.

Между тем со стороны Кицканского леса артиллерия противника начала обстрел Тирасполя. Это вынудило партизан перейти по льду Днестр и выбить интервентов из сс. Кицканы, Слободзея, Талмазы. Румынская администрация, полиция и войска бежали также из Бендер: артиллерийский обстрел Тирасполя прекратился.

Несмотря на полученные подкрепления, силы партизан вряд ли превышали 500 бойцов. Под впечатлением боя 4 февраля солдаты 58-го полка отказались сражаться с повстанцами. Однако в распоряжении генерала Кота имелись части зуавов (сенегальских или, по другим данным, алжирских стрелков), большевистской агитацией не затронутые, а также румынские полки и польские легионеры. Используя эти войска, он мог предпринять штурм Тирасполя.

Позицию «нейтралитета», занятую отрядом бессарабских офицеров при вступлении в город красных партизан, командование интервентов не без оснований истолковало как их участие в восстании и внесло отряд Журьяри в перечень сил повстанцев. Ввиду превосходства партизан в численности войск и в артиллерии французы не решились повторить атаку на Тирасполь [3, с. 248].

Переброску на север Бессарабии румынских войск, дислоцированных на юге области, большевистскому подполью Одессы удалось сорвать. Однако в начале февраля Хотинское восстание было подавлено. Вокруг Тирасполя началась концентрация французских и румынских войск, снабженных артиллерией и танками, а также частей польских легионеров и петлюровцев. 5 февраля в занятой интервентами и белыми Одессе большевики провели конференцию делегатов подпольных партийных организаций Одессы, Херсона, Тирасполя, Бендер и Кишинева, представлявших до 2 тыс. членов партии большевиков. Видимо, в соответствии с решением, выработанным участниками конференции, 8 февраля партизаны ушли из города [14, с. 31-32].

Продолжая имитировать «нейтралитет», отряд Журьяри остался в Тирасполе. Вместе с интервентами в город вступили формирования белых добровольцев из Одессы [14, с. 32]. Видимо, учитывая наличие у бессарабских и одесских белогвардейцев особых отношений, с воинской частью, состоявшей из профессионалов войны, петлюровцы конфликтовать не решились. Принято считать, что, вступив в город, они занялись грабежом, «попутно» убив 89 жителей [16, с. 39]. Но когда погибли эти люди? В литературе фигурирует фамилия только одного из погибших от руки петлюровцев в те дни – железнодорожного служащего Я. Антипова, отца Павла Ткаченко, будущего руководителя коммунистического подполья Бессарабии и одного из основателей Румынской коммунистической партии [46, с. 164–184]. Развязывать в Тирасполе террор наподобие кровавой бани, устроенной румынскими войсками населению Северной Бессарабии после подавления восстания, ни белые, ни войска УНР не стали.

Хотинское восстание осложнило румынской дипломатии решение Бессарабского вопроса в духе, угодном официальному Бухаресту. Репрессии, устроенные после подавления восстания, счел чрезмерными и политически вредными для Румынии даже нацистский диктатор Ион Антонеску. *«В 1919 году,* – заявил он 27 марта 1942 г. на заседании румынского правительства, – *мы чуть не потеряли*

Бессарабию по вине генерала Давидоглу, который уничтожил семь сел и убил множество народа. Известно, что по этой причине Парижская мирная конференция занялась пересмотром вопроса о Бессарабии, чтобы не дать нам Бессарабию, потому что мы дикари» [38, п. 39-40]. Вместе с тем оккупационный террор не устрашил население области. В сентябре 1924 г. на юге Бессарабии произошло Татарбунарское восстание.

К. Давидоглу, генерал-майор, командующий 40-м пехотным полком 1-й кавалерийской дивизии румынской армии

Созданная Союзом «Спасение Бессарабии» сеть «бюро» на линии Киев – Тирасполь продолжала действовать. 13 февраля 1919 г. Ставка главного командования румынской армии известила штабы румынских войск, дислоцированных в Бессарабии, о том, что *«в Ананьеве, на Украине, в Херсонской губернии существует революционный кружок, который распространяет в Бессарабии и Центральной Румынии зажигательные листовки на русском, французском и немецком языках, призывая население к восстанию. С этой целью засылаются агенты, которые, помимо распространения листовок, производят набор бессарабцев в национальную* (т.е. Белую – прим. **П. Ш.**) *армию, формирующуюся в Тирасполе»* [23, л. 249]. Таким образом, «бюро» генерала Грекова попали в поле зрения румынской разведки. Однако отряд полковника Журьяри продолжал получать пополнения.

С командованием Красной армии у Союза «Спасение Бессарабии», видимо, также имелась договоренность. Офицерский полк, сформированный белым подпольем Бессарабии, остался в Тирасполе и 18 апреля, когда в город вступили красные. 22 апреля командующий 1-й Украинской армией доложил: *«...весь левый берег Днестра от [с.] Белочь в 20 верстах севернее Рыбницы до устья с переправами в наших руках. Петлюровские банды ушли за Днестр, часть их разоружена»* [43, с. 163]. О разоружении отряда бессарабских офицеров речи не было. Часть их, отмечено в докладе сигуранцы, возвратилась в Бессарабию, а остальные перешли к большевикам. *«Эта часть,* – говорится в докладе сигуранцы, – *сыграла большую роль в связи с наступлением большевиков в мае месяце прошлого*

года». Вероятно, офицеры из отряда полковника Журьяри и являлись упомянутыми в других документах партизанами-бессарабцами, принявшими 27 мая 1919 г. участие в Бендерском восстании. Общее число партизан, переправившихся через Днестр и принявших участие в боях в городе, румынская политическая полиция оценила в 550–600 человек. Таким образом, большинство офицеров-бессарабцев, уклонившись от участия в гражданской войне, все-таки дали бой интервентам [49, с. 5-6].

Полковник Г.А. Журьяри в Бендерском восстании, видимо, не участвовал, но, возвратившись в Кишинев, связи с подпольем не утратил. 8 октября 1919 г. он был отправлен из Тульчи в Одессу на корабле «Мечта» [12] и принял участие в гражданской войне в составе ВСЮР. О каких-либо потерях среди бывших бойцов его полка сведений нет. Однако вооруженная база комитета «Спасение Бессарабии» в Тирасполе была утрачена.

События, предшествовавшие Бендерскому восстанию, и ход самого восстания заслуживают специального рассмотрения. В контексте нашего исследования отметим только следующее. После подавления восстания каратели схватили более 1 500 жителей Бендер. Летом 1919 г. румынские армия и полиция провели массовые аресты большевиков по всей Бессарабии. С 24 июня по 29 августа румынские власти инсценировали в Яссах судебный «Процесс 108», на котором 19 участников большевистского подполья были приговорены к смертной казни, еще 21 – к пожизненному заключению, 30 – к различным срокам тюремного заключения [30, с. 507]. Трудно предположить, что румынские спецслужбы не знали об участии в Бендерском восстании также бессарабских офицеров-белогвардейцев. Почему же репрессии не затронули белое подполье?

Конечные цели организации руководители Комитета «Спасение Бессарабии» не афишировали. А его практическая работа показывала, что имеет место совпадение тактических задач румынской администрации и белых. Пополняя часть полковника Журьяри, комитет удалял из Бессарабии знатоков военного дела, притом наиболее патриотичных, что отвечало интересам Бухареста. Таким же образом, направляя из Бессарабии офицеров на Дон, действовали и представители стран Антанты. Уже в январе 1918 г. регистрацией офицеров якобы для направления их на север России занялся в Кишиневе царский генерал Асташев, получив деньги от французской миссии в Яссах. Осенью вербовку офицеров для армии А.В. Колчака продолжил некто М.К. Ферендино. Он набрал 150 офицеров, 50 из кото-

рых уехали служить не в Сибирь, а в армию А.И. Деникина. Весной 1919 г. по предложению члена французской военной миссии в Яссах маркиза Беллуа вербовку офицеров для армии Деникина продолжил проживавший в Кишиневе штаб-ротмистр князь П.С. Трубецкой. Всего Центр Добровольческой армии в Одессе переправил из Бессарабии в деникинскую армию около 300 офицеров [3, с. 331-332]. Комитет «Спасение Бессарабии» действовал гораздо эффективнее; как отмечено, только в Тирасполь он переправил более 1 тыс. офицеров.

Возможно, с учетом этих результатов у румынских властей возник план: изъять у населения оружие под видом его сбора для Добровольческой армии. Проект был одобрен командующим румынскими войсками в Бессарабии генералом Артуром Войтояну. Однако в способность белых восстановить российскую государственность большинство населения Бессарабии не верило, и эта операция по разоружению бессарабцев провалилась [49, с. 39-40]. Комитет «Спасение Бессарабии» по-прежнему намеревался поднять восстание и сдавать оружие не призывал.

А. Войтояну,
военный губернатор Бессарабии

Между тем, признано в докладе сигуранцы, весной и летом 1919 г. работа Комитета «Спасение Бессарабии» в оккупированной области шла «с поразительным успехом». Воодушевленные успехами войск генерала Деникина, участники белого подполья продолжали вербовать пополнение для Добровольческой армии, при этом противодействуя мобилизации молодежи в румынскую армию. В апреле 1919 г. полковник Гагауз устроил в Комрате митинг призывников и *«посредством собственных трактовок и точных данных о деятельности румын [в Бессарабии] спровоцировал волнения среди резервистов и воспламенил их против румын...; дело [пропаганды] проводилось настолько интенсивно, что в конце июля 1919 г. вся Бессарабия была предрасположена к прорусским чувствам»*. Что, впрочем, было обусловлено исторически, национально-политически и социально. Полковника Ф.И. Гагауза коллеги из Комитета «Спасение Бессарабии» спасли от ареста, переправив его за Днестр.

В июне 1919 г. в Кишинев нелегально прибыл полковник Н.Н. Козлов, как установила впоследствии румынская спецслужба, «шеф отдела военного шпионажа» Добровольческой армии. Он провел ряд бесед с бывшим командиром 55-го Подольского пехотного полка, а затем с начальником штаба молдавских когорт полковником А.А. Гепецким (родственником «умеренно-правого» депутата III и IV Государственных дум от Бессарабской губернии священника Н.Е. Гепецкого) и другим офицером-молдаванином, полковником Сырбу. Они были включены в состав Комитета «Спасение Бессарабии». Гепецкий, как ранее Евреинов, провел переговоры с состоятельными людьми; ему было гарантировано, что деньги будут предоставлены, но с условием, «чтобы о жертвующих лицах знали только Гепецкий и Сырбу». Было решено сформировать в составе Добровольческой армии части русской армии, ранее дислоцированные в Бессарабии. Были назначены их командиры, а участник организации «Спасение Бессарабии» генерал-лейтенант А.В. Геруа по поручению Комитета обратился к румынскому правительству за официальным разрешением бывшим русским офицерам покинуть Бессарабию. По понятным причинам разрешение было Бухарестом дано, но комитет, казалось, перестал быть тайной организацией.

Полковник генерального штаба российской армии Васильев, направленный в Кишинев командованием Добровольческой армии, в мае 1919 г. пришел к заключению, что «*вербовать уже почти некого, кто мог и хотел, те уже выехали в [деникинскую] армию, осталась на месте небольшая группа лиц, тесно связанных с местом семейно или материально. Часть из них не может выехать, ибо румыны уроженцев [Бессарабии] не выпускают, а часть и не хочет никуда ехать*» [3, с. 331]. Ситуация была таковой в Кишиневе, но не на периферии. Благодаря полковнику А.А. Гепецкому, располагавшему связями среди офицеров-молдаван, агитация Комитета получила отклик также в уездах. Под воздействием пропаганды участников офицерской организации, социальных и политических причин вербовка добровольцев белым подпольем продолжалась успешно. Поскольку восточный берег Днестра еще был занят красными, «белых» добровольцев переправляли в Тульчу, румынский порт на Дунае.

Дальнейшая работа Комитета грозила деконспирацией его актива и долго продолжаться не могла. В августе 1919 г., накануне вступления белых в Одессу, Комитет объявил свою деятельность в Бессарабии завершенной и почти в полном составе также убыл в

Тульчу. Однако ключевые его деятели – генерал Евреинов и полковники Лысенко и Сатмалов – остались в Бессарабии. Вероятно, белое подполье продолжило свою работу. Поскольку данных об этом в докладе румынской спецслужбы нет, операцию Комитета «Спасение Бессарабии» по выводу организации из-под ее контроля следует признать успешной.

Находясь в Тульче, Комитет принял программу дальнейшей работы. До сведения главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина решено было довести оценку политического положения в Бессарабии и предложить ему конкретные меры по подготовке операции по ее освобождению. «Существенное большинство» населения Бессарабии, обоснованно полагало руководство белого подполья, желает воссоединения области с Россией и готово предоставлять для этого «деньги и людей в любом количестве, в каком потребуется». Далее следовало утверждение, что члены Комитета сделали все, чтобы при необходимости начать восстание в тылу румынской армии. Понимая, что силами только самих бессарабцев изгнать румынские войска из Бессарабии вряд ли удастся, они решили обратиться к А.И. Деникину с просьбой о восстановлении русских военных частей, находившихся ранее в Бессарабии. Решено было также «всеми путями добиваться начала военной операции против румын», разумеется, силами ВСЮР.

В конце августа 1919 г. Комитет «Спасение Бессарабии», погрузив на специально зафрахтованный корабль «Дурустор» 1 тыс. офицеров-бессарабцев, переправленных к этому времени в Тульчу, направился в уже занятую белыми Одессу.

На территории, контролируемой ВСЮР, Комитет продолжал действовать как политический орган. По прибытии в Одессу полковники Гепецкий и Гагауз выехали в Таганрог в ставку А.И. Деникина. Их доклады о зверствах румын в Бессарабии, отмечено в документе сигуранцы, довели главнокомандующего до слез. В начале сентября Деникин прибыл в Одессу и принял весь состав Комитета «Спасение Бессарабии». С докладами выступили полковники Цепушелов, Сырбу и Куш. *«В тот же день, как покончу с Петлюрой,* – заверил главнокомандующий ВСЮР, – *наши солдаты перейдут рубеж Бессарабии»*.

Деятели Комитета получили назначения, позволявшие им влиять на политику деникинского правительства по Бессарабскому вопросу. *«Полковник Гепецкий,* – отмечено в докладе сигуранцы, – *назначен в Министерство иностранных дел для постоянного*

информирования этого министерства по делам Бессарабии и их разъяснения иностранным миссиям. Полковник Гепецкий назначен [также] наблюдающим за формированием войск и службой шпионажа в районе Одессы. [Полковник] Гагауз с теми же задачами направлен в район Могилева (Подолия). Полковник Цепушелов с теми же задачами, как и Гепецкий, [прикомандирован] при генерале Шиллинге», главноначальствующем Новороссийской областью и командующем войсками Херсонской и Таврической губерний. Генерал А.В. Геруа возглавил миссию ВСЮР в Бухаресте, а военным комендантом Одессы стал молдаванин полковник Мунтян. На ответственный пост заместителя начальника Бюро информации и пропаганды (ОСВАГ) был назначен уроженец Бессарабии известный петроградский журналист М.Н. Бялковский [24, л. 200].

Для оценки работы А.А. Гепецкого на посту главы контрразведки ВСЮР в Новороссии сопоставим ее с деятельностью его предшественника. В декабре 1918 – апреле 1919 г. интервенты высадили в портах Херсонской губернии до 70 тыс. солдат и офицеров французских, английских и греческих войск, использовали против партизан дислоцированные в Бессарабии румынские войска и польских легионеров. Однако они не смогли помешать большевистскому подполью проводить боевые операции в самой Одессе и формировать партизанские отряды, которые занимали города.

В феврале 1919 г. начальником контрразведывательного отдела штаба Добровольческой армии Одесского района был назначен мастер политического сыска действительный статский советник В.Г. Орлов, в 1906 г. юридически корректным образом отправивший на каторгу Ф.Э. Дзержинского [28, с. 82], в то время одного из лидеров социал-демократии Польши и Литвы. Под руководством Орлова, одержимого борьбой с большевизмом, белая контрразведка добилась впечатляющих результатов: раскрыла Одесский областной комитет большевиков, типографию подпольной газеты «Коммунист», «Иностранную коллегию» – звено большевистского подполья, которое вело пропаганду среди француз-

В.Г. Орлов,
начальник контрразведки
Добровольческой армии
Одесского района

С.И. Соколовская, секретарь Одесского подпольного обкома КП(б)У

ских и других иностранных матросов и солдат, и «красную сеть» разведки ВЧК; были схвачены и казнены руководитель подполья Иван Смирнов, французская коммунистка Жанна-Мари Лябурб и чекист-резидент Георгий Лафар, отравлена завербованная им актриса Вера Холодная, арестованы несколько десятков французских моряков, которые готовили покушение на своего командующего. Подозреваемых в большевизме, признал Орлов в мемуарах, и белые, и французские контрразведчики подвергали пыткам [28, с. 94–97].

Тем не менее, свою миссию большевистское подполье Новороссии выполнило. Подпольный одесский областком возглавила направленная из Москвы делегат I и II съездов Коммунистической партии Украины 24-летняя Софья Ивановна Соколовская (партийный псевдоним – Елена Кирилловна Светлова). Аресты подпольщиков прекратились. Расширить зону оккупации к северу от линии Тирасполь–Раздельная–Вознесенск–Николаев–Херсон интервентам не удалось из-за партизанско-повстанческой борьбы, организованной большевиками. Севернее этой линии действовало партизанское соединение численностью 2 тыс. бойцов, сформированное участником Тираспольской операции И.Н. Колесниковым. Южнее, вдоль железной дороги Раздельная–Одесса, оперировал отряд под командой Г.И. Котовского численностью 250 бойцов [14, с. 32], а в самой Одессе – боевые группы большевиков. 17 февраля 1919 г. подпольщики подорвали штабной вагон союзных офицеров. Под влиянием агитации большевиков экипажи крупнейших судов французской эскадры взбунтовались и подняли красные флаги, и правительство Франции приняло решение о возвращении французского флота и войск на родину. Из Одессы колонны интервентов уходили с пением «Интернационала». 4 апреля 1919 г., при подходе к городу красных войск, отряды вооруженных рабочих захватили ключевые объекты, в том числе здания контрразведки и полиции [31].

Пороком белой контрразведки была коррупция. Командование Добровольческой армии пыталось бороться с этим явлением. Но

самым рьяным ревнителем чистоты рядов оказался полковник А.А. Гепецкий. Он полностью обновил штат белой контрразведки в Одессе, причем всех чинов портовой контрразведки арестовал за взяточничество [17]. В рядах белых было немало бывших контрразведчиков российской армии, жандармов, полицейских; вероятно, в новый аппарат контрразведки были набраны не только малоподготовленные сотрудники. Как и Орлов, Гепецкий обладал конспиративным опытом. Однако его политическим приоритетом являлось освобождение Бессарабии, а борьба руководимой им службы против большевистского подполья вызывает вопросы.

Хотя в занятой белыми Одессе оставалось более 2 тыс. «формальных» членов Коммунистической партии и сотни комсомольцев, массовых арестов белые проводить не стали. Однако С.И. Соколовская, которая летом 1919 г. фактически возглавляла большевистскую администрацию города, лично известная тысячам одесситов, была опознана и схвачена прямо на улице. Версия о том, что ее и других задержанных руководителей одесского подполья «отбили революционные рабочие» [11], представляется сомнительной, но Софья Ивановна вновь оказалась на свободе.

Руководимое ею большевистское подполье успешно вело организационную работу и издавало газету «Одесский коммунист». *«Свежий, еще пахнувший краской номер «Одесского коммуниста»*, – вспоминала подпольщица Р.М. Лучанская, – *часто появлялся на письменном столе коменданта города. Обнаружить место, где печаталась газета, деникинцам не удалось. Газета не имела ни одного провала»*. За полгода подпольщики выпустили 19 номеров газеты; почти открыто работала в Одессе большевистская организация «Красный крест», «партийные коллективы» действовали в профсоюзах. Подпольщикам удавалось проводить многолюдные совещания и устраивать побеги арестованных товарищей. Однако попытки Петра Лазарева, прибывшего в Одессу по заданию Зафронтбюро ЦК КП(б) Украины, организовать в городе и окрестностях подпольные военные отряды закончились провалами. Контрразведка разыскала и расстреляла палача Одесской ЧК, мало кому известную Дору Евлинскую, но якобы не догадывалась о пребывании в городе «знаменитого комиссара» Софьи Соколовской. 2 ноября 1919 г. большевики Одессы провели городскую партийную конференцию, на которой Соколовская выступила с ключевым докладом «О текущем моменте». Совсем неконспиративным образом, прямым голосованием, конференция избрала подпольный горком партии, а затем напра-

вила низовым организациям директивы по работе в тылу у белых [8, с. 203].

Соколовская вновь была задержана контрразведкой и снова непонятным образом бежала. Других арестов не последовало. В начале декабря 1919 г. она, преодолев линию фронта, прибыла в Москву и приступила к работе в аппарате Коминтерна. Потом редактировала политическую газету «Коммунист». Подпольщики Одессы, схваченные в те месяцы белыми, упоминали в мемуарах о коррупции среди контрразведчиков [8, с. 246], однако редко – об избиениях. Крупных провалов в большевистском подполье не произошло, в уездах благополучно формировались партийные группы большевиков и партизанские отряды. Они налаживали связи, вели пропаганду, собирали оружие [14, с. 40–47], т.е. готовились снова взять власть, однако восстаний, диверсий, террористических актов не устраивали.

Неужели на Бессарабском фронте между шефом белой контрразведки и руководителем большевистского подполья была достигнута тайная договоренность о перемирии? Вероятно, именно такие подозрения возникли в 1937 г. у следователей НКВД. В 1930–1934 гг. С.И. Соколовская – член ЦКК ВКП(б). С 1935 г. она возглавляла киностудию «Мосфильм». Тем не менее 12 октября 1937 г. была арестована по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. Могла ли в те времена Софья Ивановна рассчитывать на понимание, объяснив следствию и суду суть своей работы в одесском подполье? Вряд ли. 26 августа 1938 г. она была осуждена и расстреляна. В 1956 г. реабилитирована [11].

Спад военной активности большевиков в Новороссии позволил Гепецкому и Гагаузу сосредоточиться на подготовке операции по освобождению Бессарабии. По предложению деятелей Комитета «Спасение Бессарабии» Деникин отдал секретный приказ о том, чтобы все офицеры-бессарабцы или те, кто ранее служил в частях русской армии, дислоцированных в Бессарабии, немедленно явились в Одессу для зачисления в «бессарабские» части Белой армии. Под командой члена Комитета полковника Н.А. Зеленецкого в Одессе началось формирование 14-й пехотной дивизии, а также 14-й артиллерийской бригады под командованием генерала Надеина. Ко 2 ноября Зеленецкий закончил формирование первого полка. Под видом пограничной стражи на линии Днестра создавались кавалерийские отряды. Войска, предназначенные для военных действий по освобождению Бессарабии, были объединены в Днестровский отряд. В воинских частях и среди населения была развернута пропаган-

дистская подготовка Бессарабской операции. Перспектива войны за освобождение Бессарабии сплотила население против внешнего врага и притупила остроту гражданского конфликта. Располагая контингентом войск численностью всего 13,5 тыс. штыков и сабель, в пять раз меньшим, чем интервенты в начале 1919 г., белые сохраняли контроль над территорией Херсонской и Подольской губерний.

Деятели Комитета «Спасение Бессарабии» оказались причастны к решению судьбы сформированной из русинов Галицийской армии. В ходе переговоров с правительством Западно-Украинской Народной Республики А.И. Деникин согласился с сохранением Восточно-Галицийской автономии в составе России, и 6 ноября 1919 г. в районе Винницы, где белую контрразведку возглавлял полковник Ф.И. Гагауз, Галицийская армия в полном составе перешла на сторону ВСЮР. По численности (около 50 тыс. чел.) она вчетверо превосходила белые войска в Новороссии. Однако галичане не желали воевать против русских людей – ни против белых, ни против красных [35, с. 233-234]. Кроме того, они были измотаны боями с польскими легионами, больше половины бойцов болели тифом. По распоряжению командования белых галичане были размещены в Балте, Бирзуле, Тирасполе, Раздельной, Одессе. После восстановления боеспособности эти части можно было задействовать в операции по освобождению Бессарабии. Правительство ЗУНР отправилось в Одессу, под надзор А.А. Гепецкого и полковника В.Ф. Цепушелова, начальника отдела контрразведки при штабе генерал-лейтенанта Н.Н. Шиллинга.

Против представителей деникинской администрации, считавших проведение операции по освобождению Бессарабии до победы белых в гражданской войне нецелесообразным, деятели Комитета «Спасение Бессарабии» действовали решительно. В сентябре и октябре 1919 г. по настоянию полковников Гепецкого и Козлова один за другим были уволены со службы два коменданта гарнизона Одессы – полковники Мунтян и Востросаблин, обвиненные в «румынофилии»: полагая, что прежде всего следует победить большевиков, они чинили препятствия формированию «бессарабских» частей. В октябре Комитет «Спасение Бессарабии» обсудил также вопрос о замене генерала А.В. Геруа, представлявшего ВСЮР в Бухаресте, генералом В.И. Гурко, поскольку первый также не считал вопрос об освобождении Бессарабии первоочередным.

Осложнить военно-политическую обстановку в Новороссии и тем самым затруднить проведение Бессарабской операции грозили действия начальника контрразведки Одессы Кирпичникова. Его стара-

ниями к декабрю 1919 г. были заключены в тюрьму 1 075 человек, в том числе 800 – за принадлежность к левым партиям (сюда вошли и сочувствующие им). Схваченные контрразведчиками ранее руководитель разведывательного отдела Военно-революционного штаба одесского подполья А. Хворостин, П. Лазарев и секретарь Союза металлистов Горбатов были расстреляны [18, с. 119]. Тем самым Кирпичников нарушил тайную договоренность Гепецкого с большевистским подпольем. После этих казней восстановить былое доверие шеф контрразведки Новороссии мог только одним способом. И Кирпичников был убит.

Согласно одной из версий, убийство совершили подпольщики, по другой – бойцы партизанского отряда Жоржа Белого. Но ветераны одесского подполья заслугу ликвидации Кирпичникова себе не приписывали. Абсурдную версию выдвинул в эмиграции Н.Н. Козлов: чиновник-коррупционер (по другой версии – полковник) был приговорен к расстрелу на собрании сотрудников белогвардейских и английской спецслужб [13, с. 9]. Однако британских войск и военного флота в то время в Одессе не было, а убийство контрразведчиками своего шефа за вымогание взяток не имеет прецедентов в истории гражданской войны. Но случайно ли упомянул Козлов о совещании контрразведчиков? Глава деникинской разведки намекал на причастность к ликвидации Кирпичникова его начальника – полковника А.А. Гепецкого. Или начальника военной контрразведки полковника В.Ф. Цепушелова?

Белые разгромили войска Симона Петлюры и отбросили их за линию, контролируемую польской армией. Однако на антибольшевистском фронте ВСЮР начали терпеть поражения. В ноябре 1919 г. части, подготовленные белыми для операции по освобождению Бессарабии, деникинское командование перебросило на борьбу против Красной армии. Положения на фронте эта мера не изменила, но восстановленная военная опора Комитета «Спасение Бессарабии» на линии Днестра была потеряна вторично.

Руководство Комитета было намерено продолжить борьбу за освобождение Бессарабии и после поражения Добровольческой армии. Полковник Гепецкий запросил у белого командования на нужды бессарабского подполья крупную сумму – 12 млн руб. В начале января 1920 г. эти деньги поступили в распоряжение Комитета. В последние недели существования белой власти в Одессе и левобережном Поднестровье члены Комитета и сотрудники Гепецкого подбирали агентов для направления в Бессарабию с задачей продолжить

работу, начатую в 1918 г. Деятельность эта была прервана 13 февраля 1920 г., когда войска Красной армии вновь вошли в Тирасполь.

Приказ о расстреле политзаключенных, отданный командованием ВСЮР в Одессе, выполнен не был. Подразделение белых, якобы присланное из Киева охранять тюрьму и, видимо, выполнить этот приказ, выпустило заключенных и сложило оружие еще до прибытия красных войск [8, с. 210]. Остались живы и дождались освобождения города и арестованные белой контрразведкой чекисты [18, с. 119]. Что это было: упущение контрразведчиков или услуга, оказанная А.А. Гепецким большевикам? Скорее, второе.

Румынское правительство отказалось пропустить в Бессарабию отступающие войска ВСЮР. Эти части, в том числе обоз с 7 тыс. раненых и беженцев, были вынуждены совершить под командой генерал-лейтенанта Н.Э. Бредова тяжелый 14-дневный переход вдоль Днестра от Овидиополя и Тирасполя до Новой Ушицы, где были разоружены польскими войсками. Красные этому переходу практически не препятствовали. Укомплектованная преимущественно уроженцами Бессарабии кавалерийская бригада под командой Г.И. Котовского дождалась прохождения «бредовской» колонны и только после этого вступила в Тирасполь. «Красному генералу» Котовскому, широко известному со времен революции 1905–1907 гг., верили даже белые. Находившиеся в с. Суклея, на окраине города 7,5 тыс. солдат и офицеров ВСЮР сложили оружие перед его бригадой численностью всего в 500 бойцов. Белым выдали соответствующие справки и распустили их по домам. А в Бессарабии белое подполье создало полулегальную «Бессарабскую монархическую организацию», руководимую генерал-лейтенантом Е.А. Леонтовичем [49, с. 103–105].

Н.Э. Бредов, генерал-лейтенант, командующий Киевской группой Вооруженных сил юга России

С румынской оккупацией Бессарабии не смирились не только красные, но и белые. Общей целью основных участников гражданской войны на Днестре стало воссоединение области с Россией. Для решения этой задачи белые негласно взаимодействовали с красными. В 1918–1920 гг. Комитет «Спасение

Бессарабии», как и большевистское подполье, готовил в Бессарабии освободительное восстание. Свою политическую и организационную работу он проводил последовательно и в тактическом плане успешно. Участники организации оказали поддержку Хотинскому восстанию и приняли участие в Бендерском восстании, организованном большевиками. Также они готовили операцию войск ВСЮР по освобождению области. Достичь своей конечной цели Комитет «Спасение Бессарабии» не смог вследствие поражения белых в гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфавитный список дворянских родов Бессарабской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу (1821-1916). Режим доступа: http://www.bessarabia.ru/dvor1.htm

2. Бертело Анри. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1729857

3. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

4. В суматохе 1919 года. В кн.: Полушин В. Тирасполь на грани столетий. Кн. 2. Тирасполь, 1996.

5. Воспоминания участника восстания. Режим доступа: https://gvizdivtsi.org.ua/

6. Гавриил (Чепур). Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гавриил (Чепур)

7. Гагауз Федор Иванович. Режим доступа: http://regiment.ru/bio/G/438.htm.

8. Героическое подполье. В тылу деникинской армии. Воспоминания. М., 1975.

9. Геруа Александр Владимирович. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/321052

10. Греков Александр Петрович. Режим доступа: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1026

11. Елена Кирилловна Соколовская: женщина в русской революции. Режим доступа: http://krasnaya-zastava.ru/wiki/index.php

12. Журьяри Георгий Александрович. Режим доступа: http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=7012.

13. Зинько Ф.З. Кое-что из истории одесской ЧК. Одесса, 1998.

14. Иванова З.М. Левобережные районы Молдавии в 1918–1924 гг. (Исторический очерк). Кишинев, 1979.

15. История Молдовы. Т. III. Молдавия в новейшее время (1917 – начало XXI века). Кишинев, 2016.

16. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 1. Тирасполь, 2001.

17. Кадры белогвардейской контрразведки. Режим доступа: http://www.autovipclub.ru/forum/showthread.php?t=3161

18. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М, 2013.

19. Леонтович Евгений Александрович. Режим доступа: http://pskovgrad.ru/war/pervaya-mirovaya-vojna/27442-leontovich-evgeniy-aleksandrovich.html

20. Милюков Павел Николаевич. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Милюков_ Павел_Николаевич

21. Назария С.М. Бессарабский вопрос в эпоху мировых войн и его интерпретации в историографии: от возникновения до Парижских мирных договоров (1917–1947). Кишинэу, 2018.

22. Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 679. Оп. 1. Д. 4929.

23. НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4929.

24. НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3401.

25. НАРМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 3993.

26. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время. Сборник статей, документов и воспоминаний. Бендеры, 2011.

27. Новохатский М. Путь в легенду. Очерк жизни Г.И. Котовского. Кишинев, 1976.

28. Орлов В.Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.

29. Подольский 55-й пехотный полк. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Подольский_55-й_пехотный_полк

30. Процесс 108-ми. В кн.: Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

31. Пученков А.С. «Большой город дает возможность развернуться»: из истории французской интервенции в Одессе. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-gorod-daet-vozmozhnost-razvernutsya-iz-istorii-frantsuzskoy-interventsii-v-odesse

32. Русское поле. Кишинев, 2010. № 1.

33. Советско-румынские договоры. Режим доступа: http://www.livejournal.ru/users/5016459/post233385474/

34. Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2014.

35. Суляк С. Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004.

36. Тарнакин В., Соловьева Т. Дети Карла Шмидта. Режим доступа: https://orasulmeuchisinau.wordpress.com/2009/12/10/

37. Тиховская О. Бессарабский, безответный? // Русское слово. 2017. № 3.

38. Фьодоров Г.К. Режим де репрессий сынжероасе. Кишинэу, 1973.

39. Хотинское восстание. Режим доступа: http://mirznanii.com/a/346727/khotinskoe-vosstanie

40. Хотинское восстание. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1976.

41. Хотинское восстание: воспоминания Адажия Н.Л. Режим доступа: https://ukrkovcheg.org.ua/хотинское-восстание-воспоминания-ад/

42. Цыпин В. История Русской Церкви. Т. 9. М., 1997. Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/index.html?sid=247&did=3526&p_comment=history

43. Широкорад А.Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М., 2007.

44. Шорников П. Голосование под угрозой штыков // Русское слово. 2018. № 14.

45. Шорников П. Иеремия Чекан, священник и общественный деятель. В сб.: Покровские чтения. Кн. 11. Тирасполь, 2010.

46. Шорников П. Павел Ткаченко во главе бессарабского подполья // Русин. 2008. № 1-2.

47. Шорников П. Тираспольская база офицерской организации «Спасение Бессарабии». 1918–1920. // Общественная мысль Приднестровья. 2012. № 1.

48. Шорников П.М. Белые и красные на Днестре: саботаж гражданской войны? // Русин. 2014. № 4.

49. Шорников П.М. Бессарабский фронт. (1918–1940 гг.). Тирасполь, 2011.

50. Шорников П.М. Досье подвижника. Общественная деятельность Иеремии Чекана по материалам румынской тайной полиции // Русский альбом. Кишинев, 2002. Вып. 7.

51. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Очерки истории. Тирасполь, 2018.

52. Ясское совещание. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ясское_совещание

53. Ghibu O. Trei ani pe frontul basarabean. Bucureşti, 1996.

54. “Unirea” şi evenimentele anului 1918 din Republuca Moldovenească in documentele Siguranţei şi Armatei Rombne. Chişinau, 2018.

УДК 94(478) “1919”

Б.Г. БОМЕШКО,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

К 100-ЛЕТИЮ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ПРОЕКТА «БЕССАРАБСКАЯ ССР»

Аннотация: Весной 1919 г. Советская Россия готовилась осуществить очередную попытку освобождения и возвращения Бессарабии военным путем. Был подготовлен план наступления через Днестр, утвержден состав Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии для управления этой территорией после ее освобождения. Временное правительство приняло Манифест, объявляющий Бессарабию советской республикой в составе РСФСР. По ряду обстоятельств территория Бессарабии не была освобождена, не состоялась и одноименная республика. Факт провозглашения виртуальной советской республики получил достаточное отражение как в кишиневской, так и в тираспольской историографии, с далеко идущими историческими утверждениями.

Ключевые слова: Бессарабская ССР, оккупация Бессарабии Румынией, временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, МАССР.

Советская Россия никогда не мирилась с захватом и оккупацией Бессарабии Румынией и предпринимала самые разнообразные попытки ее возвращения. Первая попытка освобождения Бессарабии в феврале 1918 г. оказалась неудачной, несмотря на успешные боевые действия советских войск под командованием М. Муравьева. Следующая реальная возможность очищения Бессарабии от оккупантов появилась весной 1919 г. С выходом Красной армии к Днестру штаб Украинского фронта стал разрабатывать план наступления на Бессарабию. Приднестровье вновь должно было стать плацдармом предстоящей операции.

9 апреля 1919 г. в Одессе был создан Бессарабский революционный комитет. Сюда направлялись отозванные с различных фронтов и городов страны члены Бессарабского губисполкома и Кишиневского горисполкома Советов рабочих и солдатских депутатов, действовавших в 1917 – начале 1918 гг. На заседании Политбюро ЦК КП(б) Украины 28 апреля 1919 г. было принято решение о формировании Бессарабской Красной армии с целью освобождения Бессарабии от румынских оккупантов и восстановления Советской власти. Тогда

же по ходатайству бессарабских секций и групп РКП(б) на территории Советской России во главе с Бессарабским бюро при ЦК РКП(б) и представлению Бессарабского бюро при Одесском обкоме партии был рассмотрен и утвержден состав Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии во главе с председателем И.Н. Криворуковым. Правительство было создано для управления Бессарабией после ее освобождения [11, с. 99-100].

30 апреля 1919 г. представитель Одесского обкома сообщил в СНК УССР, что принято постановление «*создать Бессарабский совнарком, который в момент занятия одного из пунктов Бессарабии обнародует манифест и объявит Советскую власть. Решение этого вопроса требуется немедленно, так как наши части на подступах Бендер. Взятие – вопрос дней. Побережье Днестра с нашей стороны очищено, наводятся понтонные мосты*». Далее назывались фамилии членов правительства и подчеркивалась срочность и неотложность рассмотрения возникающих вопросов [2, с. 284].

Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии начало свою деятельность в городе Одесса. К середине мая 1919 г. уже были укомплектованы комиссариаты, или, как их еще назвали, отделы правительства. В 20-х числах мая правительство было передислоцировано к границе Бессарабии. Так оно оказалось в Тирасполе, где и располагалось в поезде на железнодорожной станции. При осложнении военной ситуации на Днестре в районе Тирасполя этот поезд переправлялся на другие станции Одесской железной дороги. Правительство Бессарабии развернуло политическую и культурно-просветительскую работу среди бессарабских революционных

Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии

частей: направляло агитаторов, а также литературу на оккупированную территорию Бессарабии, издавало еженедельную газету «Красная Бессарабия», печатало листовки. Народные комиссариаты в основном занимались разработкой декретов Бессарабской ССР на основе законодательных актов РСФСР [8, с. 105].

Комиссариат внутренних дел формировал законодательные акты и циркулярные распоряжения по управлению внутренней жизнью Бессарабской ССР, охватывающие все отрасли центрального и местного управления. Комиссариат продовольствия и финансов готовился к введению хлебной монополии и продовольственной кампании в Бессарабии. Разработкой аграрных законов занимался Комиссариат земледелия. Комиссариат просвещения разрабатывал проект Закона о единой трудовой школе Бессарабской ССР. В других наркоматах и отделах также создавались проекты законов и различных положений [1, с. 206-207]. Все разрабатываемые законы, положения, инструкции должны были использоваться в случае освобождения Бессарабии. Кроме того, временное правительство являлось своеобразным центром по дестабилизации оккупационного режима.

Правительства РСФСР и УССР 1 мая 1919 г. предъявили Румынскому королевству ультиматум с требованием немедленной эвакуации ее войск из Бессарабии [5, с. 148–151]. 5 мая 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии опубликовало Манифест, обращенный к красноармейцам, рабочим и крестьянам Бессарабии, в котором заявило, что Бессарабия объявляется Советской Социалистической Республикой в составе РСФСР. Манифест заканчивался призывом: «*Все в бой, все к оружию!... Вперед к победе!... Да здравствует освобожденная от румынского гнета Бессарабия!*» [2, с. 291].

На левобережье Днестра и в районе Одессы формировались отдельные бессарабские части Красной армии. Были созданы Особая Бессарабская стрелковая бригада, Бессарабская советская стрелковая дивизия и другие части. При слабости и неорганизованности этих частей в них стихийно возникала партизанщина. В результате такого положения и под воздействием призывов Временного Бессарабского правительства 11 мая 1919 г. некоторые части Бессарабской дивизии, неукомплектованные и неготовые к боевым действиям, начали наступление против войск Румынии. Однако уже на второй день это наступление захлебнулось [7, с. 271].

Операция по освобождению Бессарабии сорвалась практически в самый последний момент по причине того, что в начале мая части

Григорьева, на основе которых формировалась 6-я стрелковая дивизия 3-й армии, подняли мятеж. В середине мая войска Вооруженных сил Юга России под командованием А. Деникина перешли в наступление на Донбассе и, прорвав фронт, стали продвигаться вглубь Украины. Все это полностью перечеркнуло планы большевиков решить Бессарабский вопрос военным путем [13. с. 113].

Однако отсутствие здравого смысла у некоторых членов бессарабского правительства, неадекватность в оценке всей серьезности изменившейся ситуации подтолкнуло их к осуществлению преступной провокации. На рассвете 27 мая 1919 г. небольшой красноармейский отряд численностью около 150 человек, состоявший в основном из бывших партизан-бессарабцев, без ведома командования переправился через Днестр в районе с. Парканы в г. Бендеры. В этой операции принимали участие и члены правительства Бессарабской республики, его сотрудники и охрана правительственного поезда. К красноармейцам присоединились восставшие рабочие, которые, застигнув противника врасплох, добились на первых порах значительных успехов. Однако вскоре действия небольшой группы красноармейцев и рабочих отрядов города потерпели поражение. Выступление партизан из Тирасполя способствовало несвоевременному выходу из подполья ревкомов и партийных комитетов, которые были сразу же разгромлены. В тот же день остатки отряда красноармейцев переправились на левый берег Днестра. Потери партизан составили более 30 человек. Среди них были сотрудники правительственного аппарата И. Криворукова, трое из которых погибли и четверо – пропали без вести. После отступления отряда оккупанты учинили в городе жестокую расправу над мирным населением [9, с. 44–46].

И.Э. Якир, командующий Южной группой войск Красной армии

К концу лета 1919 г. советские войска в районе города Одесса и Приднестровья были отрезаны от основных сил Красной армии и оказались вынуждены в составе Южной группы войск под командованием И.Э. Якира пробиваться на север. В обозе Южной группы войск эвакуировалось и Бессарабское правительство. В начале сентября 1919 г. оно было распущено [14, с. 110].

События, связанные с Бессарабской республикой, нашли свое отражение в кишиневской историографии как советского, так и постсоветского периода. Весьма эмоциональную оценку им дал академик А. Лазарев. Особо его впечатлил Манифест Бессарабского правительства от 5 мая 1919 г. о провозглашении республики. Он утверждал, что это *«первый преданный гласности советский официальный документ, в котором впервые в истории молдавского народа официально и печатно идет речь о создании молдавской национальной государственности – Бессарабской ССР, это первый советский документ Молдавии, который носит законодательный, конституционный характер»* [15].

Вместе с тем, академик был убежден в том, что провозглашенная республика ошибочно, неправомерно и неграмотно была названа «Бессарабская», она, по его мнению, должна была именоваться «Молдавской». События, связанные с этой республикой, А. Лазарев рассматривал как второй, неудавшийся этап процесса национального самоопределения, становления молдавской советской национальной государственности в масштабе всей территории Молдавии на обоих берегах Днестра [15].

Ряд кишиневских историков постсоветского периода также считал, что процесс создания Бессарабской республики и вхождения в него левобережья стал важным историческим свидетельством, доказывающим, что большевики еще на заре своей власти рассматривали территорию Приднестровья как часть молдавского (румынского) пространства и на протяжении всех лет пребывания у власти делали все возможное для воссоединения единого народа на обоих берегах Днестра. Идеи несостоявшегося проекта «Бессарабская республика» были использованы, считали они, при создании МАССР, когда в ее состав включили Бессарабию. И только в 1940 г., по их мнению, идеи большевиков были реально осуществлены, и таким образом свершился акт исторической справедливости, произошло объединение единого народа. В результате история с провозглашением Бессарабской ССР стала использоваться как один из аргументов, подтверждающих легитимность единого государства, расположенного на обоих берегах Днестра, и будущей реинтеграции Молдовы.

Утверждения академика А. Лазарева о создании на территории Бессарабии и левобережья Днестра молдавской советской национальной государственности нашли своих сторонников и в Приднестровье [17, с. 29, 140-141; 6, с. 20]. Они считали, что в состав Бессарабской республики входили территории Тираспольского, Балтского и Оль-

гопольского уездов (т.е. Приднестровья) и столицей данного образования являлся Тирасполь. На основании этого утверждения делались выводы о том, что отправной точкой создания советской государственности в Приднестровье следует считать не образование МАССР в 1924 г., а провозглашение БССР в 1919 г. Таким образом, была сделана попытка опровергнуть устоявшуюся концепцию о ПМР как о правопреемнице МАССР, т.е. о двух формах государственности в Приднестровье, известных истории, и подогнать ее под идеи кишиневских историков.

Однако вся доказательная база о деятельности БССР, о вхождении территории Приднестровья в ее состав и подчинении Временному правительству республики строилась лишь на основе изданной в Одессе в 1928 г. книги воспоминаний председателя упомянутого правительства И. Криворукова «На рубеже отторгнутой земли» [10].

В ней автор утверждал, что приднестровская территория всецело была подчинена его правительству и даже делал вывод, что таким образом она еще тогда стала «зародышем» будущей МАССР. В этой книге, изданной в первые годы существования МАССР, автор не мог выйти за рамки официальной идеи – предназначения молдавской автономии для решения геополитической задачи – возврата Бессарабии и экспансии в Румынию. Безусловно, все это не могло не наложить свой отпечаток на воспоминания старого революционера [10, с. 20].

По поводу утверждений И. Криворукова следует заметить, что украинское руководство никогда не принимало и не могло принять решения о вхождении трех уездов Украины в состав БССР, так как оно лишено всякого смысла и резона. К тому же здесь можно вспомнить весьма негативную реакцию властей Украины по поводу создания Молдавской республики в составе УССР в 1924 г. Что уж говорить о передаче исконно украинских земель в Бессарабскую республику в составе РСФСР? По этой причине и не существует в природе ни одного документа, подтверждающего это весьма смелое утверждение. Ни один источник, ни одна публикация даже косвенно, даже намеком не подтверждают какое-либо взаимодействие Временного Бессарабского партийного комитета и Временного Бессарабского правительства со структурами власти в Приднестровье. История становления и развития легитимных органов Советской власти в Приднестровье в годы гражданской войны не представляется какой-либо проблемой. Существует весьма обширная историография, которая позволяет представить достаточно полную картину того,

что происходило на территории Приднестровья в рассматриваемый период [1; 2; 3; 4; 8; 12; 14; 16].

Во всех научных изданиях, публикациях БССР упоминается лишь в контексте провозглашения ее Временным Бессарабским правительством и бюрократической работы вышеупомянутого правительства по подготовке различных документов для будущей республики. Ни один автор публикаций на эту тему не позволял себе употреблять такую терминологию, как создание, существование, государственное строительство в республике, ввиду того, что имелись документальные доказательства отсутствия такого исторического факта, как существование БССР. Что же касается утверждения об исполнении Тирасполем функций столицы Бессарабской республики, то на этот счет уже давно дан исчерпывающий ответ, в том числе и академиком А. Лазаревым, – город Тирасполь был временным местом пребывания Бессарабского правительства [15]. Аналогичное мнение высказывается и в Молдавской советской энциклопедии [13, с. 112].

Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что Бессарабская ССР была одной из множества виртуальных советских республик, создававшихся и лопавшихся после революции на всей территории бывшей Российской империи, в том числе и на Украине. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что реальной Бессарабской республики не существовало, иные же утверждения являются, по нашему мнению, не более чем домыслами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афтенюк С.Я. Ленинская национальная политика коммунистической партии и образование советской государственности советского народа. Кишинев, 1971.

2. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

3. Брысякин С.К., Сытник М.К. Торжество исторической справедливости. Кишинев, 1969.

4. Довгополый И.И. Коммунисты Молдавии в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Кишинев, 1983.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1957.

6. Исторический атлас ПМР. Тирасполь, 2005.

7. История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1984.

8. История МССР. Т. 2. Кишинев, 1968.

9. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 1. Тирасполь, 2001.

10. Криворуков И.Н. На рубеже отторгнутой земли. Одесса, 1928.

11. Летопись важнейших событий в истории Компартии Молдавии. Кишинев, 1974.

12. Молдавская Советская Социалистическая Республика. Энциклопедия. Кишинев, 1979.

13. Молдавская ССР. Энциклопедический справочник. Кишинев, 1979.

14. Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1981.

15. Советская Молдавия. 1991. 8 июня.

16. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

17. Энциклопедия. Приднестровская Молдавская Республика. Тирасполь, 2005.

УДК 94(478)

Н.В. БАБИЛУНГА,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

БЕНДЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ОСНОВЕ ЗАПИСОК И.Н. КРИВОРУКОВА)

Аннотация: Статья посвящена характеристике попыток возрождения молдавской государственности периода революции и начального этапа гражданской войны. Особое внимание уделено Бендерскому восстанию как одной из ярких страниц гражданской войны, свидетелем и в какой-то мере участником которого стал видный революционер И.Н. Криворуков.

Ключевые слова: Революционный комитет по спасению Молдавской республики, Бендерское восстание, Сфатул Цэрий, аннексия, Особая бессарабская стрелковая бригада, Бессарабская советская стрелковая дивизия.

Историкам хорошо известно, что румыны два раза ликвидировали молдавскую государственность. Первый раз – в 1859 г., когда присоединили к Мунтении оставшуюся за Прутом часть Молдавского княжества (Запрутскую Молдову) и перенесли столицу государства в Бухарест, а затем вооруженной силой подавили недовольство молдаван этим коварством. Во второй раз – в 1918 г., когда оторвали от России созданную их же агентами Молдавскую Демократическую Республику, лишив ее поначалу автономных прав, а затем превратив в свою колониальную провинцию, опять-таки кровавыми репрессиями подавляя сопротивление населения.

Каждый раз румынам ошибочно казалось, что молдавская государственность уничтожается бесповоротно и окончательно, раз и навсегда. И каждый раз они переоценивали свои возможности и недооценивали стремление жителей края к свободе и независимости. Бендерское восстание 1919 г. стало одной из самых ярких страниц этой жажды свободы, стремления к независимости и счастью.

Эпоха возрождения государственности молдавского народа в советской ее форме началась с победой Советской власти и началом гражданской войны в регионе, связанным с оккупацией его королевской Румынией. Причем, что удивительно, начиналось это возрождение на территориях, которые никогда не входили в состав молдавского средневекового государства, – на левом берегу Днестра.

Приднестровью было назначено судьбой стать землей, на которой молдаване начнут свой путь в будущее в составе могучей державы, достигнут небывалых за всю свою историю высот, познают невиданный духовный взлет и счастье выдающихся побед и одновременно – горечь несправедливостей, массовых трагедий, беззакония.

Первые попытки растормошить в своих интересах молдавское население левобережья Днестра предприняли, как это ни странно, не столько российские революционеры, сколько румынские агенты еще на Военно-молдавском съезде в Кишиневе 21–28 октября 1917 г. Они лелеяли тщетную надежду втянуть в состав Румынского королевства не только Бессарабию, но и Приднестровье. Лидеры прорумынской Молдавской национальной партии предложили тогда своим сторонникам обсудить вопрос «О молдаванах Приднестровья» и даже предоставить им 10 мест в Государственном совете создаваемой Молдавской Демократической Республики, которую впоследствии сами же и уничтожили по приказу своих хозяев.

Собственно, еще до ввода румынских войск в Бессарабию Сфатул Цэрий проявлял жгучий интерес к возможности вовлечения приднестровских молдаван в свои антиславянские авантюры. В середине декабря 1917 г. Пан Халиппа выступил в Тирасполе на немногочисленном сборище местных приверженцев Молдавской национальной партии, которое они высокопарно назвали «Съездом заднестровских румын». Руководитель Сфатул Цэрий, воодушевленный глобальностью предстоящих задач, разоткровенничался: *«Наш народ – народ борцов и завоевателей. Вы идете впереди своего народа на Восток, чтобы захватить земли и покорить народы… Будьте бдительны, так как на вашем пути стоит народ, с которым вам предстоит бороться. Украинцы жадны до земли… Мы являемся хозяевами этой земли более 400 лет»* [3, с. 26]. Правда, назвать приднестровских молдаван румынами этот деятель так и не решился.

Более реальным шагом на пути молдавской государственности стало создание в Тирасполе Революционного комитета по спасению Молдавской республики. Это произошло 6 января 1918 г., в самый разгар вторжения румынских оккупационных войск в Бессарабию. Революционеры Тирасполя, деятели Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов пытались помочь бессарабским братьям защитить свою родину от пришельцев. Однако события развивались стремительно: в январе румыны подавили сопротивление революционных частей и захватили Кишинев, а затем и всю Бессарабию до Днестра. А Советская Россия в огне разгоравшейся гражданской

войны не имела сил защитить ее население от захватчиков.

А. Авереску, генерал, премьер-министр Румынии

Правда, румыны не исключали и того, что их армия будет с большими потерями изгнана революционными силами из края. Дело в том, что в созданную тогда Одесскую Советскую Республику вступили войска 3-й революционной армии под командованием Михаила Муравьева, левого эсера и, как потом оказалось, политического авантюриста. Но тогда, в первые месяцы 1918 г., он возглавил все вооруженные силы Одесской республики и нанес румынам в Бессарабии ряд ощутимых поражений. По этой причине генерал А. Авереску подписал с Советской Россией соглашение от 5–9 марта 1918 г. о выводе своих войск из Бессарабии в двухмесячный срок и принял обязательство «не предпринимать никаких военных, неприятельских или других действий» против республики Советов [3, с. 34-35]. Верные себе, румыны одновременно подписали с австро-германским блоком мирный договор, по которому немцы признавали Бессарабию частью Румынии. Антанта не возражала. Наступление немцев и австрийцев, захват ими Украины позволили Румынии не выполнять взятых на себя обязательств перед Советской Россией. Впрочем, никаких таких обязательств румыны и не собирались выполнять. Бессарабия стала их колонией, и точка.

Однако в ходе кровопролитных боев гражданской войны Красная армия весной 1919 г. снова подошла к Днестру. В начале апреля в регион прибыли эвакуированные из Бессарабии революционеры, большевики, румынские интернационалисты, сражавшиеся за победу Советской власти. Освобождение края от румынской военщины, казалось, с каждым днем становится все реальнее и ощутимее. 1 мая 1919 г. правительства Советской России и Советской Украины направили королевскому правительству ноту с требованием немедленного вывода оккупационных войск из Бессарабии. Никакого ответа румыны не дали. И тогда заработал процесс подготовки к освобождению края и возрождению молдавской государственности.

Уже 5 мая 1919 г. в Одессе было объявлено о создании Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии, в состав которого

вошли Бужор, Аладжалов, Ушан, Паламаренко, Воронский, Граб, Визгирд, Касперовский, а затем – Крусер, Старый и др. Председателем этого правительства стал Криворуков [4, с. 18]. Он подписал манифест, который провозгласил создание Бессарабской Советской Социалистической Республики как части РСФСР на правах федерации.

И.Н. Криворуков, председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии

И.Н. Криворуков стал свидетелем и в какой-то мере участником Бендерского восстания. Его наблюдения для нас необычайно ценны и показательны. Однако книга его воспоминаний «На рубеже отторгнутой земли (дни борьбы за Бессарабию)», изданная в Одессе в 1928 г., почти сразу попала под запрет – автор упоминает в ней Л.Д. Троцкого без присущих для его времени уничижительных эпитетов. Впоследствии и сам Криворуков был репрессирован, и его работа оставалась исследователям неизвестной. Лишь в последнее время случайно сохранившийся экземпляр этой брошюры был обнаружен, и мы воспользуемся им для нашего повествования.

Но прежде всего – кто такой сам Криворуков? Молдаванин, кишиневский рабочий, матрос броненосца «Потемкин», профессиональный революционер, узник царских застенков, профсоюзный деятель и член Сфатул Цэрий, руководитель правительства несостоявшейся Бессарабской ССР, красноармейский комиссар, создатель и народный комиссар Молдавской АССР, член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, член Всесоюзного общества старых большевиков, жертва незаконных репрессий и террора в сталинские времена [5, с. 312]. Во многих ипостасях мы видим эту историческую личность на ее бурном жизненном пути, и героическом, и трагическом одновременно...

Несомненно одно – И.Н. Криворуков принадлежит к славной когорте борцов за народное счастье в Молдавии. Замечательный сын молдавского народа, он был едва ли не самой яркой фигурой среди рабочих-революционеров нашего края. Его счастливая, но трудная и драматическая судьба вместила в себя напряжение и трагизм целых эпох нашей истории. Долгое время это имя было вычеркнуто

из памяти народа, оклеветано и предано забвению. И теперь, по крупицам восстанавливая его жизнь, мы обнаруживаем самобытный характер революционера, прямой и честный путь в революцию которого являет пример стойкости и несгибаемости духа.

Иван Николаевич Криворуков родился в 1883 г. в бедной молдавской семье кишиневского портного. Окончив церковно-приходскую школу, он поступает в бендерское четырехклассное училище, но с 14 лет вынужден идти работать, чтобы помочь семье после смерти отца [1, с. 53]. Хозяева приметили сметливого юного рабочего и оценили его острый ум и золотые руки – стали платить неплохие деньги. Но не возможность «выбиться в люди» или скопить какую-то сумму, не карьера «рабочего аристократа» привлекала его.

В 1901 г. он знакомится с кишиневскими революционерами, с социал-демократами. Именно в этом году в городе развернула бурную деятельность искровская «Группа объединенного протеста», ею организованы забастовки, состоялись первая в истории края политическая демонстрация и антиправительственный митинг в центре города. Молодой Ваня Криворуков жадно читал подпольные газеты, брошюры, листовки; по заданию революционеров разносил эти издания по мастерским и фабрикам, расклеивал листовки. И в 1902 г. его принимают в ряды РСДРП; тогда же и первое боевое крещение – на тайной сходке рабочих кишиневских пекарен конные полицейские драгуны рассекли ему голову [1, с. 53].

Осенью 1904 г. Криворуков был призван на военную службу во флот. Как человек грамотный, с живым умом, он был направлен шкипером на броненосец «Потемкин» и принимал самое активное участие в революционном движении, стал членом Военной социал-демократической организации Севастополя. Военно-морское начальство списало Криворукова с броненосца на берег как «неблагонадежного» в июне 1905 г., буквально за несколько дней до выхода корабля в свой исторический поход, во время которого вспыхнуло известное всему миру восстание.

Будучи делегатом в Совете Севастополя от 36-го флотского экипажа, членом Военно-революционного Совета севастопольского гарнизона «Матросская централка», И.Н. Криворуков стал одним из деятельных участников восстания 11–15 ноября 1905 г. под руководством лейтенанта П.П. Шмидта. Вместе с двумя товарищами-большевиками он разработал план наступательных действий, распространения восстания по всему региону Черноморского побережья [1, с. 54].

После подавления восстания Криворуков был арестован. Как и лейтенант Шмидт, как и другие активные участники Севастопольского восстания, он наверняка был бы расстрелян. Однако с группой матросов-повстанцев Криворукову удалось совершить дерзкий побег из плавучей тюрьмы «Саратов».

Перейдя на нелегальное положение, И.Н. Криворуков по поручению Киевского комитета РСДРП занимается транспортировкой литературы, тайно проживает в различных городах страны. Затем он перебирается за границу и работает среди своих товарищей-потемкинцев в румынском порту Тулча. По просьбе Харьковского комитета РСДРП Криворуков возвращается в Россию, чтобы руководить подпольной типографией. Однако полиции удалось выйти на его след, и в начале 1907 г. Криворуков был арестован. Как один из руководителей Севастопольского восстания, он по приговору военно-морского суда получил 17 лет каторги [1, с. 54].

10 лет провел Криворуков в знаменитом Александровском каторжном централе, где рядом с ним томились Ф.Э. Дзержинский, Ф.А. Артем, М.В. Фрунзе, Г.К. Орджоникидзе, другие выдающиеся революционеры той эпохи. В мрачных застенках Криворуков продолжал революционную работу: он не только установил связь с подпольной большевистской организацией, но и направлял за пределы тюрьмы статьи для публикации в революционной печати, в том числе в американской социалистической прессе. Часть из них ныне найдена. Одна из статей («Борьба с “Иванами” в Александровской каторге») напечатана в журнале «Каторга и ссылка» в 1928 г.

Февральская революция открыла двери централа. Криворуков возвращается в Кишинев, где окунается в революционное движение, вносит в борьбу рабочих свой богатый политический и практический опыт. Он был избран секретарем Центрального бюро профсоюзов и активно боролся за победу Советской власти в крае. Руководство Сфатул Цэрий, желая расширить свою социальную опору, вводит революционера в свой круг как борца с царизмом и как молдаванина, назначает его членом этой организации, депутатом от рабочих масс. Это наивное решение пришлось исправлять румынам.

Румынские власти были более прозорливыми и постарались поскорее избавиться от такого беспокойного «депутата». Военные депортировали Криворукова за Днестр. В оккупированной странами Антанты Одессе он возглавил Бессарабское бюро при Одесском областном подпольном комитете партии. Все силы Криворуков отдавал деятельности Комитета освобождения Бессарабии. И вот в апре-

ле 1919 г. бюро ЦК компартии Украины утвердило его как испытанного революционера, большевика на посту председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Бессарабии [1, с. 55].

В своем обращении к населению края от 5 мая 1919 г. правительство Бессарабской ССР под председательством Криворукова объявило, что все законы и декреты румынского правительства, как и его агентуры из Сфатул Цэрий, отныне недействительны. Восстанавливается действие советских законов и декретов. После изгнания оккупантов из края будет восстановлено народное хозяйство, а заводы и фабрики, земля, банки, крупные торговые предприятия станут народной собственностью. Будет созван съезд Советов Бессарабии, которому Временное рабоче-крестьянское правительство передаст всю полноту власти. Жители всех национальностей, населяющих край, объявляются равными в правах. Для их защиты будет сформирована Красная армия республики. Временным местом пребывания правительства Бессарабской ССР назначался город Тирасполь [3, с. 44].

Поезд, в вагончиках которого работало правительство Бессарабской ССР, прибыл в Тирасполь. В ожидании скорого освобождения края от румынских захватчиков Криворуков и другие члены правительства торопились как можно скорее подготовить проведение мероприятий по кардинальным политическим, социальным, хозяйственным и культурным преобразованиям родной земли в недалеком будущем. Особое внимание уделялось подготовке к решению самого главного для местных жителей вопроса революции – аграрной реформе. Отдел земледелия при наделении крестьян бесплатной землей планировал максимально учитывать интересы не только бедняцких хозяйств, но и середняцких.

Здесь, на левом берегу Днестра и в районе Одессы, формировались воинские подразделения, которым предстояло помочь народу захваченного края изгнать оккупантов. При участии И.Н. Криворукова из бессарабцев-добровольцев создаются боевые части Красной армии. В этот период формируется Особая бессарабская стрелковая бригада, Бессарабская советская стрелковая дивизия и многие военные подразделения, основной костяк которых составили молдаване, украинцы, русские, болгары, евреи и представители других национальностей Бессарабии и Приднестровья. Все они затем вольются в знаменитую 45-ю стрелковую дивизию под командованием уроженца Кишинева И.Э. Якира [1, с. 55]. Не понаслышке знакомый с организацией подпольного движения, Криворуков держит в центре

внимания создание в оккупированном крае ревкомов и повстанческих отрядов.

Конечно, не была забыта и пропаганда, или, как сейчас говорят, информационное обеспечение операции по изгнанию оккупантов с молдавской земли. Криворуков организует издание газет «Бессарабская правда» и «Красная Бессарабия». Здесь же печатаются и перевозятся через Днестр листовки на молдавском и русском языках. Не забывали даже оккупантов: листовки на румынском и французском языках, с объяснением вражеским солдатам сущности происходящих событий, печатались в Тирасполе и распространялись в Бессарабии. В результате французские войска, расположенные в крае, были настолько взбудоражены несправедливостью своей миссии, что правительство Франции, боясь дальнейшего их революционного «разложения», сочло за благо отдать приказ о выводе из Бессарабии всех своих воинских частей [2, с. 33–35]. Революционные волнения начинались и в румынских подразделениях.

Обращение «К народам мира» о создании советской государственности в крае И.Н. Криворуков даже посылает в Западную Европу своему коллеге по Сфатул Цэрий, председателю его крестьянской фракции В.В. Цыганко. Как считал председатель правительства Бессарабской ССР, тексты Манифеста и Обращения крайне необходимы, чтобы «ознакомить с этими документами западноевропейский пролетариат».

И.И. Гарькавый,
помощник начальника
45-й дивизии Красной армии

Не пройдет и десяти лет, как И.Н. Криворуков опишет этот период в упомянутой брошюре «На рубеже отторгнутой земли...»: *«Все организованные как в Одессе, так и в Тирасполе части были сведены в полковые единицы и мною лично переданы в распоряжение 3-й армии, которой командовал тогда т. Худяков. В Одессе это была единственная военная вооруженная сила, которая состояла исключительно из уроженцев Бессарабии... Первейшей очередной задачей бессарабского правительства стала организация похода на Бессарабию и учреждение на ее территории рабоче-крестьянской власти... Приднестровская территория, таким образом, еще тогда стала зародышем будущей АМССР»* [4, с. 16-17].

Криворуков обращается к председателю Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкому с просьбой о прикомандировании к правительству Бессарабской ССР для успешного освобождения края И.Э. Якира, И.И. Гарькавого, Ф.Я. Левинзона и других уроженцев Бессарабии, советских командиров и организаторов Красной армии. Как вспоминал он впоследствии, *«т. Троцкий на мою телеграмму ответил, что он отдал приказ об откомандировании просимых работников, сообщив, что, кроме них, все бессарабцы готовы прибыть на борьбу с румынскими захватчиками по первому зову своего правительства»* [4, с. 34].

Однако отсутствие политического и военного опыта у зарождающейся Красной армии, партизанщина и анархистские настроения иногда не позволяли осуществить задуманное дело достаточно споро и успешно, обрекая его на поражение. Собранные в районе Тирасполя советские войска воодушевляли жителей оккупированных территорий; их освободительного похода ждали со дня на день. Когда красные части (полторы сотни сабель) в районе с. Чобручи 27 мая 1919 г. по собственной инициативе перешли Днестр и направились в сторону г. Бендеры, это было воспринято местными жителями как начало долгожданного освобождения. Вспыхнуло восстание, До конца и основательно не продуманное, не подготовленное.

Н. Григорьев, атаман 1-й бригады Заднепровской советской дивизии

Более неудачного момента для начала военного разгрома румынских оккупантов трудно себе было и представить. Дело в том, что командующий 6-й украинской стрелковой дивизией авантюрист Николай Григорьев (бывший штабс-капитан царской армии, служивший затем Скоропадскому на Украине, потом – петлюровцам и перешедший на сторону красных) 7 мая 1919 г. внезапно отказался выполнять приказ вести свою дивизию из Елизаветграда на Днестр для освобождения Бессарабии. Он поднял мятеж, объявил себя гетманом Украины и стал заниматься мародерством, грабежами и погромами. Бессарабские силы лишились мощной поддержки в 20 тыс. красноармейцев, свыше 50 орудий, 700 пу-

леметов, 6 бронепоездов. А через 10 дней после измены Григорьева белая армия А.И. Деникина двинулась вглубь Украины, пытаясь захватить Донбасс.

Без Донбасса Советам было просто не выжить. И планы в отношении Бессарабии срочно изменились. Но деятели рабоче-крестьянского правительства Криворукова этого не поняли. Они были уверены в неизбежном успехе своей операции. Как говорил сам Криворуков, *«огромный энтузиазм рабоче-крестьянских масс, буквально рвущихся в бой с румынскими угнетателями, давал руководителям полное основание рассчитывать на верный успех этого наступления»* [4. с. 17]. И эта простодушная самонадеянность тем более необъяснима, что на глазах Криворукова командир красного отряда в 300 сабель и 400 штыков Попов, бывший царский офицер, узнав о мятеже Григорьева, объявил себя «главковерхом» и увел свои части из Тирасполя на подмогу мятежникам. То же самое сделал и командир красных партизан Кожемяченко, ушедший к Григорьеву с кавалерийским отрядом в 150 сабель.

Ушел к мятежникам со своим бронепоездом и некий красный командир Живодеров, которого Криворуков характеризует достаточно сочно: *«За все время пребывания Живодерова на так называемом Тираспольском фронте он никогда трезвым не был. Характерна и такая вот деталь. В составе поезда Живодерова были несколько цистерн со спиртом; к ним то и дело прикладывалась вся команда поезда; поэтому становилось понятным, почему в районе «действий» Живодерова совершались возмутительнейшие преступления, которые в корень дискредитировали Советскую власть. Сам Живодеров жил в салон-вагоне, буквально утопая в роскоши. В этом салоне, наряду с ценнейшей картиной Репина, можно было увидеть богатую скульптуру великого мастера; пол салона был устлан дорогими мехами, а на столе красовалась четверть с недопитым спиртом, за столом же спал мертвецки пьяный сам Живодеров...»* [4, с. 24].

Трудно представить, что в такой ситуации можно было бы начинать бои с регулярной королевской армией для освобождения края. Да и сам Криворуков, когда вечером накануне выступления один из красных командиров заявил ему, что завтра утром он возьмет Бендеры, задумался не без сомнений. Как писал он сам, *«меня взяло раздумье: выполнимо ли в данный момент такое чрезвычайно серьезное выступление? Зная, какая была непростительная халатность в отношении упрочения организационной связи войсковых частей, я усомнился в положительном исходе этих операций.*

Приостановить их, однако, было уже поздно, да и не от меня это зависело, ибо военное командование в своих действиях было совершенно самостоятельно» [4, с. 25].

Было ли это признание запоздалым оправданием Криворукова в своем стратегическом просчете, мы не знаем. Но в операции приняли непосредственное участие многие члены его рабоче-крестьянского правительства, сотрудники, охрана правительственного поезда. Да и сам его глава признает: «*Мы постановили принять активное участие в этом выступлении. Было решено, что все члены правительства должны занять боевые посты»* [4, с. 26]. Скорее всего, И.Н. Криворуков, обуреваемый желанием скорейшего освобождения родного края от румынских захватчиков, абсолютно твердо поддерживал желание своих подчиненных перейти Днестр для разжигания восстания в Бендерах, но в то же время его терзали сомнения в отношении своевременности, подготовленности и шансов на успех этой акции. Они были низкими.

Когда ранним утром 27 мая отряд кавалеристов двинулся на Бендеры атаковать расположения румынских и французских войск, с левого берега Днестра его поддержал артиллерийский огонь. Бендерские большевики приняли эту авантюру за начало крупномасштабного наступления Красной армии и вывели на улицы рабочие дружины; отряды железнодорожников достали припрятанное оружие; нелегалы стали выходить из подполья. Они приступили к захвату казарм, вокзала, казначейства, и удача им сопутствовала. Французские и румынские солдаты стали сдаваться в плен массами, а некоторые даже с охотой и радостью. Не хватало лодок, чтобы переправлять их на левый берег. Часть перебежчиков вливалась в ряды повстанцев.

Панику и суматоху в рядах захватчиков Криворуков описывает так: *«Французское военное командование, убедившись в подлинной трусости румынского командования, допустившего до небывалого в истории позора, когда горсточка людей захватила город и держит его при наличии двух дивизий войск несколько часов в своих руках, когда сдают крепость, казначейство, в котором хранилось свыше 60 миллионов лей, вокзал, когда множество солдат сдается в плен, а вооруженная армия и жандармерия обращаются в бегство, спасая свою шкуру,–- узнав обо всем этом, французы решили устранить румынское командование и взять инициативу в свои руки»* [4, с. 30].

Однако оккупанты очень быстро определили, что ни о каком масштабном наступлении Красной армии и речи нет. К Бендерам быстро

были подтянуты воинские резервы с артиллерией, и город стал планомерно обстреливаться артиллерийско-пулеметным огнем. Французы начали обстреливать и Тирасполь, особенно район вокзала, где стоял правительственный поезд. Переправа через Днестр была уничтожена, и партизанам пришлось возвращаться на левый берег вплавь. Более 30 человек погибли, в том числе были убиты трое и пропали без вести четверо сотрудников рабоче-крестьянского правительства.

Румынские военные ворвались в Бендеры и начали кровавую расправу над участниками восстания. Горожан, заподозренных в симпатиях к повстанцам, расстреливали прямо на месте – на улице, во дворе, в саду, в доме, у стен крепости, на кладбище, в больнице. Раненых безжалостно добивали. Убивали и вышедших раньше времени подпольщиков. Большевистское подполье было фактически разгромлено, и оставшихся в живых участников Бендерского восстания ждал суд. На «Процессе 108» 17 человек были приговорены к смертной казни, остальные – к каторге и большим тюремным срокам [5, с. 507].

Так трагически закончилась очередная попытка освободить край от оккупантов. Через несколько месяцев прекратилась и деятельность рабоче-крестьянского правительства Бессарабской ССР, а вместе с ней – и несостоявшаяся попытка возродить молдавскую государственность. Войска Вооруженных сил Юга России под командованием А.И. Деникина в конце мая 1919 г. успешно наступали на Донбасс. А в августе белые взяли и Одессу. Местные красноармейцы оказались отрезанными от основных сил Красной армии. Они составили Южную группу войск под командованием И.Э. Якира и в течение двух недель прошли 400-километровый путь от Днестра до Житомира [2, с. 40]. Тогда же, в конце августа, сложило свои полномочия рабоче-крестьянское правительство несостоявшейся Бессарабской ССР, а Криворуков отступал вместе с другими частями Красной армии в качестве комиссара одной из них. Поезд с архивом, бумагами и финансами советского правительства Бессарабии пустили под откос бандиты на Украине, а глава правительства спасся чудом.

Свою неудачу в Бендерах он оценил как «безумную попытку повести наступление без всякого плана и подготовки». И далее Криворуков продолжал: *«Тем не менее нужно отметить, что это редкая в военной истории исключительно храбрая вылазка говорит за то, что ничего нет сильнее воли пролетариата, который даже горсточкой наводит ужас на буржуазное войско, заставляя его трепетать и подчиняться его моральной силе»* [4, с. 32].

Но история на этой неудаче не заканчивалась. Вместе со своим соратником по борьбе за власть Советов в Кишиневе И.Э. Якиром Криворуков прошел по фронтам гражданской войны в качестве военного комиссара 133-й бригады 45-й Бессарабской стрелковой дивизии. Он воевал с белогвардейцами Деникина, вел переговоры с Н.И. Махно, когда анархисты были в союзе с красными против белогвардейцев, и разоружал махновские банды, когда они выступили против красных.

По указанию Реввоенсовета Республики Криворуков предложил Нестору Махно *«влиться со своей армией в Красную армию или, заняв самостоятельно боевой участок, вместе с Красной армией повести наступление на Деникина»* [4, с. 50]. Ответ батьки, лежавшего в постели с головной болью после ночной пьянки, был в присущем ему стиле: «*От Гуляй-Поля до Симферополя вся территория принадлежит Махно, следовательно, он у себя дома и решил поэтому после перенесенных боев отдохнуть. Вливаться в Красную армию не находит нужным, а воевать будет тогда, когда сочтет для себя нужным»* [4, с. 50-51]. На этом переговоры и закончились.

Часть анархистов бросила батьку и вошла в состав Красной армии. Однако была и другая часть; по приказу Реввоенсовета красногвардейцы Криворукова и Левинзона стали разоружать элитные отряды махновцев. *«Понятно,* – вспоминал Криворуков, – *что без инцидентов такая операция пройти не могла, но суровые взгляды и железная воля красноармейцев поневоле внушали махновцам почтение к себе, и последние сдавались без особых нажимов. Обоз был огромный, необозримый и состоял исключительно из одних тачанок, запряженных тройкой и четверкой лучших лошадей... Войска, находящиеся на этих тачанках, производили впечатление нашествия Батыя. Прежде всего, это войско являлось отборным, состоящим из вполне испытанных бандитов с большим уголовным прошлым. Они все до одного были одеты в новенькие костюмы, пальто на меху, с меховыми воротниками, на голове каракулевая или меховая шапка. «Воины» важно восседали на перинах, а разноцветные английские – плюшевые или бархатные – одеяла укрывали им ноги. На тачанках рядом с «воинами» возлежали одна, а то и две «возлюбленные», в обнимку со своим «рыцарем» и воспевали махновский гимн: “Эх, яблочко, куды котисся!..”»* [4, с. 54].

Картина, по словам Криворукова, была достойна пера художника и создавала неизгладимое, никогда не забываемое впечатление – *«это была отборная часть пехоты Махно, которая утопала в ро-*

скоши, бриллиантах и золоте, а остальная обманутая масса – голодная, босая, оборванная – плелась пешком позади «гвардии» и сотнями, и тысячами гибла от сыпного тифа по крестьянским дворам или, истекая кровью, умирала без всякой медицинской помощи в борьбе с Деникиным» [4, с. 54-55]. Уже по этим словам, написанным через 10 лет после выхода из Александровского каторжного централа, мы можем судить, что И.Н. Криворуков, будучи министром (народным комиссаром республиканского правительства МАССР), оставался все таким же непримиримым борцом против несправедливого устройства жизни и человеческого существования, оставался защитником угнетенных, униженных, обездоленных.

После окончания гражданской войны вместе с Г.И. Котовским, Я.Я. Антиповым (Павлом Ткаченко), Г.И. Старым, И.И. Бадеевым и другими бессарабцами, участниками гражданской войны, Криворуков становится одним из отцов-основателей первой молдавской государственности на левобережье Днестра, в Приднестровье. Он принимает активное участие в образовании Молдавской АССР, входит в первое правительство автономной республики в качестве ее народного комиссара. Мечта Криворукова о создании молдавской советской государственности осуществилась. Правда, не с первой попытки в 1919 г., а со второй, в 1924 г., и не на территории Бессарабии, которая оставалась под сапогом оккупантов, а в составе Советской Украины на левобережье Днестра.

В последние годы жизни И.Н. Криворуков работал на ответственных постах в Киеве. В 1937 г. он был арестован органами НКВД, пал жертвой абсурдных обвинений в период жестоких репрессий. Впоследствии реабилитирован. Дата смерти И.Н. Криворукова точно пока не установлена. В некоторых источниках указывается 1937 г., время ареста; в некоторых – 1938 г., время суда; есть и другая дата – 1942 г. Дочь Криворукова, Мария Ивановна Бебешко, с которой удалось побеседовать о ее отце в Кишиневе в середине 80-х гг. XX в., поясняла, что наиболее вероятна последняя дата. Уже в послевоенные времена, в период «оттепели»,

М.И. Бебешко,
дочь И.Н. Криворукова

ее нашел один из репрессированных коллег ее отца, который сидел вместе с ним в лагере. По его словам, во время одного из допросов Криворуков ударил табуреткой по голове своего мучителя и был тут же застрелен. Случилось это в 1942 г. где-то в Сибири.

Так получилось, что в биографии этого замечательного человека есть еще много загадок и белых пятен. Однако представляется, что имя этого нашего земляка, простого рабочего и матроса, мужественного революционера, участника гражданской войны, государственного деятеля и основателя молдавской государственности в Приднестровье должно занять в нашей истории подобающее место. А его работы и воспоминания остаются важным источником по нашей истории, в том числе и по истории героического Бендерского восстания, столетие которого мы отмечаем. Печально лишь, что источники такого рода открываются нам спустя девяносто лет после их написания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борцы за счастье народное. Кишинев, 1987.

2. Иванова З.М. Левобережные районы Молдавии в 1918–1924 гг. (Исторический очерк). Кишинев, 1979.

3. История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Ч. 1. Тирасполь, 2001.

4. Криворуков И.Н. На рубеже отторгнутой земли (дни борьбы за Бессарабию). Одесса, 1928.

5. Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинев, 1982.

УДК 902(478) “1919.5.27”

С.Н. РАЗУМОВ,
канд. ист. наук (г. Тирасполь)

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СВЯЗАННЫЕ С СОБЫТИЯМИ БЕНДЕРСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

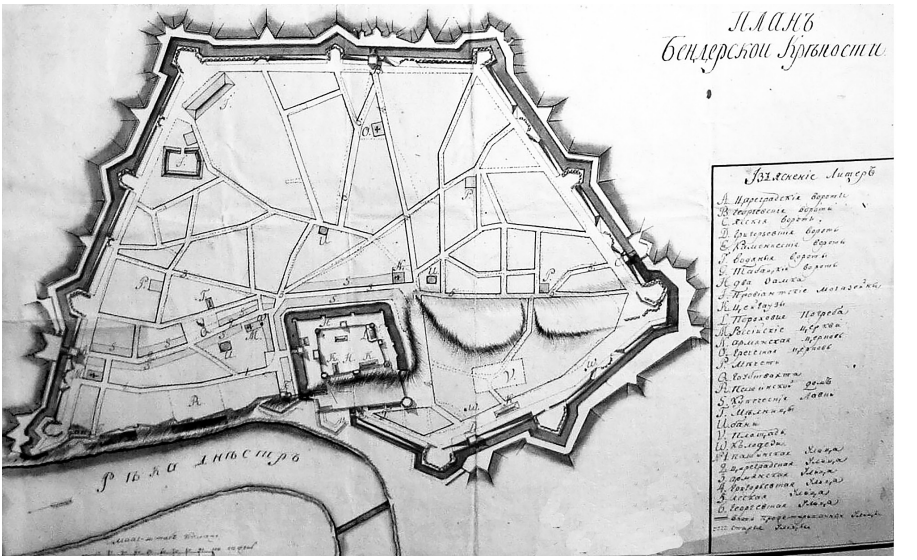
Аннотация: Статья посвящена характеристике результатов археологических раскопок нижнего яруса юго-восточной башни цитадели Бендерской крепости в 2019 г. В ходе исследований были вскрыты и изучены пять стратиграфических горизонтов периода XVI–XX столетий. Формирование четвертого горизонта, анализу материалов которого посвящена данная статья, связано с событиями Бендерского вооруженного восстания 27 мая 1919 г.

Ключевые слова: Бендерская крепость, Бендерское восстание, кинжал-бебут.

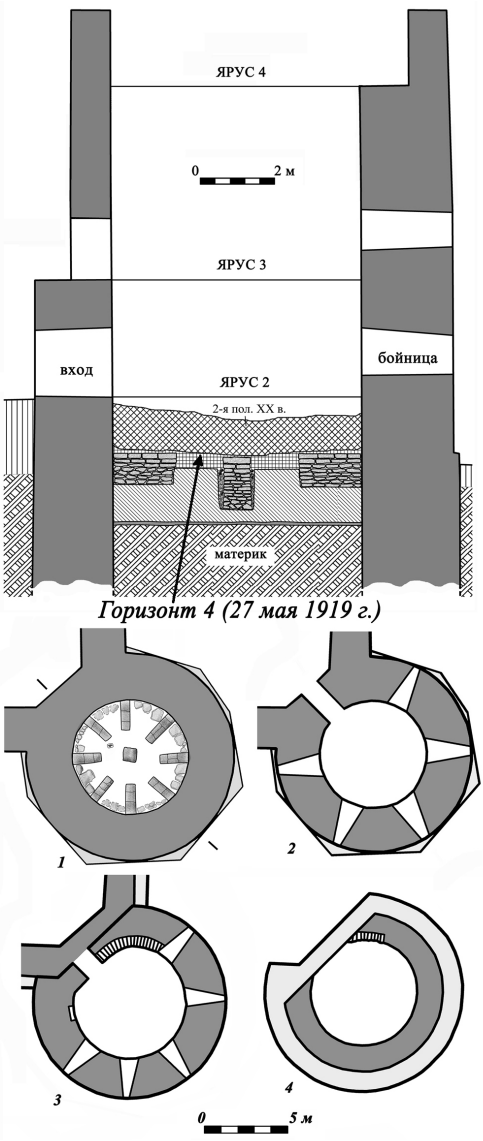
С 11 февраля по 23 марта 2019 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко провели исследования нижнего яруса юго-восточной башни цитадели Бендерской крепости. Руководил раскопками к.и.н., старший научный сотрудник С.Н. Разумов. В них принимали активное участие к.и.н., старший научный сотрудник С.А. Фидельский, старший научный сотрудник И.А. Четвериков, научный сотрудник С.О. Симоненко.

Бендерская крепость располагается на высоком правом берегу Днестра. В настоящее время крепостной ансамбль состоит из трех частей. Наиболее ранней является цитадель (первоначально – замок) в форме неправильного четырехугольника размерами 84x101x75x101 м, с восемью башнями по периметру, построенная турками предположительно в конце 30-х гг. XVI в. Позднее, в 1584 г., на второй береговой террасе, под цитаделью, была сооружена Нижняя крепость (1,1 га). Внешняя (Большая) крепость, ограниченная бастионным фронтом, была создана на верхнем береговом плато (62,35 га) в начале XVIII в. [1, с. 44; 7, с. 221–251]. Небольшие археологические исследования проводились И. Хынку в 1970 г. [9, с. 84] и Н.В. Гольцевой в 1990 г. [2, с. 1] только на территории Внешней крепости. В цитадели до 2019 г. научные раскопки не проводились.

Вид на цитадель Бендерской крепости со стороны с. Парканы на акварели М.М. Иванова (1770), стрелкой показана юго-восточная башня



План Бендерской крепости начала XIX в., стрелкой обозначена юго-восточная башня



Разрез всех ярусов юго-восточной башни по линии северо-запад – юго-восток; планы всех ярусов башни снизу вверх (2–4 – по: [7])

Юго-восточная, ближайшая к Днестру башня цитадели базируется на невысоком многоугольном цокольном основании. В плане имеет форму круга со срезанным (со стороны двора, с северо-запада) сегментом. Диаметр – 12 м, толщина стен – до 2,5 м, высота – 13 м. В башне четыре яруса. Нижний ярус, исследованный в 2019 г., входа и бойниц не имел. Вход во второй ярус осуществляется со двора (первоначально имел наружную лестницу, поскольку уровень двора был ниже на 1,5-2 м). На третий ярус ведет вход с боевого хода куртины. Каменная круговая лестница с третьего яруса ведет на верхний, четвертый, с мерлонами по периметру. В стенах второго яруса сооружены пять артиллерийских бойниц, в стенах третьего – четыре бойницы и один камин [7, с. 227].

К началу раскопок нижний ярус был заполнен практически до уровня современного входа со стороны двора цитадели. На глубине 3,35 м от уровня входа расчищен пол в виде слоя утрамбованной известняковой крошки, скрепленной раствором. Его сооружение связано с первым строительным горизонтом башни (1538-1539). Второй строительный горизонт представлен заполнением нижнего яруса башни в виде светло-желтого лессовидного суглинка мощностью 1,6-1,7 м. Он датирован 1584 г., когда по приказу турецкого султана молдавский господарь Петр Хромой приступил к реконструкции наполовину разрушенных польско-казацкими набегами укреплений. Третий строительный горизонт представлен восемью радиальными «контрфорсами» и центральным столбом из плит известняка на растворе, расположенными на 1,5 м ниже входа в башню. Он относится к последней четверти XVIII в. Пушечные ядра и следы пожара в этом горизонте – последствия осады и штурма крепости российской армией в 1770 г. Выше исследованы два горизонта, датированных XX в. Последний, пятый горизонт, отложился в основном в 1970-х – 1990-х гг. в результате хозяйственной деятельности дислоцированных в крепости частей Советской армии. Формирование четвертого горизонта, анализу материалов которого посвящена данная статья, связано с событиями Бендерского вооруженного восстания 27 мая 1919 г.

Итак, мощность отложений четвертого стратиграфического горизонта составляла около 0,4 м ближе ко входу в башню и несколько меньше в дальних от него секторах. Эти отложения состояли из большого количества строительного мусора, а также из различных изделий конца XIX – начала XX вв. Слой насыщен древесным углем, золой и пеплом. Среди наиболее выразительных находок следующие:

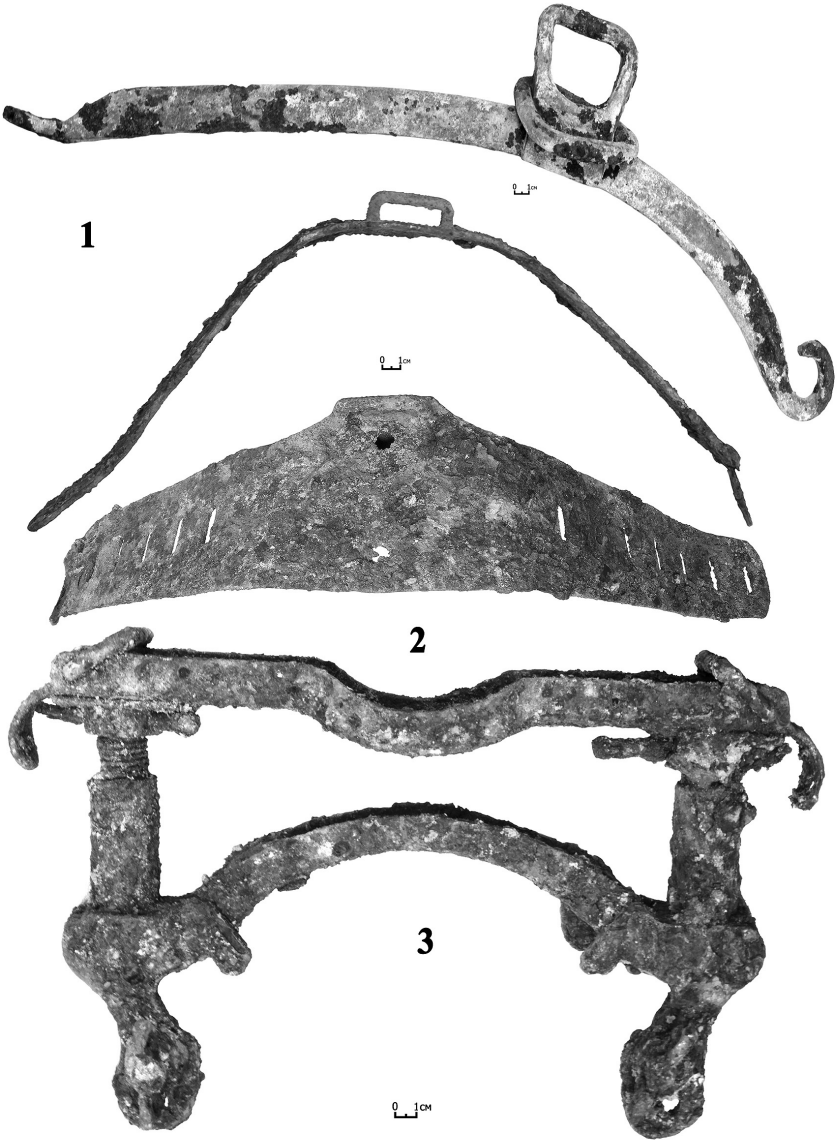


Рис. 1. Железные детали конской упряжи

1) пряжки от конской упряжи (семь экземпляров) массивные двойные, размеры 90х60 мм, диаметр сечения 8 мм, язычок длиной 60 мм, с двух сторон рамки жестяные цилиндры для предохранения ремней длиной по 40 мм;

2) крепления упряжи (шесть экземпляров) массивные, из пары сваренных параллельно прутов, выгнутых в «скобку», на концах по одной железной рамке для ремней, размеры «скобок» 150х55 мм, диаметр сечения прутов по 14 мм, размеры рамок 40х25 мм, диаметр сечения 6 мм;

3) массивные крепления артиллерийских упряжек *(рис. 1–3)* (восемь экземпляров) в виде двух фигурных скоб П-образного сечения, соединенных парой винтов с железными рамками для ремней на концах, размеры скоб 300х40х20 мм, толщина 3 мм, винты длиной по 210 мм, диаметр 30 мм;

4) дуги от упряжек *(рис. 1-1)* (девять экземпляров) асимметричные, длиной по 580 мм, шириной до 25 мм, толщиной до 8 мм. Ближе к одному из окончаний имеется прямоугольная рамка размерами 70х65 мм, на которой закреплена треугольная железная пряжка размерами 80х70 мм, диаметр сечения 10 мм. Короткий конец дуги загнут в петлю диаметром 40 мм, на длинном – рамка размерами 40х40 мм, диаметр сечения 7 мм;

5) дуги от каркаса кавалерийского седла *(рис. 1-2)* (шесть экземпляров), длина 340 мм, высота 160 мм, ширина дуги сверху 85 мм, на концах по 40 мм, толщина 2 мм. На плоскости дуги 14 прямоугольных отверстий размерами 17х6 мм, на верхней части – два круглых отверстия диаметром 8 мм и железная рамка для ремня размерами 40х10 мм;

6) подкова конская *(рис. 2-4)*, размеры 145х135 мм, ширина до 30 мм, толщина до 12 мм. Найдена вместе с частью копыта лошади;

7) стремена железные (15 экземпляров) *(рис. 2-3)*. Дужки сделаны из прута (диаметр сечения 10 мм), вверху перекрученного в петлю для путлища (40х10 см). Высота стремени 165 мм, ширина 150 мм. На верху петли для путлища жестяной цилиндрик длиной 40 мм. Основание сделано из полосы железа (125х55х25 мм, толщина полосы 2 мм), вертикальное, соединено с дужкой заклепками диаметром 10 мм. Стремена казачьего образца, Российская империя [6, с. 146];

8) стремя железное *(рис. 2-2)*. Дужка сделана из прута прямоугольного сечения (18х4 мм), сверху прорезь для путлища (40х7 см). Высота стремени 165 мм, ширина 135 мм. Основание уплощен-

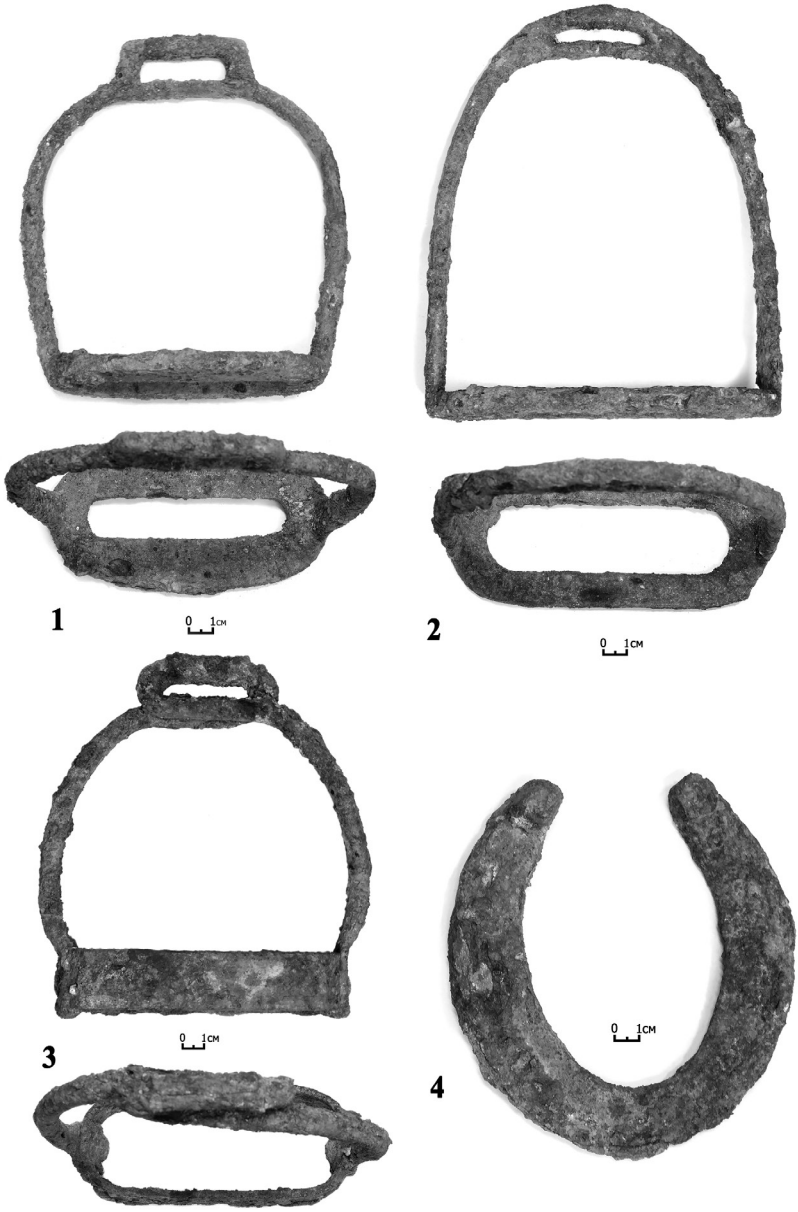


Рис. 2. Железные стремена и подкова

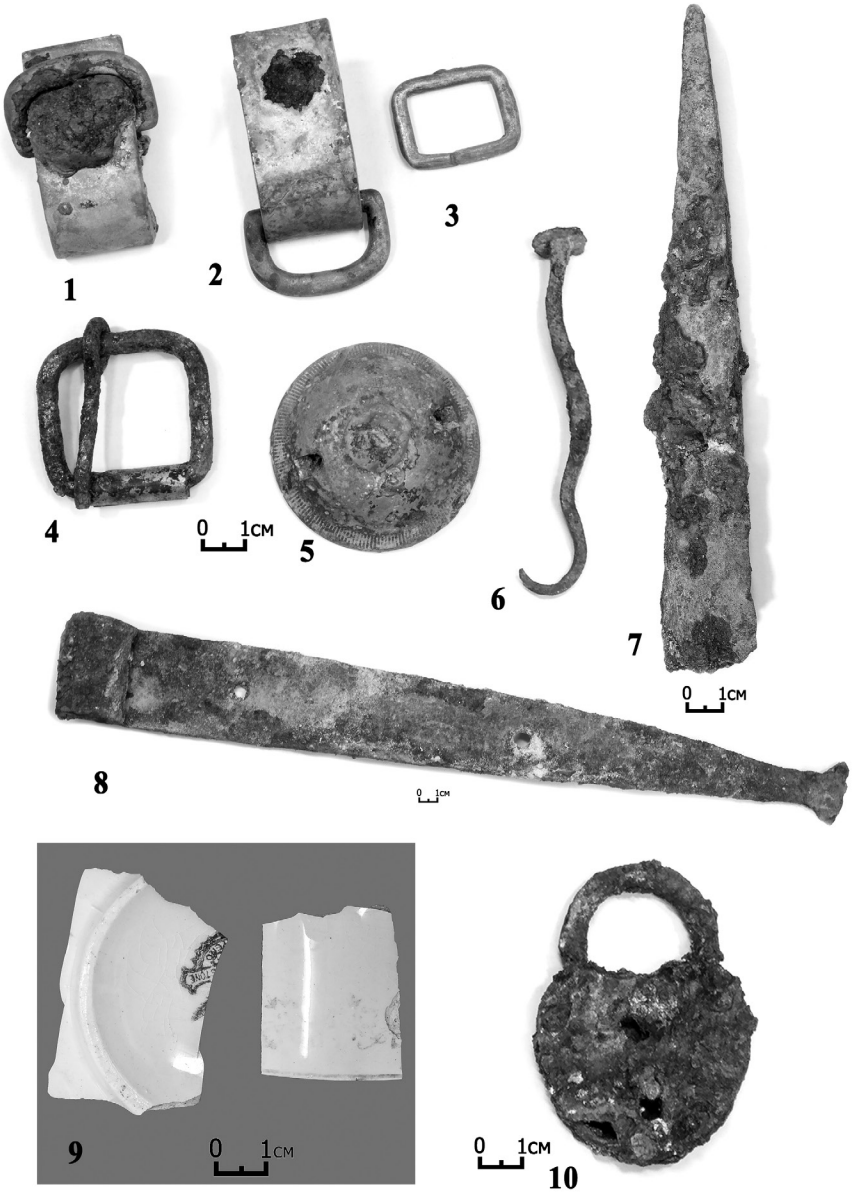


Рис. 3. Изделия из латуни (1–3, 5), железа (4, 6–8, 10) и фаянса (9)

ное (135х60х8 мм), приварено. Размеры прорези 105х32 мм. Стремя «французского образца», принятое на вооружение для нижних чинов кавалерии и конной артиллерии Российской империи в 1911 г. [6, с. 146];

9) стремя железное *(рис. 2-1)*. Дужка сделана из прута (диаметр сечения 8 мм), сверху прямоугольная петля для путлища (38х14 см). Высота стремени 156 мм, ширина 135 мм. Основание уплощенное (112х60х6 мм), приварено. Размеры прорези 84х18 мм. Стремя образца 1888 г. для конского снаряжения нижних чинов кавалерии и конной артиллерии Российской империи [6, с. 146];

10) крепления для кавалерийских седел латунные (два экземпляра) *(рис. 3-2)*. Согнуты из пластин, соединенных железными заклепками, внутри каждого – по сегментовидной рамке для ремней. Размеры 45х22 мм, толщина пластин 2 мм;

11) наконечник ножен кинжала-бебута *(рис. 4-1)*. Сделан из свернутой конусом медной пластины, запаянной по шву. Ближе к широкому концу – два отверстия для скобки диаметром до 1 мм, ниже отверстий – клеймо в виде литеры «А», вершиной направленной к острию кинжала. Наконечник ножен завершается припаянной декоративной латунной сферой диаметром 14 мм, отделенной от остального наконечника диском диаметром 12 мм и толщиной 2 мм. Общие размеры наконечника ножен 78х36х11 мм, толщина медной пластины 0,5 мм. Внутри него находились обломки собственно ножен в виде двух деревянных пластин, обтянутых черной кожей.

Артиллерийский кинжал-бебут для нижних чинов (солдаты и унтер-офицеры) Русской Императорской армии образца 1907 г. *(рис. 4-2)* был предназначен для нанесения колющих, рубящих и режущих ударов. Длина клинка с рукоятью составляла 59,5 см, длина клинка – 43,5 см, ширина клинка у пяты – 3,8 см, длина ножен – 48,5 см. В 1907 г. кинжал заменил шашки у всех нижних чинов жандармов, кроме вахмистров, чинов крепостных жандармских команд и строевых частей. В 1908 г. был принят на вооружение нижних чинов пулеметных команд. В 1909 г. заменил шашки у всех нижних чинов артиллерийских войск, кроме конной и конно-горной артиллерии, а также кроме фельдфебелей и фейерверкеров в полевой пешей, горной и парковой артиллерии и трубачей в управлениях пешей артиллерии. В 1910 г. вновь заменен шашками у нижних чинов жандармов. В этом же году принят на вооружение нижних чинов команд конных разведчиков пехотных полков. Использовался и после 1917 г. в РККА.

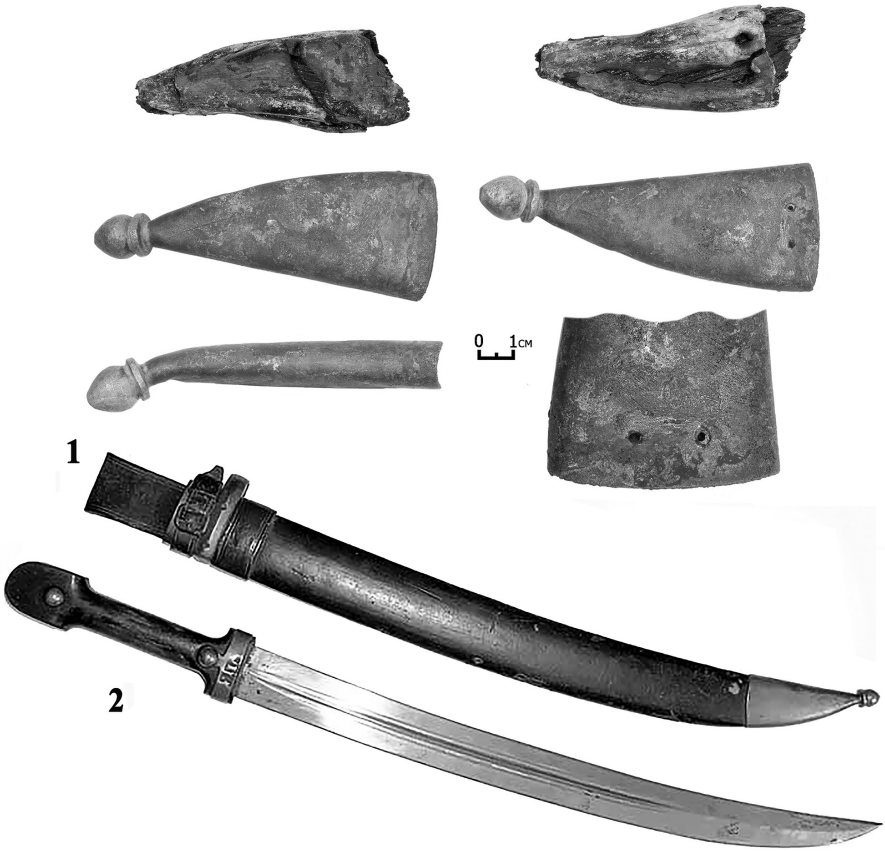


Рис. 4. 1 – наконечник ножен кинжала-бебута;
2 – общий вид кинжала-бебута (по: [10])

Бебуты образца 1907 г. выпускались в Российской империи тремя оружейными заводами: Златоустовским, Ижевским и Артинским. Литера «А» на наконечнике ножен – клеймо инспекторской приемки детали, начальная буква фамилии приемщика Златоуста [10];

12) окончание дистанционной трубки *(рис. 3-5)* для артиллерийского шрапнельного снаряда калибра 76 мм (три дюйма) [11] в виде латунной полусферы с конусовидной «кнопкой» на вершине, диаметром 15 мм. Снаружи по периметру – мелкая насечка, выдавленные литера «П» и число «29». Диаметр 48 мм, высота 20 мм;

13) изделия (подставки?) (два экземпляра) из суставов длинных костей копытных животных. С одной стороны – ровные спилы, залощенность от длительного употребления. Размеры 42х40 мм и 65х40 мм;

14) фрагменты венчика и дна фаянсовой чашки *(рис. 3-9)*. На дне клеймо производителя (Итальянское общество керамики в Лавено, Ломбардия, Италия): орел с расправленными крыльями и свитками с надписью: VERBANUM STONE / SCI / LAVENO. Такое клеймо зеленого цвета использовалось данным изготовителем в 1900–1924 гг. [12]. Диаметр дна 50 мм;

15) литой чугунный декоративный уголок (от мебели?) с шипом-ножкой. Размеры 100х45х2 мм, длина ножки 50 мм, сечение подквадратное 14х13 мм;

16) оловянная ложка, черенок частично утрачен, размеры 13х45 мм;

17) фрагмент дна винной бутыли темно-зеленого стекла, диаметр 80 мм, высота 55 мм;

18) фрагмент горла бутылки, сильно патинирован от пожара, диаметр 30 мм, высота 86 мм;

19) зубец *(рис. 3-7)* железный декоративный (от решетки ворот?), кованый. Перекручен вдоль длинной оси в пол-оборота, сечение подквадратное 20х24 мм, на двух противолежащих гранях – сделанные зубилом косые насечки (по шесть), длина зубца 180 мм;

20) пряжка железная *(рис. 3-4)*, рамка размерами 32х30 мм, диаметр сечения – 4 мм, длина язычка – 44 мм;

21) гвозди железные кованые, длина 90 и 136 мм, размеры прямоугольных шляпок – 17х16 и 26х15 мм;

22) петля дверная железная кованая *(рис. 3-8)*, длина 440 мм, ширина 18–60 мм, толщина 10 мм, широкий конец загнут в петлю диаметром 40 мм, узкий раскован в виде трапеции 12х18-36 мм. Два отверстия для крепежа диаметром 10 мм;

Рис. 5. Латунные гильзы от винтовок Лебеля (1–3) и Манлихера (4)

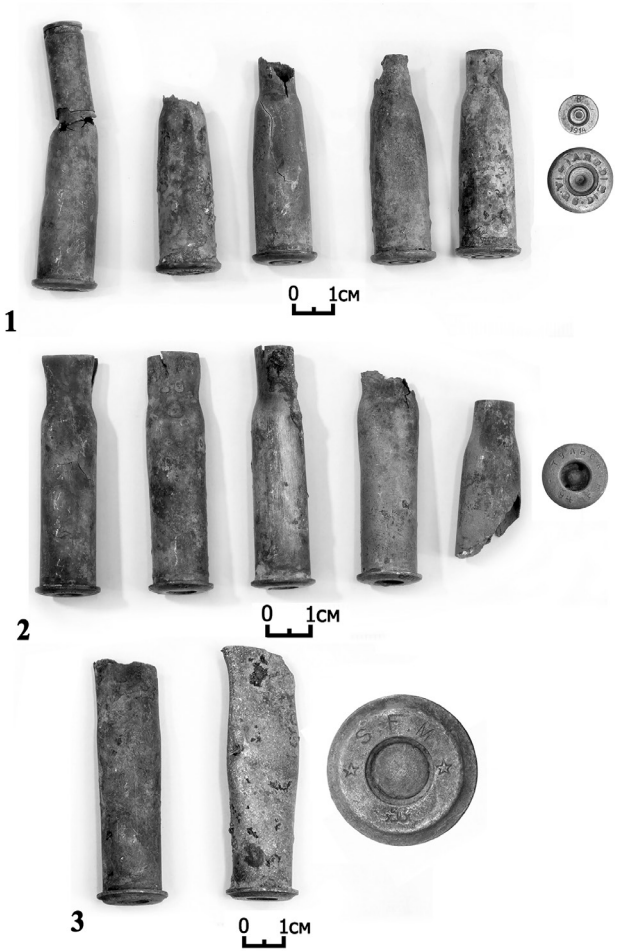


Рис. 6. Латунные гильзы от винтовок Лебеля (1, 3) и Мосина (2)

23) замок железный навесной *(рис. 3-10)*, в плане сердцевидный, размеры 50х56х11 мм, дужка размерами 35х45 мм, диаметр ее сечения 7 мм;

24) фрагмент декоративного кирпича от фигурного карниза (для камина?), продольный край оформлен в виде трех выступов, цвет красный со следами побелки, размеры 160х122х54 мм;

25) кирпич желто-розовый, вдавленное клеймо «БК 46» (Бендерская крепость 1846 г.), размеры 225х125х70 мм;

26) кирпич желто-красный, выпуклое клеймо «БН 56» (Бендеры 1856 г.), размеры 265х135х70 мм;

27) три гильзы латунных от патронов для винтовки Манлихера производства Австро-Венгрии (калибр 8 мм) [3, с. 504, 654–656] *(рис. 5-4)* (завод Вейсса, Будапешт, 1918 г. – два экземпляра; завод в Веллерсдорфе, Австрия, 1916 г. – один экземпляр); одна гильза от патрона для винтовки Манлихера производства Румынии (калибр 6,5 мм) [3, с. 506, 654–656] 1906 г.;

28) пять гильз латунных от патронов для винтовки Мосина калибра 7,62 мм [3, с. 497-498, 654–656] *(рис. 6-2)* (Тульский завод, 1894 г. – один экземпляр; Петербургский завод, 1890, 1912, 1915 гг. – всего три экземпляра; отломанное горлышко);

29) 26 гильз латунных от патронов для винтовки Лебеля калибра 8 мм [3, с. 501, 654–656] *(рис. 6-1, 3; рис. 5-1–3)* (фирма Ремингтон, США, заказ правительства Франции, 1916 г. – один экземпляр; фирма «SFM», Франция, без даты выпуска (Первая мировая война) – два экземпляра; заводы Франции (Ренн, Версаль, Жевело и Гопиль), 1914 г., – два экземпляра; 1915 г. – один экземпляр; 1916 г. – 12 экземпляров (в том числе один патрон с пробитым капсюлем, но не вышедшей пулей); 1917 г. – два экземпляра; 1918 г. – шесть экземпляров);

30) гильза латунная от патрона для пистолета Браунинга 9 мм образца 1903 г., завод в Хиртенберге, Австрия, 1914 г. [3, с. 652] *(рис. 6-1)* (надета на горлышко упомянутой гильзы от патрона для винтовки Лебеля, Ренн, Франция, 1916 г.).

Многочисленные обгоревшие фрагменты конской упряжи, ящиков, снарядов шрапнельных и фугасных (трехдюймовых), противогазных масок, пряжки, наконечник ножен кинжала-бебута, гильзы, кости лошадей, в том числе в анатомических сочленениях (одна кость ноги прямо вместе с подковой) найдены в нижней части горизонта 4, среди остатков пожара, в котором, вероятно, сгорели половицы нижнего на тот момент яруса, настеленные на каменные опоры последней четверти XVIII в.

Датировать горизонт (или, по крайней мере, его нижнюю часть) наиболее надежно можно с помощью многочисленных (36 экземпляров) гильз, подавляющее большинство из которых – от патронов французской винтовки Лебеля калибра 8 мм. Согласно клеймам на их донышках, данные патроны были произведены в 1914–1918 гг., причем для гильз 1918 г. обозначены месяцы изготовления – с января по май. Патроны для винтовки Манлихера были сделаны в 1906–1918 гг., для винтовки Мосина – в 1894–1915 гг., для пистолета Браунинга – в 1914 г. Таким образом, четвертый стратиграфический горизонт не мог отложиться ранее середины 1918 г. Но реально он должен датироваться несколько более поздним временем, учитывая время на доставку самых поздних патронов из Франции в Бендеры. Следует заметить, что французские войска расквартировались в городе и крепости на постоянной основе в самом конце 1918 г. [5, с. 76]. Наконечник ножен кинжала-бебута образца 1907 г., фрагменты чашки из итальянского фаянса первой четверти XX в. и другие предметы не противоречат данной датировке. В то же время материалов, однозначно датируемых временем после 1919 г., в четвертом горизонте нет. Характер находок говорит об очень кратком времени накопления слоя. Отметим, что французские войска покинули крепость уже во второй половине июня 1919 г. [5, с. 76].

По нашему мнению, единственное событие, соответствующее датировке и характеру формирования горизонта 4 – это Бендерское вооруженное восстание 27 мая 1919 г. Винтовками Мосина и Лебеля были вооружены повстанцы и красноармейцы, винтовками Мосина, Манлихера, Лебеля – румынские и французские части [5, с. 50–64].

Во время восстания артиллерийские обстрелы имели место как со стороны румынской и французской армий (из Борисовки и Хаджимуса), так и со стороны РККА (с левого берега Днестра) [5, с. 50–64]. Из окрестностей с. Парканы именно по крепости с рассвета 27 мая начали вести огонь «из тяжелых орудий» две батареи артиллерии РККА, что послужило сигналом к выступлению повстанцев [4, с. 319; 5, с. 50]. Впрочем, мы считаем, что на вооружении немногочисленных отрядов красноармейцев в районе Тирасполя на тот момент самыми «тяжелыми» орудиями могли быть лишь наиболее массовые полевые пушки гражданской войны – «трехдюймовки» [11], фрагменты снарядов которых найдены в четвертом горизонте башни. Возможно, именно благодаря деморализующему

воздействию обстрела крепости этими двумя батареями (в каждой штатно шесть либо восемь орудий [11]) два румынских батальона выбросили белый флаг перед горсткой переправившихся на правый берег Днестра красноармейцев. Правда, чуть позднее румыны передумали сдаваться, когда к ним со стороны Варницы прорвались французские войска [4, с. 319-320; 5, с. 54-55; 8, с. 28–30].

Анализируя археологические источники, мы пришли к выводу, что в результате боевых действий, предположительно артобстрелов, в башне (которая является ближайшей к реке из башен цитадели и поэтому служила прекрасным ориентиром для артиллеристов) начался сильный пожар. Он уничтожил, кроме прочего, деревянный пол нижнего на тот момент яруса. Гильзы, или, по крайней мере, их большая часть, могли быть результатом ведения ружейно-пулеметного огня румынами и французами из бойниц верхних ярусов, вероятно, по району переправы у взорванного еще в апреле железнодорожного моста. Ни одной пули в заполнении нижнего яруса и в стенах башни не найдено (кроме не вышедшей из гильзы после пробития капсюля пули от винтовки Лебеля – *рис. 5-3*), то есть перестрелки внутри помещений башни не было.

Обгоревшие металлические части седел, другой конской упряжи, противогазных масок, стремена лежали в слое довольно компактно (ближе ко входу). Наиболее вероятно, что ко времени Бендерского восстания в нижнем ярусе башне находился склад воинского имущества, оставшийся от царской армии (в основном конская упряжь). Имущество хранилось в больших деревянных ящиках. Металлические детали таких ящиков (жестяная обивка, ручки, гвозди) в больших количествах были найдены при раскопках. Обгоревшее содержимое ящиков, провалившееся при пожаре через половицы, и было обнаружено нами в нижней части горизонта 4. Некоторые находки, зафиксированные выше гильз и стремян, в том числе и кости лошадей в анатомических сочленениях (и с подковами), вероятно, были свалены в башню позднее, в процессе уборки территории крепости после боевых действий.

Возникает вопрос: почему сразу после пожара башню цитадели, давно утратившей военное значение и являвшейся к тому времени преимущественно местом расположения командования гарнизона и складирования имущества, не отремонтировали, а превратили в мусорную свалку, сбросив в нее, среди прочего, и куски гниющих трупов лошадей? Вероятно, причину следует искать в том факте, что на подавление восстания (поддержанного частью французских солдат)

французское командование бросило войска из африканских колоний (зуавов) [4, с. 319-320; 5, с. 54-55; 8, с. 28–30]. Они же заняли все ключевые пункты в городе после 27 мая, в том числе крепость. Зная, что французские части покинут территорию Бессарабии уже через считанные дни [5, с. 76], зуавы, очевидно, не особо волновались о дальнейшем использовании оставляемых ими румынам сооружений.

Верхняя часть заполнения горизонта 5 представлена преимущественно обломками кирпичей, в том числе с клеймами 1846, 1847 и 1856 гг. (производства бендерских кирпичных заводов), и железными деталями отопительных печей. Вероятно, этим строительным мусором, оставшимся от сноса зданий XIX в. на территории крепости, в 1920-х – 1930-х гг. румынскими военнослужащими была сделана вымостка нижнего на тот момент уровня башни поверх слоя, отложившегося 27 мая 1919 г.

Таким образом, Бендерское вооруженное восстание, несмотря на краткость этого небольшого эпизода на фоне грандиозных событий гражданской войны и интервенции, отобразилось не только в документах той эпохи, но и в археологических источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аствацатуров Г.О. Бендерская крепость. Бендеры, 2007.

2. Гольцева Н.В. Отчет об археологических исследованиях южного участка рва Бендерской крепости. Архив Национального музея истории Молдовы. № 316. Кишинев, 1990.

3. Жук А.Б. Справочник по стрелковому оружию. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992.

4. За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920 гг.): Сборник документов и материалов. Кишинев, 1967.

5. Зайцев А.В. Бендерское вооруженное... Кишинев, 1971.

6. Клочков Д.А. Гвардейская тяжелая кавалерия. Обмундирование. М., 2015.

7. Красножон А.В. Бендерский фортификационный комплекс XV–XVIII вв. Stratum plus. 2011. № 6.

8. Криворуков И.Н. На рубеже отторгнутой земли (дни борьбы за Бессарабию). Одесса, 1928.

9. Полевой Л.Л., Бырня П.П. Средневековые памятники XIV–XVII веков. Археологическая карта МССР. Вып. 7. Кишинев, 1974.

10. Солдатский кинжал «Бебут» образца 1907 года. Режим доступа: http://zonwar.ru/xolodnoe/russ_combat_knife/Bebut.html

11. Широкорад А.Б. Знаменитая «трехдюймовка» // Военное обозрение. 2013. Режим доступа: https://topwar.ru/26711-znamenitaya-trehdyuymovka.html

12. Costa S. Societa Ceramica Italiana di Laveno. 2012. Режим доступа: https://steko.iosa.it/2012/01/societa-ceramica-italiana-di-laveno/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

***Алферьева** Людмила Павловна* – помощник председателя историко-архивного отдела Тираспольско-Дубоссарской епархии.

***Бабилунга** Николай Вадимович* – канд. ист. наук, профессор, академик Международной славянской академии наук, заслуженный работник народного образования ПМР.

***Благодатских** Ирина Михайловна* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

***Бомешко** Борис Григорьевич* – канд. ист. наук, профессор кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

***Войт** Иван Алексеевич* – ст. преподаватель кафедры государственного управления Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

***Дымченко** Николай Викторович* – канд. культурологии, зав. кафедрой общих гуманитарных и правовых дисциплин НОУ ВППО «Тираспольский межрегиональный университет», директор Центра исследования культурно-исторического и духовного наследия Приднестровья.

***Иваненко** Игорь Николаевич* – канд. полит. наук, эксперт Института русского зарубежья.

***Мельничук** Алла Антоновна* – директор МУ «Тираспольский государственный объединенный музей».

***Мунтян** Лариса Васильевна* – учитель истории высшей категории МОУ «Тираспольский общеобразовательный лицей».

***Мясникова** Наталья Владимировна* – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и политического анализа Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

***Оськин** Максим Викторович* – канд. ист. наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации.

***Разумов** Сергей Николаевич* – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник НИЛ «Археология».

***Содоль** Вячеслав Анатольевич* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

***Тихонов** Александр Геннадьевич* – научный сотрудник МУ «Историко-краеведческий музей г. Бендеры».

Царан *Татьяна Ипполитовна* – ст. преподаватель кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

Чащина *Лариса Федоровна* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

Шорников *Петр Михайлович* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора ПГУ им. Т.Г. Шевченко С.И. Берил 3
Приветственное слово директора историко-краеведческого музея г. Бендеры И.Г. Смирновой 5
Предисловие 10

РАЗДЕЛ I.

ПРИДНЕСТРОВЬЕ В ВОДОВОРОТЕ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН 12

Н.В. Бабилунга. Россия и Румыния в годы Первой мировой войны: союзники или враги? 12
М.В. Оськин. Бухарестская операция 16–24 ноября 1916 года: решающий момент в сражении за Румынию 28
А.Г. Тихонов. Бендерские власти в марте 1917 года 46
И.А. Войт, И.Н. Иваненко. «Хлебный договор» с Украинской Народной Республикой и гибель Австро-Венгрии 57
Н.В. Дымченко. 100 лет «Дроздовскому походу»: из Первой мировой в Гражданскую войну (к вопросу сохранения исторической памяти) 64
А.Г. Тихонов. Воспоминания и фотоархив Г.-Ж. Робера как источник информации о жизни Бендер и Тирасполя в конце 1918 – начале 1919 годов 70
И.М. Благодатских. Вооруженное нападение на Тирасполь 19 ноября 1921 года и его последствия 81

РАЗДЕЛ II.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....94

Л.В. Мунтян, В.А. Содоль. Первая мировая война и трансформация церковной жизни Бессарабии и Приднестровья 94
Л.П. Алферьева. С крестом и молитвой: участие военного духовенства в Первой мировой войне 107
Т.И. Царан. Из истории Русской православной церкви в годы Первой мировой войны 122
Л. Ф. Чащина. Воинская икона Божией Матери «Августовская» периода Первой мировой войны (в храмах Пруто-Днестровских земель) 133

Н.В. Мясникова. Движение сестер милосердия в годы Первой мировой войны 139

РАЗДЕЛ III.

АННЕКСИЯ БЕССАРАБИИ И НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ 144

П.М. Шорников. Подготовка правительством Румынии аннексии Бессарабии на завершающем этапе Первой мировой войны 144
В.А. Содоль. Оккупация Бессарабии Королевской Румынией и позиция православного духовенства края (1918-1919 гг.) 161
А.А. Мельничук. Тирасполь и румынская оккупация Бессарабии 174

РАЗДЕЛ IV.

БЕНДЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ: ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ 181

П.М. Шорников. «Белые» и «красные» на Днестре в годы гражданской войны. 1918–1920 г. 181
Б.Г. Бомешко. К 100-летию несостоявшегося проекта «Бессарабская ССР» 217
Н.В. Бабилунга. Бендерское восстание в контексте возрождения молдавской государственности (на основе записок И.Н. Криворукова) 225
С.Н. Разумов. Материалы археологических исследований, связанные с событиями Бендерского вооруженного восстания 240

Сведения об авторах 258

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание
ПРИДНЕСТРОВЬЕ В 1914-1920-Е ГОДЫ:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ
Сборник докладов научно-практических конференций
28 июля 2010 г.
9 ноября 2018 г.
24 мая 2019 г.
(избранное)

Редакторы: В.А. Содоль, И.П. Шорников, А.В. Моспанов
Компьютерная верстка и дизайн: В.Ю. Бузук
Корректор: Л.П. Алферьева
Подписано в печать 18.02.2021. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 17,5. Тираж 200 экз. Заказ № 0430

Отпечатано с готового оригинал-макета на
ЗАО «Типар». 3300 г. Тирасполь, пр. Магистральный, 10а